

АЛЕКСАНДРЪ

ISSN 2542-0135

литературно-историческия журнал № 1 (88)
январь, 2024

S. NIKAS

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!

Вашему вниманию представлен первый, новогодний номер литературно-исторического журнала «Александръ», который мы постарались сделать максимально сказочным, наполнить вкусом детства, рассказать настоящую шоколадную историю.

В реализации этого проекта нам помогли профессионалы, люди, выбравшие своим любимым делом изучать историю шоколада и делиться интересными фактами о его появлении и распространении по всему миру, работающие в холдинге «Объединённые кондитеры».

Считаю, что январский «Александръ» является удачным началом нового года, и в дальнейшем мы не планируем отходить от принципа делать все номера тематическими, посвятив февраль Дню защитника Отечества, март – творчеству прекрасной половины человечества, апрель – празднику Пасхи и Дню космонавтики, май – Великой Победе, ну а июнь, конечно, Александру Пушкину, чьё имя и носит наш журнал. Приглашаем наших авторов направлять свои произведения.

Новый год – это чудесный праздник, который возвращает нас в детство, в мир сказок и чудес. Не переставайте верить в чудо, во всё самое светлое и, конечно же, создавайте его тоже. И пусть ваши желания, стремления будут неисчерпаемы, и в новом году пусть обязательно находятся те люди, случаются те события, которые будут вдохновлять вас на новые маленькие и большие победы!

Анатолий ТРУБА,
директор – главный редактор

**ДОРОГИЕ ДРУЗЬЯ!
ДЕТИ И ИХ РОДИТЕЛИ, ПЕДАГОГИ
И ВОСПИТАТЕЛИ!
ВСЕ, КТО С ВОЛНЕНИЕМ, НАДЕЖДОЙ
И РАДОСТНЫМ ПРЕДЧУВСТВИЕМ
ГОТОВИТСЯ К ВСТРЕЧЕ НОВОГО ГОДА!**

С наступающим волшебным праздником! Мы связываем его с исполнением самых заветных желаний, добрыми свершениями, позитивными переменами. Зачастую мы даже не задумываемся, как давно эта традиция появилась на нашей земле, почему она так волнует наши умы и сердца, для чего мы стремимся сделать новогоднюю ночь самым блистательным событием года, интересным, тёплым, весёлым, полным неожиданных сюрпризов. Может быть, всё это оттого, что желание «начать жизнь с чистого листа» посещает нас время от времени, или порой хочется оставить накопившиеся проблемы в прошлом, или... или... или... А может быть, мы просто привыкли к «отправным точкам»? Понедельник начинает неделю, первое число открывает грядущий месяц, а день рождения – персональный новый год. Важно лишь, чтобы все, в ком незримо живут вера, надежда и любовь, стремились к лучшему.

А наше юное поколение... Что для них этот праздник? Подарки от родителей, Дед Мороз, вкусные угощения и торт, громкая музыка дискотек, сверкающие огни нарядного города, фейерверки и прочее?

Традиция наряжать ёлку, придумывать подарки родным и близким – прекрасный повод для рассказа своим чадам о том, как всё происходило раньше, в детские и школьные годы мамы и папы, вспомнить смешные истории, поговорить о жизни, в конце концов! Неужели не получится?! У взрослых свои дела и проблемы, у нынешних детей – свои... и что же? Мы сами разорвём эту связь времён, отправим самое дорогое, что у нас есть, в интернет, а потом будем сетовать на то, что мы друг друга не очень хорошо понимаем? Конечно, это не про вас, дорогой читатель. Верю, в вашем доме всё отлично.

И всё же мы подготовили несколько историй, которые можно использовать для увлекательной беседы – как пришёл этот дивный праздник в Россию, как его отмечали во времена войны, из чего делали ёлочные игрушки, про что они рассказывали, почему так страстно хотелось получить билет на «Ёлку». И конечно, про шоколад, который появился в Европе не так давно, всего четыре века тому назад.

От всего сердца поздравляю вас, дорогие друзья, с наступающим Новым годом и Рождеством! Как уже давно заведено, желаю каждому «полётов во сне и наяву», вдохновения и любви, открытия новых талантов в себе, в своих коллегах и друзьях. Вам – свершения ваших творческих планов, а всем нам – долгожданного МИРА во всём мире! Всего вам самого доброго...

**Нина КУЗНЕЦОВА,
холдинг «Объединённые кондитеры»,
начальник управления «Мир шоколада»,
руководитель спецпроектов**

РОССИЙСКИЙ
КНИЖНЫЙ СОЮЗ

Журнал издан при финансовой поддержке Правительства Тамбовской области за счёт средств гранта в форме субсидии, предоставленного социально ориентированной некоммерческой организации

Литературно-исторический журнал «Александръ» включён в список изданий, выходящих при содействии Союза писателей России.

Главный редактор – Анатолий Сергеевич ТРУБА,

член правления Союза писателей России, доктор экономических наук, профессор.

Шеф-редактор – А. Н. СЁМИН (Екатеринбург), член Союза писателей России, академик РАН, заслуженный деятель науки РФ.

Редколлегия:

В. С. АРШАНСКИЙ (Мичуринск), почётный гражданин Тамбовской области, член СПР, заслуженный работник культуры РФ;

Н. Ф. ИВАНОВ (Москва), председатель правления Союза писателей России;

Г. В. ИВАНОВ (Москва), поэт, первый секретарь Союза писателей России;

В. В. БЕРЕЗОВСКИЙ (Москва), директор Центра «Святые Лавры Руси Православной»;

Т. Н. ВОРОНИНА (Екатеринбург), народная артистка России, артистка Свердловской государственной филармонии, создатель и руководитель «Театра Слова», член Союза писателей России;

В. И. ГАЗЕТОВ (Москва), член Союза журналистов России, декан факультета рекламы и связей с общественностью Института экономики и культуры, кандидат исторических наук, профессор, почётный работник высшего профессионального образования РФ;

В. Т. ДОРОЖКИНА (Тамбов), член Союза писателей России, почётный гражданин города Тамбова, заслуженный работник культуры РФ;

В. А. КАЗМИН (Луганск), председатель Луганской писательской организации им. В. И. Даля Союза писателей России;

Л. В. КОЛПАКОВ (Москва), секретарь Союза журналистов России, первый заместитель главного редактора «Литературной газеты», шеф-редактор отдела «Искусство»;

В. Г. КОРЗУН (Москва), лётчик-космонавт, Герой России, генерал-майор;

С. И. КОТЬКАЛО (Москва), сопредседатель Союза писателей России, главный редактор интернет-обозрения «Русское Воскресение», журнала «Новая книга России»;

И. М. КУЛИКОВ (Москва), доктор экономических наук, академик РАН, директор ВСТИСП;

Р. С. ЛЕОНОВ (Мичуринск), член Союза журналистов России, председатель информационно-издательского отдела Мичуринской епархии;

Ю. М. ПОЛЯКОВ (Москва), председатель редакционного совета «Литературной газеты», писатель, публицист, общественный деятель;

Г. Н. ПОПОВА (Мичуринск), член Гильдии театральных менеджеров России, директор Мичуринского драматического театра, заслуженный работник культуры РФ;

Никас САФРОНОВ (Москва), народный художник РФ, академик Российской академии художеств, профессор, член Союза писателей России;

С. А. ТРАХИМЁНОК (Минск), доктор юридических наук, профессор, член Союза писателей России, член Союза писателей Беларуси;

А. Н. ЧУМИКОВ (Москва), генеральный директор агентства «Международный пресс-клуб», гл. н. с. ФНИСЦ РАН, доктор политических наук, профессор.

Редакция вступает в переписку только с авторами, материалы которых приняты к публикации. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. За достоверность фактов несут ответственность авторы статей. Их мнения могут не совпадать с точкой зрения редакции. Авторы присылаемых материалов обязаны сообщить редакции: домашний адрес с почтовым индексом; день, месяц, год своего рождения; паспортные данные (серия, номер, кем и когда выдан). Редакция убедительно просит авторов присылать электронную версию своих произведений с обязательной распечаткой текста. Рукописи без распечатки не принимаются. Параметры набора: 14-й кегль через 1,5 интервала, отчётливо читаемый.

ЖУРНАЛ «Александръ» № 1 (88), январь 2024 г.

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-66728 от 8 августа 2016 г.

Учредитель и издатель, директор, главный редактор – А. С. Труба.

Дизайн, вёрстка – Елена Ермохина (Путятина).

Дата выхода – 01.01.2024 г.

Тираж 1000 экз.

Распространяется бесплатно. Безгонорарное издание.

Адрес редакции, адрес издателя: 119146, Москва, Комсомольский проспект, 13, Союз писателей России.

Телефон: 8-915-879-14-14 – директор, главный редактор.

Электронная почта: truby.anatoly@yandex.ru

Адрес сайта: www.alexlib.ru

Информация предназначена для лиц старше 12 лет.

Бумага мелованная. Гарнитура PF Agora Slab Pro.

Формат 60х90 1/8. Усл. печ. л. 12.

Изготовлено в полном соответствии с предоставленным макетом в типографии Book Jet:

390005, г. Рязань, ул. Пушкина, д. 18

Сайт: <http://bookjet.ru>, почта: info@bookjet.ru

Тел. +7 (4912) 466-151

ISSN 2542-0135

В журнале использованы рисунки и фотографии, находящиеся в интернете в свободном доступе.

На обложке: Никас Сафронов. С Новым годом!

В НОМЕРЕ:

ТЕМА НОМЕРА

- 6** Юлия Савина.
История рождения всеми
любимого праздника
- 11** Марина Жданович,
Юлия Савина.
Поэзия шоколада
- 16** Что растёт на ёлке

СОВРЕМЕННАЯ КЛАССИКА

- 21** Александр Бобров.
Стрелы пути

НОВОГОДНЕЕ

- 38** Игорь Бёзрук.
Если верить в чудеса

СТИХОТВОРНОЙ СТРОКОЙ

- 40** Андрей Хамхидько
- 42** Жанна Ташма

ПРОЗА

- 45** Анатолий Арестов.
Каникулы
- 49** Алексей Фунт.
Костёр – Лирова корона
- 54** Раиса Гайдарова
И было утро, и был вечер

КАЛЕЙДОСКОП

- 62** Александр Апарцев

ВОСПОМИНАНИЯ

- 67** Евгений Голоднов.
Пусть всегда будет чудо!

МАЛАЯ РОДИНА

- 71** Николай Макаров.
Мичуринск

ЖИТЕЙСКОЕ

- 78** Александр Александров.
Посылка

ДЕБЮТ

- 87** Юрий Александров.
Добро пожаловать в широко
закрытые двери
- 92** Про моё двойное знакомство
с Виктором Корецким

ШАГИ «АЛЕКСАНДРА»

- 95** Александр Сергеев.
Международное признание

История рождения всеми любимого праздника

Юлия САВИНА,

заместитель директора Музея истории шоколада и какао «МИШКА»

Новый год! Событие из далёкого прошлого.

Дохристианский календарь у славян был календарём земледельческим, ориентированным на смену времён года, – важно было знать сроки начала пахоты, начала сева, сбора урожая. Календарь состоял из двух сезонов: сезона **сельскохозяйственных** работ и сезона, когда все земледельческие работы замирают.

Поэтому **самый древний Новый год** у славян, в том числе у восточных, к которым принадлежат русские, начинался **первого**

марта, с приходом весны. Эта традиция сохранялась вплоть до 1492 года, когда **Иван III** своим указом **переместил Новый год на первое сентября**. В этом была своя логика, тоже связанная с сельскохозяйственными работами: сентябрь – время сбора урожая, сезон жатвы.

Так было до 1699 года, когда Пётр I, посетив Германию, увидел празднование европейского Рождества. Новый год, как и сейчас, в Европе в те времена широко не отмечали. Пётр повелел своим указом от 20 декабря 1699 года праздновать Новый год первого января 1700 года. За десять дней до желаемой даты!

В России его отмечали шумно, с парадом и фейерверком, в ночь с 31 декабря на 1 января. Празднования проходили на Красной площади, и эта традиция сохранилась по сей день. По царскому повелению в Москве устраивали огненные потехи, город был освещён праздничной иллюминацией – зажигали огни в плошках с маслом, освещали горящими факелами. В Москве Новый год гремел целую неделю. В Кремле на площади под барабанный бой выстраивались войска с развевающимися знамёнами. В Успенском соборе, главном соборе Кремля, проходил торжественный новогодний молебен, били в колокола.

В те времена праздник был связан не только с застольем, но и с массовыми гуляньями. Император сам принимал в них участие и обязывал к этому вельмож. Тех, кто не являлся на празднества под предлогом болезни, осматривали медики. На провинившегося вельможу, если причина оказывалась неубедительной, накладывали штраф. Царь Пётр строго следил, чтобы дома вельмож и простолюдинов были украшены еловыми, можжевельновыми или сосновыми ветками. Их полагалось наряжать фруктами, орехами, овощами и даже яйцами, а не игрушками, как сейчас.

Новогодняя ёлка как символ Рождества в доме в России появилась лишь в сороковых годах XIX века. Обычай ставить ёлку в комнате – немецкий. На ёлку вывешивали всякие сласти: засахаренные фрукты, конфеты, – привязывали свечки. Эту традицию – украшать ёлку к Рождеству – вводит Александра Фёдоровна, урождённая принцесса Фредерика Луиза Шарлотта Вильгельмина Прусская, супруга императора Николая I, которая для своих детей устанавливала ёлку в Зимнем дворце в память о своём немецком детстве. Александра Фёдоровна ввела и обычай рождественских императорских балов. Она первой в России стала устраивать детские ёлки для своих детей и племянников. В просторной гостиной ставили большую ёлку, а вокруг на столиках размещали ёлочки поменьше с подарками под ними. Да и сама ёлка была подарком!

Вот что писали газеты того времени:

Группа учащихся Императорского училища глухонемых в карнавальных костюмах возле ёлки 1906 г_1

Украшение елки в доме купца Зворыкина 1910 г

«...Теперь во многих домах русских принят обычай: накануне праздника, тихонько от детей, готовят елку; это значит: украша-

ют вечнозеленое дерево, как только возможно лучше, цветами и лентами, разноцветными фонариками. На ветки навешивают грецкие вызолоченные орехи, красненькие, самые красивые яблоки, кисти вкусного винограда, груши и разного рода искусно сделанные конфеты. Все это освещается множеством разноцветных восковых свеч – голубых, красных, зеленых, белых, прилепленных к веткам дерева... В праздник Рождества Христова умным, добрым, послушным детям дарят эту елку...

Лучшие украшения для ёлки покупали в кондитерских. В 1849 году для великих княжон и императрицы сладости на подобные балы поставлял совсем тогда ещё юный Фердинанд Теодор фон Эйнем, будущий владелец самой крупной кондитерской фабрики России, которая теперь носит имя «Красный Октябрь».

Целая неделя проходила в весёлых праздниках: балы, ассамблеи, театральные представления. Традиции празднования Рождества в нашей стране сохранялись до самой революции. О рождественских праздниках 1863 года свояченица Льва Толстого Т. А. Кузминская вспоминает: «... Ежедневно устраивались у нас какие-нибудь развлечения: театр, вечера, ёлка и даже катание на тройках...» Ёлки для взрослых, с балами, маскарадами, с середины XIX века устраивались в больших залах: Благородного собрания, Дворянского собрания, Приказчиьего клуба и других. На праздничных вечерах устраивались лотереи, рождественские базары с благотворительной целью, в которых принимали участие и кондитеры, поставляя к праздничному столу конфеты и шоколад. Считалось хорошим тоном принести домашним гостинец с главной, Императорской ёлки. Эти сладости считались подарком от самого императора и императрицы.

Празднование Рождества вокруг ёлки превращалось в главное событие детской жизни – ведь ёлку наряжали именно для детей. Об этой сказочной дореволюционной традиции вспоминают многие известные писатели XIX века.

Марина Цветаева рассказывала о том, как наряжали ёлку у неё дома, с какой радостью ожидали дети волшебного праздника. Кстати, украсить ёлку было заботой взрослых, ведь они готовили для детей сюрприз. А ребятишки сидели в детской, и двери гостиной или той комнаты, где наряжали ёлку, были плотно закрыты. Ведь новогодняя гостья была полна тайны... Увидеть наряженную ёлку с подарками было истинным чудом! Румяные яблоки, мятные пряники, подвешенные на нитках, а в бонбоньерках – шоколадные пуговицы, обсыпанные розовыми и белыми сахарными крупинками, конфеты в ярких обёртках – всё это

Дети с подарками. 1958 г.

дарила рождественская красавица! Некоторые бонбоньерки-«сюрпризницы» и украшения сохранились на следующий год.

Рождество для страны становится радостным и очень важным событием. Кондитеры не отставали от «моды» на Рождество. Появляется огромное количество печатных рождественских открыток, которые вкладывались в коробки со сладостями. На открытках и коробках были изображены основные атрибуты Рождества: еловые ветки, ангелы. Кстати, известный всем **«Мишка Косолапый»** – рождественская конфета, этикетку к которой создал для фабрики «Эйнем» Мануил Андреев. На этикетке были изображены символы Рождества – Вифлеемская звезда и еловые лапы. Изображения еловых веток на фантике любимой конфеты дошли и до наших дней, а звёзды исчезли с началом борьбы с церковными праздниками в молодой советской стране.

Стоит сказать несколько слов о главной рождественской песне, которая появилась в 1903 году, – «В лесу родилась ёлочка, в лесу она росла...». В короткие сроки она стала рождественским гимном, её популярность была невероятной!

Эту песню сочинила гувернантка Раиса Адамовна Кудашева для своих подопечных детей, теперь эту песню знают все от мала до велика. В начале 1920-х годов, в Гражданскую войну, во время голода в Петрограде, писательский оргкомитет организовал для своего сообщества продуктовые пайки. Однажды туда пришла пожилая, очень скромная женщина и спросила, нельзя ли ей тоже получать такой паёк. На вопрос, что же она написала (ведь в лицо её никто не знал), ответила, что она автор песенки «В лесу родилась ёлочка». И её тут же прикрепили к этому пайку, потому что этот текст песни стал воистину всенародным.

В XIX веке появляются русские сказочные новогодние персонажи: Дед Мороз, а чуть позднее – Снегурочка.

Никто не знает точно, где и когда появился на свет Дед Мороз. В древности Деда Мороза, старца, который вызывает сильные морозы, называли Мороком – именем бога холода и зимы. Морок был злым существом. Славяне

представляли его сгорбленным растрёпанным стариком, который ходил по лесам в рубахе и лаптях. Всё на своём пути он покрывал снегом – деревья, реки, землю. Наши предки, древние славяне, очень боялись этого злого духа. С тех времён и пошли выражения «упасть в обморок» и «заморочить голову». Морок не дарил подарки, подарки-подношения дарили ему. Еду для духа оставляли на крыльце дома или на окне. Позже его стали называть Трескунец и Студенец, а рубаха и лапти сменились на длинную шубу и шапку.

Со временем Мороз добрел, добрел... Иногда он назывался Морозом Ивановичем, иногда был Морозом Ёлковичем! Он нарядился в длинную шубу, шапку и валенки, и его одеяние стало расписанным и расшитым затейливыми узорами. Детям, которые хорошо вели себя весь год, Дедушка дарил сладости – конфеты, леденцы и пряники, а лентяи и неряхи получали в качестве подарка сосульку или посохом по лбу.

Способствовали популярности Деда Мороза русские писатели и поэты. Это и «Мороз, Красный нос» Николая Некрасова, и Мороз из сказки «Морозко» Владимира Фёдоровича Одоевского, «Морозко» Александра Афанасьева, который литературно пересказал народную сказку и включил её в свой сборник. Надо сказать, Снегурочка – исключительно литературный персонаж. В сказке «Снегурочка» Александра Николаевича Островского, по которой была написана одноимённая опера Николая Андреевича Римского-Корсакова, присутствовали Мороз – отец Снегурочки, её мать – Весна и девочка Снегурочка, которая в результате тает от несчастной неразделённой любви. Иногда зимний волшебник приходил к детям с подарками исключительно один, иногда рядом с ним была Снегурочка. Такая вот сказочная зимняя традиция сложилась к началу революции.

После революции, вплоть до 1925 года, ёлка оставалась частью культуры, в 1926 году в Москве ещё были ёлочные базары, но в 1927 году против празднования Рождества и конкретно против ёлки как главного рождественского атрибута начинается настоящая война, что обусловлено идеологией новой страны.

Празднование Рождества запретили. Запрет на рождественскую ёлку продолжался до декабря 1935 года.

В середине декабря 1935 года член ЦК КПСС Постышев, важный советский чиновник, выступил в газете «Правда» со статьёй, которая называлась «Давайте вернём нашим детям ёлку!». И ёлка вновь вернулась в дом, став уже символом Нового года. В гости Дед Мороз стал приходить уже с внучкой Снегурочкой, и советскую ёлку вместо Вифлеемской стала венчать красная пятиконечная звезда. Сказка, волшебство, праздник возродились!

Важность этого праздника понимали в суровые военные годы. Так, по имеющимся документам, на фабрике «Красный Октябрь», несмотря на выполнение военных заказов, в условиях дефицита сырья в 1944 году было выпущено 380 тысяч новогодних подарочных наборов в оригинальном оформлении!

У большинства людей, помнящих своё советское детство, не говоря уже о самих детях, праздник всегда ассоциируется с большим количеством сладостей. Когда же наесться шоколада и печенья, как не в самые любимые праздники? Какие самые главные праздники у детей? Конечно, день рождения – у каждого свой – и один общий праздник – Новый год. К ёлкам в разных залах и в том числе к «главной ёлке страны» в Кремле начиная с 1950-х годов главный художник фабрики «Красный Октябрь» Л. К. Челноков придумывал и оформлял упаковки для подарков – наборов конфет и сладостей. Они имели формы баульчиков, кузовков, сундучков, даже барабанов, украшенных всевозможными новогодними изображениями. Изготовленные из жести, эти коробки были не только удобным местом хранения бабушкиных мелочей, но и становились немалой угрозой родительским ушам, в случае если коробка изображала барабан. Позже новогодние подарки стали упаковывать в картонные коробки разных форм.

В наши дни производители новогодних подарков используют новейшие достижения технического прогресса, чтобы превратить праздничную кондитерскую упаковку в ув-

лекательную игрушку. В их числе упаковки-рюкзаки и подушки, выполненные в виде забавных мягких игрушек, и коробки-конструкторы, превращающиеся в кукольные домики, и рождественские фонарики, и коробки-игры, которые могут показывать мультфильмы и рассказывать удивительные истории при помощи специальных мобильных приложений с «дополненной реальностью».

Объединяют все эти упаковки старые и новые вековые традиции и, конечно, само их содержание – любимые конфеты, знакомые с детства: «Мишка косолапый»®, «Алёнка»®, «Красная шапочка»® и многие другие... По велению истории российские кондитеры стали самыми настоящими помощниками Деда Мороза и Снегурочки, а сладкие волшебные подарки дарят радость и счастье тысячам детей и взрослых нашей страны.

В преддверье праздника все витрины магазинов горят огнями. Лакомство в кондитерских можно найти на любой вкус, на любой кошелек: изящные бонбоньерки, банки и шкатулки с конфетами, шоколадки в блестящих обёртках, нарядные ёлки, украшенные золочёными орехами, мятными пряниками и карамельными бусами. В воздухе витает дух Рождества и Нового года!

*Гнутся ветви мохнатые
Вниз к головкам детей;
Блещут бусы богатые
Переливом огней;
Шар за шариком прячется,
А звезда за звездой,
Нити светлые катятся,
Словно дождь золотой...*

*Поиграть, позабавиться
Собрались дети тут
И тебе, ель-красавица,
Свою песню поют.
Всё звенит, разрастается
Голосков детских хор,
И, сверкая, качается
Ёлки пышный убор.*

Поэзия шоколада

Марина ЖДАНОВИЧ

**директор Музея истории шоколада и
какао «МИШКА»,**

Юлия САВИНА

**заместитель директора Музея исто-
рии шоколада и какао «МИШКА»**

Шоколад и поэзия схожи, они дают яркие и позитивные эмоции. И то и другое – искусство, которое обладает большой силой. Оно может заставить пережить нежность, любовь, страсть, а также ярость и сожаление... Часто мы соединяем эти два вида искусства, заедая и смиряя шоколадом бурные эмоции от прочтения стихов... Ведь шоколад – самое изысканное, самое популярное и самое вкусное, божественное лакомство!

Коренные жители американского континента считали, что деревья какао в древности росли в садах только у богов и только они могли наслаждаться волшебным напитком.

Именно боги подарили шоколад нам – простым смертным! «Пища богов» – так и переводится название дерева «Теоброна какао», данное ему шведским естествоиспытателем и медиком Карлом Линнеем в XVIII веке.

Древние народы, которые населяли в начале нашей эры территорию современной Мексики, – майя – научились первыми культивировать какао, высаживать плантации деревьев, собирать урожай и готовить острый пенный напиток – «чоколатль», состоящий из тёртых какао-бобов – семян плода какао, – маиса, перца чили, сока агавы, воды, мёда и ванили. Удивительный эликсир придавал силу, вселял радость в сердце, он приобрёл популярность среди людей – напиток стали ценить на вес золота: какао-бобы использовали в качестве монет. За шоколадные зёрна можно было купить всё что угодно, например, спелый «томатль» – помидор, пучок жгучего перца, небольшого грызуна-агути, которого

называют южноамериканским золотистым зайцем, и даже раба для работы на плантациях какао. Индейцы буквально пили свои деньги! Монтесума II, IX император воинственных ацтеков, очень любил горячий шоколад, как гласит легенда, он выпивал до 50 чашек в день! У него было много денег, много какао-бобов, и подавали ему «чоколатль» в золотых чашах, украшенных драгоценными камнями.

*Я пью какао,
им я наслаждаюсь,
сердце моё весело,
сердце моё счастливо.
Буду ли я плакать или петь,
всё равно вся жизнь моя пройдёт
в уголке жилища Бога!
Вот и допил я прекрасное какао.
Моё сердце плачет и болит:
только лишь страдаю на земле я...*

Так писал о шоколаде древнеиндейский правитель, поэт и философ, чьё имя, конечно, знают все: **Акольмицтли Несаяулькойотль!**

Чашка пенного какао ценилась индейцами. Суровые испанские завоеватели-конкистадоры, открывшие для себя новые земли и новую культуру, не остались равнодушными к шоколаду. Они внесли изменения в рецептуру напитка: добавили сахар, который был неизвестен на американском континенте, и убрали острый перец.

Существует легенда, что долгое время католическая церковь не могла решить, можно ли во время поста употреблять шоколад, ведь под запрет попадало всё, что доставляло удовольствие. Во времена инквизиции шоколад был даже запрещён католической церковью, а его употребление приравнивалось к богохульству, ереси и колдовству. В 1569 году епископы Мексики отправили в Ватикан своего представителя, чтобы тот спросил мнения самого Папы Римского.

Когда папе Пию V принесли чашечку горячего напитка, предусмотрительно не положив сахар, Пий, отхлебнув глоток, сморщился и заявил: «Шоколад поста не нарушает, не мо-

жет такая гадость приносить кому-то удовольствие!» Как он ошибался!

Трудно поверить, но в те далёкие времена шоколад продавали в аптеках для лечения от многих недугов. Правда, иногда пить шоколад было опасно... В напиток примешивали яд, чтобы незаметно отравить, так как вкус и аромат шоколада маскировал запах мышьяка! История знает такие трагические случаи.

В середине XVII века в Европе началась настоящая шоколадомания. Искусство изготовления шоколада достигло берегов Англии. В стране стали открываться первые шоколадные и кофейные дома – специальные заведения, где посетители за определённую плату могли выпить чашечку горячего лакомства. В XVIII веке в одном только Лондоне насчитывалось около 2000 шоколадных и кофейных домов. Именно шоколадные дома превратились в традиционные английские мужские клубы, слава о которых прокатилась по всему миру. Клубы закрыли свои двери для широкой публики, в том числе для женщин, став «бастионом мужской жизни в Англии», что по отношению к женщинам, которые всегда были большие сладёны, чем мужчины, было крайне несправедливо!

В XVIII веке рецепт шоколада поменялся, вкус стал мягче: напиток с молоком и пряностями перекочевал из шоколадных домов в гостиные. Шоколад подавали к столу, на шоколад приглашали...

*Вы приняли меня в изысканной гостиной,
В углу дремал очерченный экран.
И, в сторону глядя, рукою слишком длинной
Вы предложили сесть на шёлковый диван.
На тонком столике был нежно сервирован
В лиловых чашечках горячий шоколад.*

*И если б знали вы, как я был зачарован,
Когда меня задел ваш мимолётный взгляд.
Я понял, отчего вы смотрите нежнее,
Когда уходит ночь в далёких кружевах,
И отчего у вас змеятся орхидеи
И медленно ползут на тонких стебельках.*

Илья Эренбург

Издревле шоколад считался афродизиаком. Известный сердцеед XVIII века Джованни Казанова полагал, что секрет его мужской силы заключается именно в шоколаде. Он утверждал, что всё дело в чашке горячего напитка, который он выпивал по утрам. Согласно дневникам соблазнителя, он почти никогда не расставался со своим серебряным «шоколадником». Современная наука опровергла мнение о том, что это лакомство – афродизиака, но доказала, что он содержит вещества, которые вызывают в организме человека те же процессы, что и при влюблённости.

ВАШИ ГЛАЗА

*В недоверчивых Ваших глазах,
 рассеянно-мягких,
Чуть презрительных, умных глазах
Отражаются мглисто незримые маки
На журчащих безводных ручьях...
Да, забвенье без отдыха, без утоленья
Жажда жуткая – глаз Ваших суть.
Здесь, пожалуй, доха неуместна оленья –
Вас похитив, в неё завернуть...
Я смотрю в глубину безразлично-прохладных,
Скорбно-наглых и злых Ваших глаз,
Иногда золотых, иногда шоколадных,
Постигая, что мир не для Вас.
Слишком дни монотонны, а ночи надрывны,
Пошлость или капризный излом.
Человек не родился, а люди противны
И уж так примитивны при том!..*

Игорь Северянин

Шоколад покори́л весь мир! Появившись в России, он быстро вошёл в моду. Напиток любили пить царственные особы и аристократы. В столице и крупных городах стали появляться первые кондитерские. Амбициозный молодой человек Фердинанд Теодор фон Эйнем, приехав в Россию, стал налаживать производство сладостей. Но прежде шоколада он изготавливал пирожные и мороженое. Эти лакомства были удостоены одобрения императрицы Александры Фёдоровны, супруги императора Николая I, и великих княжон. Позже в ассортименте

фабрики «Эйнем» всегда присутствовали бисквиты, печенья, торты.

«Морожено!» Солнце. Воздушный бисквит.
Прозрачный стакан с ледяною водою.
И в мир шоколада с румяной зарёю,
В молочные Альпы, мечтанье летит.
Но, ложечкой звякнув, умильно глядеть –
И в тесной беседке, средь пыльных акаций,
Принять благосклонно от булочных граций
В затейливой чашечке хрупкую снедь...
Подруга шарманки, появится вдруг
Бродячего ледника пёстрая крышка –
И с жадным вниманием смотрит мальчишка
В чудесного холода полный сундук.
И боги не ведают – что он возьмёт:
Алмазные сливки иль вафлю с начинкой?
Но быстро исчезнет под тонкой лучинкой,
Сверкая на солнце, божественный лёд.

Осип Мандельштам

XIX век пропитан ароматом шоколада. С изобретением твёрдой плитки рецепты становятся сложнее. Появляются разнообразные «конфекты» и шоколадные десерты. Постепенно лакомство становится доступно широким слоям населения.

Из маленьких кустарных мастерских вырастают огромные кондитерские фабрики. Популярность фабричных изделий можно оценить по оригинальной, красочной упаковке и по воспоминаниям сладён того времени. Например, на столе писателя Антона Павловича Чехова всегда лежала коробочка конфет от Эйнема. А сестра поэтессы Марины Цветаевой Анастасия училась читать по стихам, которые печатались на этикетках от шоколадок фабрики «Абрикосовых сыновей».

Чем обрадовать родную,
Знаю, скорей нарву я
И из них свяжу букет.
Вот войду к ней, поцелую,
«Мамочка, – тогда скажу я, –
Шлёт весна тебе привет!»

Марина: Прежде чем появиться новой конфетой, товарищество «Эйнем» выпускало

рекламную открытку со стихами, посвященными... то ли конфете, то ли роковой красавице...

*Кто видел красавицу Изу,
Тот век не забудет её!
По первому Изы капризу
Готов я буквально на всё!*

*И чтоб успокоить томленье
В разлуке текущих минут,
Эйнем мне принёс в утешенье
Конфеты, что «Изой» зовут!*

*Их вкус для любого каприза,
В них вкус поцелуев весны!
И только с конфетами «Иза»
Вернулись к нам сладкие сны.*

Шоколад был любим, он приносил удовольствие, развлекал, поучал и... дарил вдохновение!

Сейчас во многих странах существуют специальные «шоколадные» ресторанчики, где предлагают шоколадное меню, в каждом блюде которого обязательно присутствует шоколад: от

супа из какао-бобов и телятины под шоколадным соусом, паштета, приправленного тёмным шоколадом, до десерта из пирожных исключительно с шоколадным кремом! С XIX века и по сей день сохранилась традиция предлагать шоколад и шоколадные десерты на балах, вечерах, торжественных приёмах; продавать в буфетах на концертах и в антрактах спектаклей.

В наши дни особый интерес шоколад вызывает у дизайнеров одежды – одежда, аксессуары и даже бельё создаются из этого пластичного и ароматного продукта. А парикмахеры делают причёски с шоколадными украшениями.

ЭКСЦЕССЕРКА 1912

*Ты пришла в шоколадной шаплетке,
Подняла золотую вуаль.
И, смотря на паркетные клетки,
Положила боа на рояль.*

*Ты затихла на палевом кресле,
Каблучком молоточа паркет...
Отчего-то шепнула: «А если?...»
И лицо окунула в букет.*

*У окна альпорозы в корзине
Чуть вздохнули, – их вздох виттьеват...
Я не видел кузины в кузине,
И едва ли я в том виноват...*

*Ты взглянула утонченно-пьяно,
Прищемляя мне сердце зрачком...
И вонзила стрелу, как Диана,
Отточив острие язычком...*

*И поплыл я, вдыхая сигару,
Ткя седой и качелящий тюль, –
Погрузиться в твою Ниагару,
Сенокоса твой спелый июль...*

Игорь Северянин

Человеческая радость, влюблённость – это «работа» гормонов. Благодаря фенилэтиламину, содержащемуся в какао-бобах, в организме вырабатываются эндорфины, которые стимулируют

ют повышение «уровня счастья», дарят чувство наслаждения. Учёные доказали, что съеденный ломтик шоколада влияет на работу человеческого сердца интенсивнее, чем поцелуй влюблённого. Вот такая «шоколадная химия радости».

*Легкомыслие! – Милый грех,
Милый спутник и враг мой милый!
Ты в глаза мне вбрызнул смех,
И мазурку мне вбрызнул в жилы.*

*Научив не хранить кольца, –
С кем бы Жизнь меня ни венчала!
Начинать наугад с конца
И кончать ещё до начала.*

*Быть как стебель и быть как сталь
В жизни, где мы так мало можем... –
Шоколадом лечить печаль,
И смеяться в лицо прохожим!*

Марина Цветаева

Самые преданные любители шоколада – дети. Сто лет назад для маленьких сладён в упаковки шоколадных изделий вкладывали игры, открытки, загадки. Даже музыку записывали на шоколадных пластинках. Пластинки с детскими мелодиями можно было прослушать несколько раз на крошечном граммофоне и съесть! Эту диковинку придумала фирма «Штольверк» совместно с Эдиссоном. В России эту удивительную вещь можно было купить в магазинах фабрики «Эйнем». Она называлась фонограф-игрушечка и радовала юных любителей музыки и шоколада.

Традиции оформления шоколадных подарков для детей сохраняются и в наши дни. Но каждый взрослый тоже немного ребёнок, а аромат и вкус шоколада – вкус детства. Что может быть теплее его?

*День окончен... Делать нечего...
Вечер снежно-голубой...
Хорошо уютным вечером
Нам беседовать с тобой...
Чиж долбит сердито жёрдочку,
Будто клетка коротка...
Кошка высунула мордочку
Из-под тёплого платка...
«Значит, завтра будет праздница?»
«Праздник, Жанна, говорят!»
«Всё равно! Какая разница!
Лишь бы дали шоколад!»
«Будет всё, мой мальчик маленький!
Будет даже снежный бал...
Знаешь, повар в старом валенке
Утром мышку увидал!»
«Мама! Ты всегда проказница!
Я не мальчик! Я же дочь!»
«Все равно, какая разница!
Спи мой мальчик, скоро ночь...»*

Вера Инбер

Шоколад – это пропуск в новый мир. Мир, наполненный счастьем, улыбками и радужными красками. Мир, в котором возможно всё. «Шоколад – это съедобное счастье!»

ЧТО РАСТЕТ НА ЁЛКЕ

Марина ЖДАНОВИЧ,
директор Музея истории шоколада
какао «МИШКА»

Магия Нового года будоражит сердца, наполняя надеждой и верой в чудеса. А ёлочные игрушки, как сакральные атрибуты, помогают нам совершать ритуальное действие – таинство исполнения желаний. Какие мечты – такие и игрушки. Хрупкие, как счастье, которые боишься уронить и разбить, – из стекла. Ватные созданы как будто из пушистых облаков. Бумага и картон вроде самые понятные материалы, но когда из них появляются разноцветные снежинки, кажется, что это настоящее чудо!

Каждая историческая эпоха создавала свои ёлочные игрушки, придавая им определённый смысл, наделяя их особыми функциями.

Первые елочные украшения появились в Саксонии в XVII веке. Успех новых изделий

был ошеломителен, да и цена тоже. Шары – яблоки, шишки и орехи – выдували из стекла, из картона вырезали и раскрашивали яркими красками звёзды, колокольчики, сердечки, ангелов, фигурки птиц и зверей из рождественской библейской истории. Саксонские мастера поставляли ёлочные украшения всей Европе. Пышно наряженные ёлки устраивались в королевских дворцах Англии, Франции, Норвегии и Дании.

В 1699 году Пётр Первый повелел вести летоисчисление от Рождества Христова и перенёс начало года на 1 января. Наступление нового года было отмечено массовыми гуляниями с кострами и наряженными деревьями. Украшения были немудрёные: шишки, орехи, фигурные пряники. Конечно, эти скромные новогодние деревца не шли ни в какое сравнение с роскошными, нарядно убранными ёлочками, так понравившимися молодому русскому царю в Немецкой слободе.

Блестящее убранство рождественской ёлке вернула Екатерина Великая. В Россию начали ввозить саксонские ёлочные украшения, но популярностью они стали пользоваться только в середине XIX века, дополняя традиционные русские пряники и орехи. Вместе с привозными игрушками на еловых ветках заблистали первые российские изделия.

До 1917 года фабричным производством ёлочных украшений занималась только компания из Санкт-Петербурга, да и та принадлежала немцам. Наш ответ немецким мастерам дали кустари деревень, расположенных на границе Московской и Тверской губерний. Народный промысел по изготовлению стеклянной игрушки восходит к началу XIX века, когда в усадьбе Меншиковых, на земле, богатой кварцевым песком, был построен стекольный завод. Второй стекольный завод открыл в 1887 году в Клину купец Григорий Орлов. Стеклодувы-кустари постепенно объединились в артели, но конкурировать с фабричным производством не смогли.

Октябрьская революция поставила точку в деятельности немецкой фабрики по изготовлению идейно вредной продукции – ёлочных украшений. Рождество упразднили как религиозный праздник. В опалу попали и золотая мишура, и стеклянные шары, и ёлки, и Дед Мороз... Новый год было рекомендовано отметить революционным митингом или комсомольским собранием.

Детей отвлекали от новогодних ёлок, проводя спортивные мероприятия с лозунгами «Долой старые праздники!». Под руководством учителей устраивались показательные «похороны» ёлки. Во многих школах висел тогда плакат: «Не руби леса без толку, будет день угрюм и сер. Если ты пришёл на ёлку, значит, ты не пионер».

Однако граждане Советской Республики продолжали втихаря наряжать вечнозелёную красавицу. До наших дней дожили единичные экземпляры игрушек того времени: самодельные неказистые Деды Морозы, ватно-марлевые трогательные то ли зайцы, то ли котята...

Официально праздник вернулся в Советский Союз в 1935 году. На первом новогоднем

детском утреннике дети нашей страны водили хоровод вокруг высокой, богато украшенной игрушками, сияющей огнями ёлки, которая хорошо вписывалась в сталинскую концепцию «Жить стало лучше, жить стало веселее». Ёлка стала символом советской радости, веселья и изобилия. С этого времени и начинается производство советской ёлочной игрушки. По ней можно изучать нашу историю.

В молодой советской стране вместо волхвов и младенцев на ёлке появились новые символы и герои: красная звезда, серп и молот, красноармейцы, лётчики, крейсер «Аврора», школьники, пионеры, барабанщики. Игрушки, свидетельствующие о начале смычки города и деревни, – новые дома, автобусы и троллейбусы, трактора, фермы. Лозунг СССР «В здоровом теле здоровый дух» иллюстрировали игрушки – парашютисты, спортсмены, пограничники... В растущую военную и экономическую мощь страны верили, рассматривая на ёлке парад Красной армии, смотр физкультурников, лыжный переход, канал Москва – Волга. Игрушечные олени и чукчи напоминали о бескрайних просторах родины.

Игрушка стала воплощением мечты: девочка-узбечка с книгой под мышкой, краснощёкие телятницы и свинарки с упитанными телятами и поросятами. А новогодняя игрушка в виде фигуры Дзержинского выпускалась на подставке, чтобы её можно было снять с ветки и поставить на полку.

Особое место занимает игрушка 1941–1945 годов. Вновь появляются самоделки, среди материалов лидируют вата, марля, проволока, картон. Стекланные игрушки изготавливались из других подручных материалов, например, из перегоревших лампочек. Во время Великой Отечественной войны советские ёлки украшали танки, самолёты, солдаты, собаки-санитары и шары с изображением «красного ястребка», сбивающего фашистский «мессер». Стоит отметить, что ёлочная игрушка была средством пропаганды.

В первые послевоенные годы хлынул поток трофейных немецких игрушек из побеждённой Германии. В СССР налаживается выпуск искусственных ёлок, восстанавливается производство стекланных украшений. Интересной

разработкой стало новое крепление: вместо традиционной петельки фигурки стали прикрепляться к ёлке с помощью металлической прищепки. В 1950-е годы на пушистой хвое размещались старики и старухи из «Сказки о рыбаке и рыбке», звездочёты с золотыми петухами под мышкой, фрукты-овощи, и особенно кукуруза. А в 1960-е годы, ознаменованные покорением космоса, ассортимент ёлочных игрушек пополнился спутниками, космонавтами и ракетами. На советских ёлках появились игрушечные самоварчики и чайники, вазы и корзиночки с конфетами, будильники, люстры, настольные лампы, музыкальные инструменты как олицетворение мирной жизни.

В 1970–1980-е годы ёлочная игрушка утрачивает конкретность образа, становится абстрактной, более унифицированной. Появляются блестящие пластиковые шары.

В конце XX века в Россию вновь вернулось Рождество, и на ёлке вновь засияли звёзды, ангелы, звери и птицы!

Сегодня ёлочные игрушки – это, скорее, нарядное украшение, а не отзвук какого-то яркого события в жизни страны. Изготавливаются уникальные авторские ватные игрушки, необычайно красивые, расписанные вручную шары и фигурки, которые становятся предметом коллекционирования. В то же время массово производятся традиционные ёлочные украшения, но, несмотря на их доступность и разнообразие, дети продолжают мастерить бумажные фонарики и разноцветные цепи, вырезать снежинки и конфетти. Такие игрушки дороже всего – в них чистая детская душа и надежды, сильная энергетика будущего!

*Использованы материалы статей:
Борисова В. В., коллекционера, Москва;
Петриковой Л. В., коллекционера, Москва;
из сборника «Ёлки нашего детства», Москва, 2022 г.*

Фото предоставлено Музеем истории шоколада и какао

Александр БОБРОВ

На каменистом берегу Укшезера, вблизи Петрозаводска, стоит большой, срубленный из бруса дом. Его стены сложены из кондовых сосновых брёвен, носящих следы прежней, допостроечной службы человеку. В каждый ствол глубоко врезана стрела с наконечником и оперением, по которой стекала в жестяные колпачки живица, когда дерево ещё шумело на нестихающем карельском ветру.

Брёвна положены – не знаю уж, нарочно или случайно – так, что все наконечники стрел нацелены вдоль озера на север, против обычного направления ветра, но в согласии с весенним лётom птиц, возвращающихся к своим гнездовьям. Кажется, что вытянутый дом стремится за птицами и за своими бесчисленными предшественниками – избами первопроходцев, вольнолюбивых новгородцев, мирных землепашцев, осваивавших необозримые просторы севера, наконец, за монахами и русскими писателями, осваивавшими духовные

пространства Русского Севера. Одним из таких первооткрывателей для читателей огромной страны стал москвич, охотник и выдающийся писатель Юрий Казаков с его «Северным дневником», с великолепными рассказами, один из которых называется просто – «Калевала».

И вот стрела пути с могучего сруба, выступившего навстречу северному ветру, указала мне пути в Заонежье, дальше – на север, на реки Умбу и Пистайоки (по-фински пишется через «о», «писто» означает «укол», «резкий удар»). Она берёт начало в болотах Финляндии, но, наверное, и там речка, набирая силы, разбивает своими уколами скалы. На наших картах и в путеводителях она пишется менее благозвучно – через «а». У туристов наиболее популярный маршрут по Пистайоки начинается в пограничной зоне, куда требуется оформлять особый допуск, у озера Кимасъярви. Дальше она рассекает скалы приграничной территории и уходит через озеро Пистаярви в Калевальский район – рунопевческий регион, как говорится в путеводителях, где ещё каре-

Свеча на мысу

лов, по последней переписи, было 46 процентов – даже больше, чем русских, на один процент. Но холодная река, летящая по кипучим порогам, об этом не догадывается, потому что слышит в основном русскую речь проплывающих по ней туристов. А деревня-то на долгом маршруте только одна – на большом Пистаярви, называется Тихтозеро, куда подходит грунтовая дорога. Вот вы себе представьте: преодолеваешь расстояние, равное пути от Москвы до Клина, – и полная безнаселёнка. Присутствие цивилизации ощущаешь только на стоянках – по неубранному мусору в основном. Ну и по проходящим группам водников.

Бывалые туристы ставят здесь на скалистых мысах свечу – сухой ствол с выпиленной сердцевинкой, где разжигается огонь. Она язычески горит на ветру Северной Карелии в кратких сумерках и сигнализирует дальним путникам, что стоянка занята, что на этих глухих и диких берегах есть вкрапления жизни и кто-то невидимый осмысливает нескончаемый путь. Помню, после сплава по реке Пистайоки несколько лет

Сосна Лённрота в Калевале

назад ехали от Войниц к ночному поезду в Кемь и в сумерках миновали засохшую сосну в центре Калевалы, под которой якобы рунопевцы собирались напевать эпические строки, но ведь не сойдёшь, усталый, в ночь. И я понял, что надо приехать специально, хоть предполагал: никаких героев рассказа Юрия Казакова и всей тогдашней обстановки я не найду, ведь рассказ-то «Калевала» аж 1962 года, когда я ещё в техникуме на Щипке учился и только открывал для себя настоящую русскую литературу.

И всё-таки пусть на несколько дней – поехал...

ЗАВЕТНАЯ ЖЕМЧУЖИНА

«...Теперь-то уж я знаю: Калевала от меня не уйдёт, я её услышу. И руны её представляются мне застывшими водопадами в горах, звуком, вышедшим из камня этой страны», – так писал Юрий Казаков.

Не было во мне и отголоска этой каменной казаковской уверенности, и всё-таки я поехал

по его карельским, почти невидимым следам на прибрежных валунах, покрытых нежно-зелёным мхом... Зачем – не могу объяснить.

Помню, как с детства хотел пройти по валдайским волокам на пути из варяг в греки, услышав от отца: «Вот видишь три сосны у Климовой горы и разрушенную церковь? Это Троица-переволока. Здесь самый маленький волок был из плёса в плёс. А сколько их вокруг Селигера!» И я тогда решил пройти самые важные торговые волоки – у Полново, у Залучья, у Каспли – через главный водораздел Русской равнины – Валдайскую возвышенность. Сына после восьмого класса с собой взял, замотал парня, но преодолел и написал серию очерков, а после целый раздел в книге – «Валдайские волоки». Или вот, казалось бы, простое, экскурсионное: поехал с курортного побережья Испании в древнюю Севилью и вспомнил, что это же город не только Кармен, но и Дон Жуана, решил найти дворец знаменитого соблазнителя – так даже гиды не знали. С трудом отыскал и рассмеялся: в этом дворце теперь министерство культуры Андалузии!

Ну и по следам любимого драматурга Александра Островского путешествовал, который от Географического общества поехал через Тверь и Торжок искать исток Волги недалеко от Селигера. Ему тверской вице-губернатор приём устроил как знаменитости и удивился: «Исток Волги изволите искать? Не найдёте!» И ничего странного: даже в наше просвещённое время, как я убедился, работая над книгой «Москва-река от истока до устья», никто из московского начальства (снимал для «Московии» и начал хлопотать о возведении часовни на истоке) ничего не знал, где начинается главная река столицы и области в Можайском районе. Теперь он – не без моей подачи – заметно обозначен.

Но Казаков – особая статья. Отец мне открыл Валдай и привил любовь к Селигеру наглядно, с дошкольных ещё приездов, а Юрий Павлович влюблял в Север силой своего неимоверного писательского таланта – заочно. Его «Северный дневник» – любимая книга.

Юрий Казаков на Севере

Калевала – последние хранительницы

Рунопевцы поют

Только потом я открыл обширный Русский Север на личных дорогах литератора и путешественника, на сплавах, начиная с Полярного круга, в фольклорных экспедициях и в журнальных поездках. А вот любимый короткий рассказ «Калевала» оставался какой-то заветной и запрятанной жемчужиной. Помню, в Петрозаводске предлагали в Обществе охраны

памятников зимой полететь на вертолёте – от казался: без озёрного света и зелёного шума.

Вот когда ты, читатель, говоришь: «пройдёт время, и мы увидим» или «пройдут года, и всё изменится», какой срок себе представляешь? Лично я – длину собственной жизни, даже покороче – сын мой хорошо бы это увидел, в крайнем случае – подрастающий внук. По этим меркам любимый писатель Юрий Казаков – певец Русского Севера – не угадал в предвиденье. Вот что он писал, вспоминая путь по скалистой гряде и тёплый ветер с озера Куйто: *«...Я думаю: придёт время, и ничего этого не будет, не станет дикости, пустынности, на берегах озёр возникнут стеклянные дома – тут ведь особенно любят свет! – и побегут шелковистые розовые, и жёлтые, и голубые дороги, и среди лесов будут краснеть острые черепичные крыши ферм, отелей и городов – тогда забудется многое, забудется бедность, приниженность избушек, бездорожье...»*

Трясаясь на старой «буханке» по выбоинам вроде бы асфальтовой местами дороги, я думал обрывочно: «Не угадал Юрий Павлович!» Шофёр объезжал выпирающие неровности и говорил: «Надо толще "подушку" делать. Смотрите, асфальт положили, а валуны начали выпирать после зимы, и полотно пузырится». И впрямь, я сразу заметил после грунтовой дороги эти грозные асфальтовые бугры, которые надо мастерски объезжать. Усмехнулся: сколько филологов пыталось разгадать образное выражение в пьесе Шекспира – «пузыри земли». Толковали, спорили веками, а надо было просто оказаться на карельской дороге... А может, Казаков пока не угадал? Ведь многое может стремительно измениться в наше роковое время. Разве мог я себе представить, путешествуя вплоть до описанного с иронией майдана и даже позже – по шляхам любимой Украины, спивая песни с дивчинами и друзьями, что здесь будет полыхать война, а дорога мне и вовсе будет заказана после ареста Службой безопасности даже до начала спецоперации?

Так вот и с Карелией, тем более с посёлком Калевала многое может – должно! – изме-

ниться. Более тысячи километров со страной НАТО – сбрендившей Финляндией – потребует огромных усилий и перемен именно здесь, потому что восемьсот (!) километров приходится на Карельскую республику. Точнее так: государственная граница Российской Федерации с Финляндской Республикой (одновременно с Евросоюзом) имеет протяжённость 798,089 км. Из них сухопутный участок границы – 661,1 км, речной участок – 30,106 км, озёрный участок – 101,883 км. Эту огромную и сложную границу с Финляндией охраняют пограничные службы в посёлке Калевала, городах Суоярви и Сортавала. Не знаю, будут ли тут «шелковистые, розовые и голубые дороги», но гладкие серые бетонки к частям и базам должны пролечь. Не представляю, возникнут ли стеклянные дома, но добротные штабы, казармы, учебные классы и дома офицеров точно должны появиться. Глядишь, и мужики не будут ездить в поисках работы в Петрозаводск и Костомукшу.

Помню визит Владимира Путина в Петрозаводск, когда он временно стал премьер-министром. Премьер уже навещал Карелию в начале тогдашнего года (на Рождество) и, видимо, предупредил, что вернётся. В столице республики, как это обычно бывает перед приездом высокопоставленных гостей, попытались прибраться на скорую руку: подлатали дороги, покрасили перила на Гоголевском мосту да закрыли щитами пару неказистых зданий. В столице, а не где-нибудь на заставе прошло заседание Государственной пограничной комиссии. Оно велось в закрытом режиме. Расхожее выражение «граница соединяет и разъединяет» в полной мере относится к Северной Карелии, к участку российско-финляндской границы между Калевальским районом и Костомукшским городским округом – с одной стороны – и коммунной Суомуссалми округа Кайнуу Финляндии – с другой. Этот многострадальный участок границы является, несмотря на глухомань по европейским меркам, одним из самых старых в Европе. В последний раз линия границы здесь была установлена в 1595 году по Тявзинскому мирному договору

между Россией и Швецией. Этот важный международный документ завершил русско-шведскую двадцатипятилетнюю (Ливонскую) войну. Судьба границы была определена уникальным географическим положением и вековой борьбой Востока и Запада. Мудрые предки обоих народов установили линию границы по естественному водоразделу. Однако на границе с Беломорской Карелией никаких таможенных учреждений не было. В Северной Карелии в XIX – начале XX века существовало несколько традиционных нелегальных путей коробейников в Финляндию. Самый популярный путь: тропа из Ухты (нынешний посёлок Калевала) тянулась через погост Вокнаволока и дальше – через Ценозеро в Айконлахти, откуда начинался тяжёлый пеший переход в деревню Кивиярви, и через неё – на финскую территорию в Хюрю или Виангиярви в нескольких километрах от русской границы. Был и другой путь – из Кеми, через озёра Куйто и Пистаярви, а дальше шли по маршруту ухтинских коробейников в Куусамо. Сегодня при сплаве по Пистайоки, по мощным и доныне порогам, около которых остались могилы погибших туристов, страшно представить изнеженным детям цивилизации, что предприимчивые торговцы, несгибаемые люди поднимались здесь вверх по бурному течению. Вверх!

В приветственном слове (это единственное, что разрешили послушать журналистам) Владимир Путин тогда выразил уверенность в том, что проблемы безопасности в приграничных районах заслуживают пристального внимания, и напомнил: в бизнесе существует такое понятие, как «недружественное поглощение».

– Так вот, «недружественного поглощения» по любым направлениям взаимодействия мы с вами допустить не можем и не должны, – отметил премьер-министр. – Работу на этом ответственном направлении нужно вести в тесном взаимодействии с региональными властями, которые глубже знают местную обстановку, специфику и могут оперативно на неё реагировать.

Всё это звучало таинственно и непонятно. Это о Финляндии и Швеции, которые продол-

жали размещать здесь свои фермы, заготавливать и вывозить лес в огромных объёмах? Тогда в Калевальском районе многие из собеседников вспоминали сцену из фильма «Иван Васильевич меняет профессию» по мотивам Михаила Булгакова. Помните приём иностранных послов самозванцем Буншей?

«Бунша: Послушайте, товарищ! Товарищ, можно вас на минуточку? Хотелось бы, так сказать, в общих чертах понять, что ему нужно?»

Дьяк: Да понять его, кормилец, немудрено. Он Кемскую волость требует. Воевали, говорят, так подай её сюда.

Бунша: Что-что? Кемскую волость?

Посол: О, я, я! Кемска волость. О, я, я!

Бунша: Да пусть забирают на здоровье. Я-то думал, господи...

Дьяк: Да как же это так, кормилец?

Бунша: Царь знает, что делает! Государство не обеднеет. Забирайте, забирайте.

Милославский (громко, на весь зал): Не вели казнить, великий государь! Вели слово молвить! (Тихо.) Да ты что, сукин сын, самозванец, казнённые земли разбазариваешь? Так никаких волостей не напасёшься!»

Почему-то режиссёр Гайдай решил наделить вора державным мышлением, хотя у Булгакова именно жулик Милославский отдаёт шведам Кемскую волость: «Да кому это надо? (Послу.) Забирайте, забирайте, царь согласен. Гут». На что госслужащий – дьяк – произносит одно только: «О Господи Иисусе!»

Но в Калевальском районе, который прежде и входил в Кемскую область, вспоминают не текстуальные тонкости, а саму суть: волость шведам всё-таки отдали. Вернее, её главное богатство – лес. После проведённого конкурса правительство Карелии подписало генеральное соглашение со шведским концерном IKEA, согласно которому шведы брались построить на территории Карелии мебельное производство, а правительство республики, в свою очередь, обещало обеспечить новых владельцев необходимым для работы сырьём. Шведы исходили из того, что им после полного запуска производства потребуется около 500 тысяч

кубометров леса. Половину объёма лесфонда общество с ограниченной ответственностью «Сведвуд Карелия» получало бы в долговременную аренду в ходе конкурса, а вторую половину должно было приобретать на открытых торгах. «Сведвуд Карелия» – это дочернее предприятие IKEA. Теперь эта расторопная и грабительская фирма Россию покинула, пойдя на убытки. Что сегодня? Вникать было просто некогда, хотя пограничники уже на подъезде к Калевале проверяли документы. Но всё теперь, понятно, должно разительно меняться, и не потому только, что IKEA ушла из России – найдём белорусскую замену, – а потому, что под боком у России, недалеко от Питера, появятся войска и базы НАТО. Тут не «дружественное поглощение», а прямая вражеская угроза!

И содержательное соревнование с соседями должно начаться. Ведь в Финляндии тоже есть своя Карелия. Чистокровных карелов там очень мало, большинство из них просто растворились в финском народе, а в России – шестьдесят тысяч! Но у озера Пиелинен располагается город Нурмес, который как бы является памятником карельских традиций в современной Финляндии. В этом городе находится популярный финский курорт «Бомбах», на котором воссоздана старинная карельская деревня, подобно тем, которые строили финны в довоенные годы. По соседству с карельской деревней возведён оздоровительный центр – с бассейнами, саунами и прочими северными развлечениями-лечениями. Мне кажется, что возрождённый Ленинградский округ не должен уступать соседям, ставшим вдруг врагами.

Кстати, к востоку от посёлка Калевала, у дороги на Кемь, возвышается гора Айтовара. У её подножия бьют ключи с вкусной и мягкой водой, а в одном из них можно набрать воды, богатой железом. То есть это, вероятнее всего, целебный источник, вода в котором схожа с марциальными водами, рядом с которыми Пётр Великий учредил первый российский курорт. Так что новое освоение и преобразование этих мест, по моему убеждению, впереди. Уверен, и возрождение карельского языка стано-

вится не просто этнолингвистической заботой, но и военно-разведывательной необходимостью. Но о языке – позже.

А пока едешь по безлюдной грунтовой дороге, которую вели на Кандалакшу бойцы Красной армии во время финской кампании 1939–1940 годов, а потом улучшали финны, и понимаешь, что надеяться на пополнение бюджета только за счёт лесопереработки – просто нереально. Например, территория Калевальского района составляет по площади 13,3 тыс. кв. км, или пять площадей Люксембурга, а по населению – 11 тыс. человек, в 30 раз меньше Люксембурга. Ну, чтобы ближе к соседям, это треть площади Эстонии, но в 40 раз меньше по плотности населения. Даже если заложить большие деньги в бюджет – кто и как своими силами эти лесные прожекты претворит в жизнь? Правда, у нас немало количество заключённых, несмотря на увеличение условно осуждённых и помилованных в связи с набором в ЧВК «Вагнер»: на 1 января 2023 года числилось 433 тысячи сидельцев – почти половина того, что приходилось на огромный СССР. Но тогда они помогали строить, например, канал им. Москвы, который и сегодня работает почти без реконструкции (а пора!), и «Норильский никель», который сделал миллиардером Потанина и отвалившего Прохорова. Многие из зэков валили, обрабатывали лес, а сегодня заключённые шьют рукавицы и тапочки в колониях, потому что использование их труда – экономика, управленческая наука, высокая организация. А у нас в этих областях – не ахти.

ВЛАДИМИР ЛУККИНЕН

Конечно, Карелия – страна озёр. Сколько озёр в Карелии – не скажет точно никто. В путеводителях их число варьируется от 60 до 70 тысяч. Крупные карельские озёра связаны протоками и реками. Их тоже очень много – около 27 тысяч, при общей протяжённости 83 тысячи километров – нескончаемый сверкающий путь, бездонный кладёз чистой воды. Так что главное богатство Карелии – стратеги-

ческий продукт будущего и всегдашняя основа жизни – чистая пресная вода, хотя и Белое море есть. Помню, как поразился я описанию повести «Деревня» Ивана Бунина: *«На полпути было большое село Ровное. Суходей проносился вдоль пустых улиц, по лозинкам, спалённым жарю. У порогов ерошились, зарывались в золу куры. Грубо торчала на голом выгоне церковь дикого цвета. За церковью блестел на солнце мелкий глинистый пруд под навозной плотинкой – густая жёлтая вода, в которой стояло стадо коров, поминутно отправлявшее свои нужды, и намыливал голову голый мужик. Он по пояс вошёл в воду, на груди его блестел медный крестик, шея и лицо были черны от загара, а тело поразительно бледно и бело.*

– Разнуздай-ка лошадь-то, – сказал Тихон Ильич, въезжая в пруд, пахнувший стадом.

Мужик кинул мраморно-синеватый обмылок на чёрный от коровьего помёта берег и с серой намыленной головой, стыдливо закрываясь, поспешил исполнить приказание. Лошадь жадно припала к воде, но вода была так тепла и противна, что она подняла морду и отвернулась. Посвистывая ей, Тихон Ильич покачал картузом:

– Ну и водица у вас! Ужли пьёте?

– А у вас-то ай сахарная? – ласково и весело возразил мужик. – Тыщу лет пьём! Да вода что – вот хлебушка нетути...»

Господи, читать страшно. Сколько же было сделано для гигиены и здоровья народа в советское время! Сегодня снова Россия, её мегаполисы и даже более мелкие населённые пункты порой страдают от отсутствия чистой воды. Подсчитано, что до 60 процентов болезней мы выпиваем вместе с некачественной водой. Теперь порой не понять, чего больше «нетути» – хлеба насущного или нормальной воды? Кстати, в столице Карелии Петрозаводске двадцать последних лет и перед визитом Путина текла из кранов отвратительная, пахнущая фекалиями вода. Каждый новый мэр обещал при избрании решить эту дикую проблему на берегах Онега – когда-то самого чистого озера в Европе. С получением феде-

ральных средств дело сдвинулось с мёртвой точки, но до полного пуска мощных очистных сооружений тогда не дошло.

Так вот, Карелия дарит редкое сегодня счастье – окунуться в стихию чистой воды, в которой плещется безопасная рыба, водицу можно не только кипятить, но и пить прямо из реки. Даже при купании чувствуешь, какая она хрустально-чистая, а при намыливании убеждаешься, что она одновременно мягкая и ласковая. Древние поэтичные изречения гласят: озёра – глаза земли, а реки – душа земли. Это звучит образно и с каждым столетием всё более точно. Беда в том, что глаза земли, особенно в Центральной России, сплошь и рядом плачут, а текучая душа земли кровоточит и отравляется. За одной только первозданной чистотой надо ехать в Карелию – страну воды. Но я ехал по следам Юрия Казакова за отголосками «Калевалы».

Судьба подарила мне в Калевале встречу с настоящим носителем языка и хранителем карельских традиций – Владимиром Матвеевичем Лукиным. Встреча наша была короткой, озёрной, в пасмурный день. Он, с растрёпанной седоватой шевелюрой и резкими чертами лица, стукнул в дверь голубого домика гостиницы «Сампо»: «Собирайтесь – катер стоит». В берег ткнулся, видимо, предназначенный для этой погоды довольно-таки утлый катерок с навесом, за рулём которого был Рудольф. Он занимался, как я понял, и перевозками, и заброской туристских групп. Толком было не поговорить – рокот мотора, шум ветра, который просто сорвал и унёс накиннутый мной зелёный лёгкий дождевик – много рыбацких дорог с ним прошёл. Я всплеснул руками, а Владимир прокричал: «К счастью! Или вернётесь на Куйто. Погнались!» С Рудольфом они перекидывались парой слов на зычном карельском, похожем на эту раскинувшуюся стихию.

Юрий Казаков и сопровождавший его писатель Степанов плыли в деревню на Алаярви спокойней – на капитальном, рейсовом катере. *«Дует ветер, роет на озере крупную беспорядочную волну, возле пристани скребутся бортами лодки и катера, ни одного рыбака*

Владимир Луккинен вещает

не видно на озере, ни одной точки не чернеет. Со мной сидит Ортье Степанов – здешний писатель, добродушный, круглолицый и весёлый. Он доволен, он рад съездить со мной на Алаярви, рад, что уговорил поехать туда и Татьяну Перттунен. И она сидит тут же, принаряженная – едет всё-таки в гости, – весёлая, изредка перебрасывается с Ортье несколькими словами, усмехается. Не понимаю я по-фински, но слушаю жадно – такой это прекрасный звучный язык, сдвоенные гласные и согласные...»

Лукин тоже говорит звучно, но речь его не так напевна, как передаст потом звучание рун в исполнении Татьяны Перттунен на слух Казаков:

«Иногда она повысит голос, нахмурит брови, вскрикнет грозное и поднимает руку, угрожая, но тут же и сникнет, забормочет, раскачиваясь, что-то жалобное.

*Каикиппа ноуси кууломаа
метсяста метсян еелаваа...*

Вот что приблизительно слышу я на свой русский слух».

У нас на ветру было отрывистей: «Ловится ли крупная рыба (ролвана кала) в такую погоду, когда ветер и волна (туули ално)?» – спрашивает Лукин (Луккинен) у подсевшего к нам на стоянке рыбака с обветренным лицом. Всё равно выразительно звучит, пробивается сквозь ветер и как-то гармонирует с раскинувшейся стихией.

Они при затишке мне рассказали, что сразу после путешествия Казакова и Степанова, в августе 1961 года, именно здесь, на самой глубине Среднего Куйто, затонул катер,

названный в честь далёкого сородича сказительницы «Архип Перттунен». Архип родился в 1769 году в карельской деревне Ладвозеро в небогатой крестьянской семье. Самородок не стал нарушать семейные традиции и тоже научился исполнять карельские эпические песни, тексты которых передавались из поколения в поколение. Его манера исполнения отличалась особой певучестью, образностью и выразительностью. В 1834 году о талантливом сказителе узнал врач Элиас Лённрот. В апреле самодеятельный этнограф приехал к нему в деревню и целых два дня записывал за Перттуненом руны под аккомпанемент кантеле. Всего Лённроту удалось записать несколько десятков фольклорных произведений, среди которых лирические и эпические песни, заклинания и легенды. Весь собранный материал он щедро использовал при создании эпоса «Калевала». По мнению учёного, крестьянин Архип Перттунен был выдающимся рунопевцом с богатым репертуаром и выразительной манерой исполнения, свою встречу с ним Лённрот признавал огромной удачей. Ещё бы, он дал весь строй и образный ряд «Калевалы», чётко обозначил композицию большинства рун! Он в совершенстве владел формой калевальского стихосложения, которую отличают частые аллитерации, параллелизмы и продуманный подбор метафор. Это и стало залогом успеха скромного лекаря-фольклориста.

С Лённротом вообще произошла странная трансформация – из добросовестного собирателя и обработчика эпоса он вдруг стал выдающимся филологом и поэтом. В последние десятилетия карельские учёные, особенно трепетно относящиеся к соседней стране, уточняли состав и само определение этого произведения, сделав акцент на авторстве человека, который, дескать, не только собрал народные песни, но и создал огромное полотно, выступив чуть ли не в роли творца. Не могу судить, поскольку не владею языком и обширнейшим материалом, но мы как-то привыкли, что наши великие собиратели от учителя гимназии и этнографа Елпидифора Барсова до немца-славянофила Александра Гильфердинга записали на севере

выдающиеся образцы былин и старинных песен, опубликовали это для потомков, но остались даже в тени сказителей.

Но и финнов с финнофилами можно понять. У нас во время подготовки и выхода «Калевалы» сам Пушкин фольклор собирал и широко использовал в гениальных произведениях, а там вдруг на безрыбье воодушевились образованные финны, осознав, что совсем рядом, в Карелии, сохранилась фольклорная сокровищница прошлого двух родственных народов. Для тогдашней Финляндии, бедной сельскохозяйственной страны, только-только перешедшей из-под многовекового и жёсткого господства Швеции под бережную опеку России (Конституцию подарили!), было очень важно осознать что-то своё, исключительно самобытное. В магазинах того времени даже не было книг на финском языке – наречии необразованных крестьян. «Калевала» стала первым таким изданием в 1835 году! Хранят ли финны должную благодарность к соседнему карельскому народу и лично Архипу Перттунену? Сомневаюсь... Зато когда в 1941 году они оккупировали Петрозаводск, финские патриоты переколачивали таблички-указатели на улицах города с концлагерем для детей: ул. Дзержинского – ул. Вяйнямёйнена, ул. Пушкинская – ул. Лённрота (стыдились бы невольного сравнения!), ул. Калинина – ул. Илмаринена: наглядно два кузнеца мельницы счастья: всенародный староста и герой эпоса со злой женой.

Затонувший катер, носивший славное имя Перттунена, даже называли после знаменитого фильма «Калевальским Титаником». Но типично русское крушение произошло около небольшого острова, который с тех пор называют Танкерным. Причиной стало то, что катер вышел в шторм (он буксировал баржу с сеном), но экипаж из двух человек забыл задрать на ней люки, поскольку, по слухам, оба были пьяны. В результате баржа постепенно наполнялась водой, потом дала крен с мокрым сеном и пошла на дно, утянув за собой катер. Через какое-то время «Архип Перттунен» пытались достать с глубины 20 метров, но в ходе

операции подъёма погиб один водолаз, и от дальнейших попыток отказались – плохая примета, да и катерок своё отслужил. Место затопления точно указать теперь никто не может, но это примерно в трёх километрах к востоку от пролива к озеру Алаярви, в который мы вошли после прорыва сквозь непогоду большого плёса.

Честно говоря, я рассчитывал, что мы сойдём на берег – там, где была святая роща и старое кладбище, где варили бабушки уху, собирали чернику, а потом и пели по очереди руны. Первой начинала Марья Михеева – про то, как Вяйнямёйнен играл на кантеле из рыбьих костей... Но мы прошли на моторе рядом с поминальным тёмным крестом на пустынном берегу, и я понял, что катер делает разворот:

– И это всё, Владимир?

– Конечно, тут теперь и смотреть нечего! – крикнул он сквозь ветер.

Шторы от бокового ветра не давали возможности ни сфотографировать, ни рассмотреть толком. Осталось только ощущение пустынности берегов под серым небом и нескончаемого волнующегося водного простора.

Приплыл какой-то опустошённый в район и пошёл в рабочую столовую, пока она была открыта. Владимир торопился по своим делам, и я толком не успел пообщаться с этим одарённым человеком, который режет деревянные скульптуры, украшает посёлок и иллюстрирует сам эпос. Не так давно в Петрозаводске проходила его выставка в национальном музее Карелии. В экспозиции были представлены и живопись, и графические листы, которые привлекают своей тщательностью в отражении образов, глубоким проникновением в смысл и детали текста, который он открыл для себя ещё в детстве, читая, как многие из нас, книжку в переложении Александры Любарской на русском языке. Но и подлинник ему, в отличие от большинства, стал доступен. Мне больше всего запомнилась одна графическая строгая работа – образ Куллерво, нетипичного, трагичного героя, который неожиданно оказал огромное влияние

на целое направление современной литературы – фэнтези в духе Джона Толкина.

ТОЛКИНИСТЫ НЕ ЗНАЮТ

Многие молодые увлекаются книгами Толкина, называют себя толкинистами и сами пробуют писать фэнтези. Почти всем им не хватает того, из чего вышел сам Джон Рональд Руэл Толкин (1892–1973), – знания мирового эпоса, причудливого фольклора, сказаний о легендарных героях. История упомянутого Куллерво, рассказанная в 31–36-й рунах, заметно отличается от других частей «Калевалы». Дело в том, что она была записана не самим Лённротом, а Европеусом; и не у карелов под узловатой сосной, а у ижоры Петербургской губернии. Записал ответвление эпоса Давид Эммануэль Европеус (1820–1884) – финский фольклорист, этнограф и археолог, то есть профессионал, в отличие от лекаря Лённрота. Именно он в середине позапрошлого века собирал в Восточной Финляндии, Олонецкой и Санкт-Петербургской губерниях фольклор финноязычных народов и записал около 2500 рун, многие из которых были включены во вторую редакцию эпоса «Калевала». Но, несмотря на свои великие заслуги, Европеус не так известен в Финляндии, как Лённрот, хотя его исследования в области лингвистики и фольклористики не менее важны. Дело в том, что «отцами» будущей Финляндии были преимущественно шведы и «проскандинавски ориентированные» финны, а Европеус был «пророссийским» учёным. Такие подвижники часто не ценятся теми, кто пришёл к власти, кто выбирает политические и культурные ориентиры, поэтому, когда Европеус умер, он был похоронен в общей могиле для бедняков в Санкт-Петербурге.

А памятник Элиасу Лённроту находится в самом центре Хельсинки в небольшом скверике за «Чумным парком» по адресу: Lönnrotinkatu 5. Монумент собирателю и составителю карело-финского эпоса «Калевала» был спроектирован по проекту Эмиля Викстрёма и открыт в 1902 году. Лённрот

Автор у памятника Блоку

восседает на постаменте, рядом с ним Вяйнямёйнен – один из главных персонажей эпоса. Чуть ниже видим девушку. Но если зайти за монумент с левого фланга, как провёл меня знакомый финский писатель Карл Геус, то ясно видится лишь Вяйнямёйнен, сидящий на выступе скалы. А если мысленно перевернуть пирамидальный монумент, то получается совсем другая картина: скала приобретает черты лица, а в них явно угадывается дьявол (усы, козлиная борода, рога). Ну а чтобы никто не сомневался в художественном замысле, автор размещает на лбу существа перевёрнутую пятиконечную звезду – точно такую же, как на изображении дьявола на картах Таро. Что всё это значит – случайность или замысел? Исследователи видят в дьявольской голове образ Антеро Випунена – древнего великана, к которому Вяйнямёйнен обращается за советом. По сюжету великан проглатывает Вяйнямёйнена, но затем выплёвывает. Это и объясняет, почему Вяйнямёйнен сидит в пасти у древнего чудовища. Ну а перевёрнутая звезда – игра в

масонство и оккультизм, столь модные в начале XX века.

Так вот, история Куллерво была записана у коренного малочисленного народа России, проживающего под Санкт-Петербургом («Подъезжая под Ижоры, я взглянул на небеса») и в области, – и неизвестна у других носителей этноса. Она повествует о самой трагической судьбе юноши с волосами соломенного цвета. Два брата Калерво и Унтамо враждовали из-за рыболовных мест и клочков полей с овсом. Семья Унтамо, считавшаяся финской, напала на семью Калерво, считавшуюся местной (ижорской), и многих убила. В живых осталась только юная жена Калерво, которую мужчины Унтамо увели с собой. Она родила в доме убийцы своего мужа мальчика, которому дала имя Куллерво. Он вырос в доме Унтамо как раб. Парень обладал магическими способностями, правда, в основном разрушительного характера. Когда Унтамо услышал, что Куллерво хочет отомстить за свой род, то попытался его убить, но мальчик был неуязвим. Тогда Унтамо продал его в рабство калевальцу – кузнецу Ильмаринену, где жена героя, которая была дочкой ведуньи Лоухи, определила Куллерво в пастухи. Однажды хозяйка дала пастуху хлеб, в котором запекла камень. Пытаясь его разрезать, Куллерво сломал нож – единственное, что осталось от отца. Бытовой момент, но сила рун возвышает трагедию:

«Вытащил свой нож из ножен, чтоб скорей разрезать хлебец; нож на камень натолкнулся, острие в скалу упёрлось, лезвие ножа сломалось, сталь на части раскрошилась.

«Куллервойнен, Калервойнен, посмотрел на нож отцовский, посмотрел, заплакал горько, вымолвил слова такие:

«Только нож и был мне братом, был единственной отрадой, от отца мне нож достался, от родителя – в наследство. Я и тот сломал о камень, исковеркал о булыжник, в хлеб заложенный хозяйкой, запечённый бабой злою!

Чем же отомстить насмешки, бабий смех, издёвки бабы, жалкие харчи хозяйки, подлую стряпню блудницы?»

Тогда пастух загнал коров в болото, а вместо животных пригнал волков и медведей, сделав их похожими на стадо. Когда жена Ильмаринена пыталась их подоить, звери разорвали её в клочья. Куллерво убежал из рабства и встретил девушку на лыжах, с которой вступил в интимную связь. Узнав потом, что Куллерво – её брат, она покончила жизнь самоубийством, бросившись в реку. Осознав, что может причинять только гибель другим, Куллерво взял меч, подаренный богом Укко, отправился на войну с семьёй Унтамо, убил как дядю, так и всех его людей, сжёг скот, дома и заборы. Куллерво утолил жажду мести, но когда он возвращается домой, видит, что дом пуст, в очаге – остывшие угли, пол уже давно никто не подметает, а лодки на берегу нет. У Куллерво больше не осталось приюта и смысла в жизни, он решает покончить с собой. Куллерво спрашивает у своего меча: насколько для него важна справедливость? Меч холодно ответил, что ему нужно пить кровь, а чья она – хороших или плохих людей, – неважно. Тогда Куллерво бросился на лезвие, чтобы в последний раз напоить его своей кровью...

Молодой и увлекающийся Толкин, будучи 22-летним студентом Оксфорда, под впечатлением от истории Куллерво начал писать своё первое произведение – «История Куллерво» (англ. «The Story of Kullervo»). Всего-то 26-страничная рукопись Толкина, к сожалению, так и осталась незавершённой и была опубликована только в 2010 году. Но сам Толкин в своих письмах признавался, что «История Куллерво» была первой попыткой создать свой собственный эпический текст с придуманными языками и мифическими существами. Так что «Калевала», записанная в Карелии и под Питером, не только основа финской культуры и литературы, но и первоначальный толчок к зарождению целого направления современной литературы. Думаю, что

Толкин изучал и ирландский эпос, и древних героев других народов, потому и мог создать свой причудливый, завораживающий многих мир. Любители эльфов и хоббитов должны знать, что фонетику эльфийского языка отец сказочных народов Толкин заимствовал из «Калевалы», поэмы, которую он хорошо знал и чьим языком был очарован.

А нынешние последователи читают только самого Толкина. Спроси у них про Куллерво – скажут удивлённо, что такого персонажа у кумира нет.

Вопросы сохранения и воссоздания исторической среды Северной Карелии, связанные с записью рун и созданием эпоса «Калевала», ныне выносятся на уровень спасения общемировых культурных ценностей под эгидой ЮНЕСКО, что обязывает к серьёзным усилиям этого района и всей Карелии. В посёлке Калевала, в доме сказительницы Марии Ремшу, находится музей «Рунопевцы Калевалы». Работают этнографический и краеведческий музеи. Эмблемой района стала засохшая сосна Лённрота, под которой записывались руны «Калевалы». Сохранился амбар Ялманена, где останавливался Лённрот. В районе возродились фольклорные праздники с выступлениями кантелистов, народные ремёсла (изготовление кантеле, ковроткачество, резьба по дереву). Местный карельский хор сохраняет традиции народного творчества, ездит на гастроли. Но тень засохшей сосны ложится на живую культуру: многое просто воспроизводится в застывших формах. Увы, в современной поэзии эти традиции слабо развиваются. А ведь сама земля напоминает, какую роль в политической и любой другой борьбе играет культура!

Напомню, что в 1809 году, более двух веков назад, завершилась последняя война между Россией и Швецией за северные территории, включая Финляндию, Карелию и Прибалтику. А борьба эта длилась с переменным успехом почти тысячу лет, начиная с варяжских и викингских походов. Но в начале XIX века финской нации как таковой ещё не существовало, её предстояло ещё создать, и огром-

ную роль в этом сыграло наряду с общественно-политическим и экономическим развитием всемерное развитие национальной культуры. В наследство от многовекового шведского господства Финляндии досталась полная шведизация административного управления, школьного и университетского образования, печати и всей публичной культурной жизни. Официальным языком оставался шведский язык, хотя он был доступен лишь одной десятой части жителей. Сюда входили верхние сословия, образованные круги, малочисленное ещё городское население. Сделать прорыв в восприятии народной культуры, уберечь древние руны для будущих веков смог как раз он – Элиас Лённрот, ринувшийся в глухой край Калевалы. Уже в 1829 году появляется первый выпуск сборника «Кантеле», а 1834 год стал пиком удачи для Лённрота. В Латвиярви (Ладвозере) он встречает народного рунопевца Архипа Перттунена. И прежде, и потом он слушал хороших сказителей, но равного Перттунену по знанию рун, по выразительности исполнения никогда не встречал. На основе подготовленных ранее циклов и записей Перттунена в следующем, 1835 году Элиас Лённрот выпускает сборник «Калевала». В книге пока ещё только 32 руны, 12 078 стихов. Это так называемая «Старая Калевала». «Новая» в том виде, в каком она известна всему миру, вышла в 1849 году. В предисловии к каноническому варианту Лённрот писал: «...Вероятно, текст этого издания более не изменится, потому что, кажется, уже нельзя найти новых рун: все местности, где ещё поют руны, тщательно исследованы». В первом он не ошибся – текст «Новой Калевалы» стал каноническим. Но новые руны постоянно обнаруживались – и в Финляндии, и особенно в Карелии. Русский перевод «Калевалы», выполненный Леонидом Бельским и опубликованный впервые в 1888 году, получил Малую Пушкинскую премию.

Уже в наши дни поэт Армас Мишин совместно с карельским переводчиком и фольклористом Эйно Киуру сделали новый перевод «Калевалы», более поэтический, приближенный к оригиналу и живому быту. Краткий перевод

был подготовлен к 200-летию со дня рождения Элиаса Лённрота и вышел в свет в издательстве «Карелия», чья эмблема – сосна Лённрота. Спонсорами издания выступили сами авторы перевода и Петрозаводский ликёроводочный завод. Половину тиража завод выделил Национальной библиотеке, которая дарила книги школам, школьным библиотекам. Так что «Калевала» продолжает жить. В «Калевале» есть волшебная мельница сампо. Это не только мельница изобилия, имеющая «солемолку, мукомолку и деньгомолку», но это также и некое вместилище песен («с песнями старого сампо»). Лённрот вкладывает в слово и более широкий смысл. Это – сама земля и даже Вселенная:

*Вот где семени начало,
счастья вечного истоки,
тут и пашни, и посевы,
тут и жизненная сила,
тут и месяца сверканье,
солнца дивное сиянье...*

Сами проплывающие пейзажи веют суровой древностью и эпическим простором – то залесенные гривы и сопки, то низкие берега с чахлыми соснами болот, то скальные выступы с поседевшими мхами, то травяные мысы, на которых уже не пасётся скот. Порой уже не верится, что эти просторы были полны трудов и песен.

Кстати, в духе Толкина создан, например, завораживающий клип «Вечное забвение» – композиция из нового альбома музыкального проекта ILMU из Карелии, – снятый в единении с суровой природой и с использованием зримых образов и старых инструментов, с текстом на ливвиковском наречии карельского языка. Весьма колоритно.

КАНУВШЕЕ НАВСЕГДА?

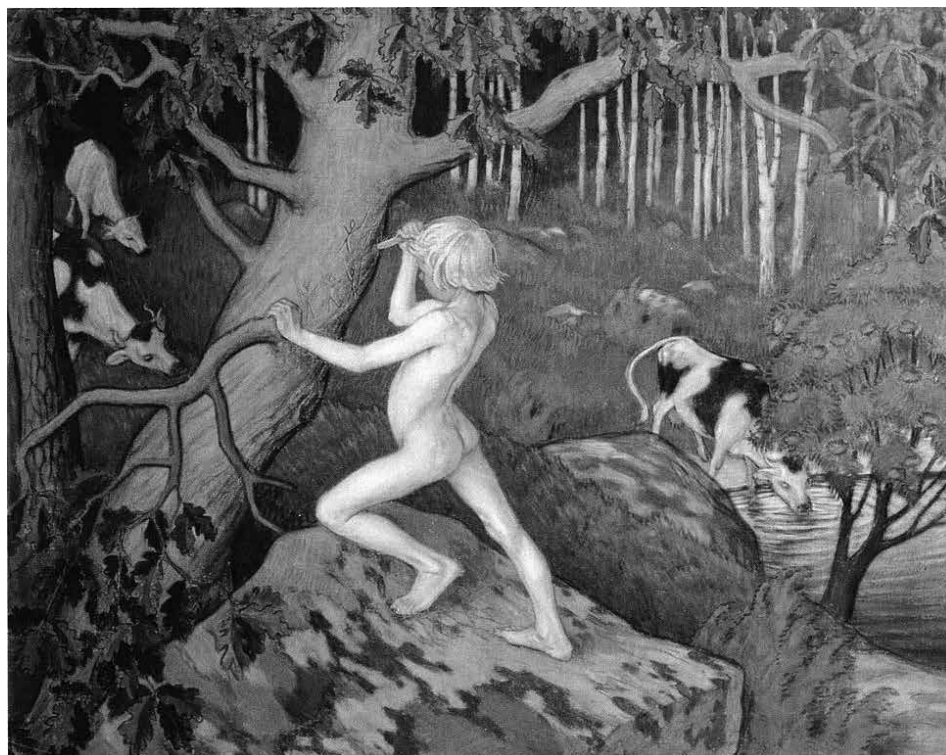
В творческом наследии Юрия Казакова много замечательных, тонких рассказов и образцовых очерков с блестящими описаниями природы, памятных дорожных встреч, внутреннего состояния остро чувствующего

автора. Причём многие (и я в том числе, лишь однажды наблюдавший Юрия Казакова в ресторане ЦДЛ) отмечали контраст между внешностью и грубоватой оболочкой этого сына Арбата и лирической сутью его рассказов, пронизанных запахом воды, ароматом лугов и осенних листьев. Лучше всего об этом написал Евгений Евтушенко, друживший с Казаковым и попросивший его взять с собой на Север:

*Комаров по лысине размазав,
Попадая в топи там и сям,
Автор нежных, дымчатых рассказов
Шпарил из двустволки по гусям.
И, грузинским тостам не обучен,
Речь свою за водкой и чайком
Уснащал великим и могучим
Русским нецензурным языком...
А когда храпел, ужасно громок,
Думал я тихонько про себя:
За него, наверно, тайный гномик
Пишет, нежно пёрышком скрипя.*

Отличные и точные строки молодого Евтушенко! Но даже из нежно написанного тайным гномиком кое-что можно увидеть и сегодня, пощупать, повторить, пережить по мере сил. А вот услышанное неповторимым рассказчиком и досконально описанное в «Калевале» пение нам никогда уже не услышать и подобного восторга не испытать: «Поёт Перттунен! А почему бы ей и не петь, если пели когда-то дети лопарей, поев глаза плотвичек и запив водой из ламбушки – маленького озерца? Почему бы не петь старой Перттунен, если ест она хлеб без примесей, жуёт чистый хлеб и сидит на берегу тихого Алаярви, возле смолистого огня?

Потом поёт Марья Михеева – несколько иначе, потвёрже, повыше, и сперва вроде бы с усмешкой, а потом – серьёзно, истово, и тоже затуманивается, тоже смотрит вдаль, а видит одного Вяйнямёйнена. Поют старухи, раскачиваются, сменяют одна другую, а уж глаза у них подозрительно блестят, уж вытирают они их концами платков. Ветер у них выдул слёзы, что ли? Или дым попал? Но

Куллерво вырезает на дубе. 1897 г. Художник Вяйнё Бломштедт

нет ветра, и дыма почти нет – одни угли, одна тишина, одна Калевала, выпеваемая старыми голосами, журчит, вздымается и опадает».

Оборвалась. Опала навсегда.

Знал, что не услышать мне даже отголоска этого пения, хотя ансамбль кантелистов здесь есть, и даже установили огромный памятник кантеле – камень на две тонны. Но печаль от безвозвратно утраченного прихлынула. Может, и потому ещё, что узнал: в Калевальском национальном и самобытном районе членов Союза писателей России и даже общепризнанных поэтов – авторов стихов хоть на карельском, хоть на русском – нет. Хоть поэзией и древностью пропитан здесь сам воздух. Опытный экскурсовод Елена Перттунен и многолетний редактор газеты «Новости Калевалы» Сергей Кондратьев показали мне хмурым утром многие достопримечательности Калевалы: и сам дом писателя Ортёе Степанова, где останавливался Казаков («Хорошо бы установить мемориальную доску, да не всегда новые владельцы согласны», – обсуждали мы с Сергеем Вяйневичем), и Музей типо-

графии, и памятные знаки сказителям, и Дом Моберга – этнокультурный центр «Калевалатало», и музей рунопевцев. Последний размещён в простом крестьянском доме сказительницы Марии Андроновны Ремшу (1861–1943). Там я и узнал, что упомянутая Казаковым Мария Ивановна Михеева (1884–1969), как и Ёуки Ивановна Хямяляйнен (1882–1959), в 1939 году стала членом Союза писателей СССР. Ещё с «Литературной России» помню, как кто-

то в редакции иронизировал, что Николай Тихонов приехал создавать писательскую организацию Карело-Финской СССР и раздавал билеты направо-налево. Да нет, получили их достойные молодые писатели и две выдающиеся сказительницы, которые сочиняли и новины – произведения на современную для того времени тематику. Попробуй достойно и в народном духе написать про те же колхозы или про товарища Сталина. В эпическом, а не в таком вот частушечном стиле:

*Ветер – сильному попутен,
Человек – не божество,
Но не зря Владимир Путин
Объявил укропам СВО.*

В давние годы песнопения рун, как и сказывания былин, были мужским делом. Исполнялись руны не совсем привычным нам способом. Певец с помощником садились напротив друг друга, брались за руки и начинали, покачиваясь взад и вперёд, петь. При последнем такте каждой строфы наступала очередь

помощника, и он всю строфу перепевал один. В это время запевала обдумывал следующую. Это и на картинках осталось, и в самой «Калевале» запечатлено:

*Друг любезный, милый братец,
детских лет моих товарищ,
запоём-ка вместе песню,
поведём с тобой сказанье,
раз теперь мы повстречались,
с двух сторон сошлись с тобою.
Мы встречаемся нечасто,
редко видимся друг с другом
на межах земли убогой,
на просторах скудной Похьи.*

*Подадим друг другу руки,
крепко сцепим наши пальцы,
песни лучшие исполним,
славные споём сказанья.*

*Пусть любимцы наши слышат,
пусть внимают наши дети –
золотое поколение,
молодой народ растущий...*
(Перевод Эйно Киуру и Армаса Мишина)

Слышит ли их теперь молодой народ растущий? Наверное, в карельском театре или фольклорной постановке можно услышать отголоски песен. Но сокращается количество носителей и знатоков языка. Вообще карельский язык преподают в 27 школах республики: в Петрозаводске, Костомукше, Олонецком, Пряжинском, Суоярвском, Калевальском, Кондопожском, Лоухском и Медвежьегорском районах. Это более 2,1 тысячи школьников. «Знакомство с национальными языками начинается ещё с детского сада: в 20 дошкольных учреждениях изучают карельский язык, в трёх – вепсский. Проводятся литературные конкурсы среди молодых авторов, пишущих на карельском, вепсском или финском языках, конкурсы знатоков национальных культур, ещё мы создали Ресурсный языковой медиациентр», – так рассказал в соцсети глава Карелии Артур Парфенчиков. Есть дополнитель-

ные программы и курсы по изучению языков для взрослых.

Этим летом в посёлке Калевала, например, прошли курсы северного наречия карельского языка, организованные Региональной общественной организацией «Союз карельского народа» совместно с Карельским просветительским обществом (Финляндия). Слушателями курсов стали более тридцати энтузиастов, заинтересованных в сохранении, развитии и использовании карельского языка. Они посетили и этнокультурный центр «Хайколя» Фонда Ортъе Степанова в одноимённой деревне на красивейшем острове, встретились с сыном писателя и местными жителями – хранителями языка и традиций северных карелов, приняли участие в Фестивале этнической музыки *Sommelo*, учились играть в карельские городки. Но это как бы разрозненные островки самобытности и внимания к языку. Нужны объединённые и продуманные усилия.

ПРИМЕРЫ ВОЗРОЖДЕНИЯ

Подвижница Ольга Гоккоева из Кинермы, которая сознательно вернулась в родную деревню, в свой карельский мир, создала Дом карельского языка в соседнем Ведлозере. Она утверждает: на голом энтузиазме и с разрозненными курсами язык возродить невозможно, должна быть система. К сожалению, в бытовании карельского сейчас опять спад. Очень мало молодых активистов, нет такой энергичной деятельности, как в 1990-е годы, когда она училась: «Если говорить практически: нет рабочих мест, где нужен бы был карельский, в школах его изучение постоянно сокращают. Сейчас наш Дом – единственное общественное место в Карелии, где все говорят на карельском».

Ей можно верить, поскольку эта русоволодая и приятная женщина посвятила родному языку всю свою жизнь: «Я уже с четырнадцати лет знала, что пойду в университет изучать финский язык – карельского отделения

тогда не было. Но мне повезло: я поступила в 1990 году, как раз когда появилась кафедра карельского языка – мы были первыми её студентами». Ольга окончила отделение финно-угорской филологии, какое-то время прожила в Финляндии. Там она увидела, как возрождают умирающий язык саамов и их культуру, и решила попробовать сделать что-то подобное в Карелии. Сначала они с сестрой Надеждой Калмыковой превратили в туристическую жемчужину маленькое родное селение Ольги – Кинерму. Усилиями энтузиастов деревеньку преобразили и пересобрали – да так, что она вошла в список самых красивых деревень России, и туда стали наезжать толпы туристов. Были, впрочем, и недовольные из местных, обвинявшие Ольгу, что она зарабатывает деньги на общем наследии.

Юная кантелистка

А потом появилась идея создать Дом карельского языка. И снова – чудом, на энтузиазме. «Все 6 миллионов рублей, в которые обошлось строительство здания – добровольные пожертвования самых разных людей. Причём самые активные жертвователи – пенсионеры. Все свои сбережения подарил стройке один

Дом карельского языка в Ведлозере

пенсионер из Финляндии. Сестра Надежда пашет с утра до вечера, обходится без наёмных работников, – рассказывает Ольга, – помогают муж и сыновья. Ивану – 12 лет, Егор на год младше. Ваня – круглый отличник. Егор – мастер сочинять и прирождённый артист. Видно, в прадеда-сказителя пошёл. Оба со знанием дела ведут экскурсии в Кинерме. Рассказывают так, что заслушаться можно. Особенно Егор, его туристы уже накануне заказывают».

Может, Егор Калмыков станет новым карельским поэтом и сказителем? Это всё призрачные надежды, но надо приложить общие усилия на современном уровне. Всё пример Финляндии приводят, где создали так называемые языковые гнёзда. Саамы этот метод приняли на вооружение в 1990-е, когда не осталось уже ни одного ребёнка, говорящего на их языке. За тридцать лет у них получилось вернуть язык к жизни! А теперь – даже ЕГЭ на саамском сдают, выросла молодёжь, которая говорит на родном языке, пишет стихи, сочиняет песни. Но ведь началось-то это, напомним, в СССР, в Мурманской области, где ещё до войны в саамской деревне Чальмны-Варрэ родилась девочка, которую родители называли на советский лад – Октябрьной. Так вот, в 1989 году Октябрьну Воронову приняли в Союз писателей, и она по праву стала называться первой саамской поэтессой. Теперь имя ушедшей поэтессы носит Музей саамской письменности и культуры в Ревде. Да, это и уникальный, но и типичный случай. Конечно, нужна была не-

стовая любовь к родному языку, генетическая память (ведь муж увозил её на пять лет из Заполярья в Боровичи), верность поэзии, но помогла и счастливая встреча с замечательным мурманским лириком Владимиром Смирновым, и сама издательская политика. Без его работы пронзительные строки саамской поэтессы не дошли бы до русского читателя.

*Так у нас повелось, что издревле
ни бабки, ни мамки
Не готовили нам ни дворцов,
ни затейливых замков.
Спали мы на полу – на траве увядающей,
рыжей.
Сквозь дырявые шкуры мы видели
звёздную крышу.*

Без его воспоминаний, хранящихся в Государственном архиве Мурманской области, ныне невозможно составить полное представление о жизни Октябрины Владимировны. Они познакомились в 1975 году, а через несколько лет начали сотрудничать. Сборник «Снежница» вышел именно в переводе Смирнова. Позже он написал о поэтессе в статье «Ночлег в пути», опубликованной в журнале «Север» в 1991 году. Успел до развала державы, до того, как важнейшее для нашей многонациональной страны переводческое дело перестало цениться и оплачиваться. Это – один из главных провалов в культурной политике, вернее, в её позорном отсутствии. Хотели бывшее издательство «Художественная литература», по обещаниям самого президента, сделать главным издательством переводной литературы с государственным финансированием, потом какой-то Дом переводов при Литинституте затевали. Где всё это?

Да, трудно сегодня сберечь и пестовать национальные литературы. Но мне кажется, что писательская организация Карелии и журнал «Север» с такими традициями могут стать и литературным, и организационно-методическим центром подобной работы при соответствующей властной поддержке. Перед поездкой на-

писал редактору «Севера» – энергичной Елене Пиетилляйнен, которая призналась в ответ: «Я бы тоже хотела побывать в Калевале. Правда, в августе там на творческую встречу никого не собрать – все в лесах (грибы-ягоды), в школе каникулы. Знаю, что дорога плохая туда. Говорят, хорошо зимой, в мороз добираться... Про Калевалу мы печатали материалы год назад. Но наших писателей там нет».

Да, увы: ни наших, ни каких-то других.

Негоже издаека да ещё после краткой целенаправленной поездки давать какие-то советы, но первые действия мне кажутся безусловными: надо ввести рассказ Юрия Казакова «Калевала» во все школьные и вузовские программы Карелии – он художественно и заразительно повествует, как оно ещё недавно было. Ещё – установить мемориальную доску певцу Севера и Карелии на доме Ортёе Степанова или на музее рунопевцев, которых Казаков слушал на берегу Куйто. А главное: провести в Ведлозере или в Калевале семинар молодых литераторов, которые хотя бы пробуют писать по-карельски, а уж если песни порываются сочинять... Думаю, что и Владимир Луккинен, и Любовь Соболева из администрации Калевалы, которая занимается молодёжной политикой, здорово помогут писателям-организаторам.

Рассказ «Калевала» заканчивается так: «...Одно не забудется – не забудется Калевала и великий дух Вяйнямёйнена, осеняющий эту прекрасную страну, и имена сказителей, нёсших этот дух сквозь столетия».

Поверим Юрию Павловичу, хоть следы его на прибрежных валунах трудно разглядеть, зато стрелы пути с могучего сруба снова зовут в путь, порой ранят, но открывают новые просторы и дарят неизгладимые впечатления.

Ольга Гоккоева

ЕСЛИ ВЕРИТЬ В ЧУДЕСА

Игорь БЕЗРУК

Вам никогда не бывало тошно в толпе от одиночества, даже если вы достаточно предприимчивый и обеспеченный в жизни человек? Вам всё удаётся, ваш талант и трудолюбие должны оценены, у вас есть интерес в жизни, и вы, в сущности, совсем не пустышка. Но именно поэтому и одиноки. Жёны боссов и ваших приятелей вас давно не интересуют, знакомства по объявлению из-за односторонности и предвзятости порядком надоели, озабоченные разведёнки сто раз вывернули вашу печёнку наизнанку. Что вам в таком случае остаётся, если за плечами безвозвратный сороковник, а вы выглядите ещё на двадцать восемь, свои восемьдесят пять на тренажёре выжимаете влёгкую и случайные подруги в постели покидают вас без разочарования? Остаются скука, одиночество и беспредельная жажда любви. Но если со вторым и третьим вы как-то определились и в какой-то степени смирились, то первая леди из этого списка иногда нет-нет да и берёт безжалостно за горло, как взяла сейчас меня, и не отпускает.

До Нового года остаётся три часа, а я уже, как говорится, сыт, пьян и нос в табаке. Боулингом пресытился, шутики сослуживцев и анекдоты, праздно порхающие над праздничным столом, выучил наизусть, подруга, которую мне подсунили на новогодний вечер, какая-то желеино-студенистая, и от её манер и жеманства меня просто тошнит. В общем, я ещё не надрался до чёртиков, а всё мне давно порядком осточертело. Плохо. Очень-очень плохо. И я вновь ухожу в себя и мечтаю о большой и светлой любви. Неужели я в свои круглые сорок не могу помечтать о самом малом – о большой и светлой любви? Неужели я для Амура совсем конченный человек и лебединая песнь любви больше не коснётся меня своим хрупким ажурным крылом? Я в это не верю и продолжаю мечтать о самом возвышенном. И чтобы не чернить светлые мысли, незаметно покидаю своих веселящихся друзей, оставляю

гудящий всеми предновогодними красками и звуками боулинг-клуб и спешу на улицу, где всё сияет по-праздничному, снега по пояс и лёгкий морозец не портит радужного настроения. На меня накатывает эйфория, возникает желание неустанно идти куда глаза глядят, взобраться куда-нибудь повыше, широко распахнуть объятия наступающему Новому году. И я спешу на мост, продолжающий проспект, но вдруг оступаюсь, соскальзываю, кубарем скатываюсь со склона и ударяюсь головой о тумбу, будто нарочно поджидавшую внизу. Ну не глупец же? Захотелось всего и сразу. И что теперь?

Я открыл глаза и увидел над собой снисходительную улыбку Деда Мороза.

– Так и разбиться недолго, молодой человек, – сказал он и помог подняться.

– Да, набрался, видно, хорошо, – я стал стряхивать с себя снег.

– А ведь ещё нет и двенадцати, – с той же ироничной улыбкой заметил Дед Мороз. – И вы не все ещё подарки разнесли.

– Я? – удивился я столь явной определённости.

– Вы, – подтвердил, нисколько не удивляясь, Дед Мороз и показал мне на свой полный мешок. – Вот сколько подарков осталось, смотрите, – заставил он меня заглянуть в пурпурную торбу. Я заглянул. Действительно, там было ещё много разных подарков: машинки, зайчики, погремушки...

– Но почему я? – поднял я глаза на своего собеседника, но его будто и след простыл. В руках моих оказалась тяжёлая шуба, а сверху накладная борода, шапка и рукавички.

«Чудеса! – подумал я. – Прямо как в новогоднюю ночь. Не хватало только Снегурочки».

Но и она не замедлила вскоре объявиться. Только я, напялив на себя красный тулуп, шапку и рукавицы и взвалив на спину мешок с подарками, зашёл за угол, как прямо передо мной возникла настоящая Снегурочка, в голубой с хрустальны-

ми блёстками шубе, в такого же цвета шапочке с диадемой из стекляруса и с длинными белоснежными косами на груди. Только стояла она понуро, и крупные слёзы стекали по её алым озябшим щекам.

– Вот ещё Новый год! – не удержался я от удивления. – Вы-то почему плачете? – спросил осторожно, чтобы не быть навязчивым.

– А что ещё остаётся делать? – продолжая хныкать, ответила Снегурочка. – Вначале всё было нормально, а потом Трофимов, наш проф-орг, который был со мной Дедом Морозом, так набрался, что я его почти тащила на себе. Если б знала, что так всё будет, совсем бы отказалась от этих посещений. А сейчас он и вовсе бросил меня, оставив одну и без денег. Я домой даже добраться теперь не могу!

Мне стало жаль её, и я предложил вместе со мной разнести подарки, которые были в моём мешке, по квартирам.

– А у вас какие адреса? – поинтересовалась она, но я не смог на её вопрос ничего толкового ответить, спросил только:

– А у вас какие были?

– Вот у меня от Трофимова остался список, – выудила она из кармана перечень своих сослуживцев, которых они намеревались посетить. В нём была вычеркнута только треть.

– Пойдёмте тогда по вашему списку, – предложил я, не зная, в сущности, что делать с целым ворохом подарков.

И мы пошли, звоня в двери и стуча в окна, подзывая к домашним ёлкам детей и заставляя их лица светиться счастьем. Везде нас встречали как родных: шумно и радостно. Моя новая знакомая Снегурочка с одного оборота заводила малышей. Вокруг неё они быстро оживали, наперебой старались блеснуть стишками о Дедушке Морозе и Снегурочке, о зайчиках, которые едят морковку в лесу, о мишках, которые просыпаются под Новый год и лакомятся душистым мёдом, о белочках, которые спешат принести орешки на праздничную ёлку в детский сад.

Сама она тоже замечательно пела и знала немало стишков, куплетов и прибауток про Новый год, Деда Мороза и ёлку. И все взрослые приветствовали её, не замечая моей подмены.

Один раз, правда, порядком набравшийся расхристанный тип шепнул мне на ухо: «А Трофимов-то где?» Но я ему в ответ туманно закрутил вверх рукой, на что он заговорщицки подмигнул, мол, понимаю, понимаю, и кивнул в сторону Снегурочки: «Ради такой и я бы Трофимова сплавил». Он заставил меня пристальнее присмотреться к девушке, которая становилась всё более интересной и очаровательной.

Так незаметно пролетели два часа. Все подарки мы раздали, и я предложил Снегурочке отужинать в ближайшем кафе и, может быть, там встретить Новый год, тем более что домой к полуночи мы наверняка не попадали.

К тому времени я знал о ней почти всё: что зовут её Настей, что ей двадцать четыре и дома ждут родители, что работает она менеджером в одной из крупных фирм города, но продолжает учиться, чтобы сделать карьеру, и, самое главное, что у неё на сегодняшний день нет парня.

– Это же замечательно! – почти вскрикнул я, заставив её звонко рассмеяться. В моей груди закипало новое долгожданное чувство. – Мне хорошо с вами, Настя, – искренне сказал я, накрыв ладонью её тёплую руку.

– И мне хорошо с вами, – смущённо сказала она и не убрала свою руку.

Я запарил в облаках, мне вдруг захотелось закричать, как Кинг-Конг, от счастья, вырваться в космос, рассыпаться на мириады молекул и почувствовать себя частью Вселенной. Захотелось вдруг поделиться со всеми окружающими безмерной радостью, сказать всем, что наконец-то я нашёл свою любовь. Что стоит только сильно захотеть, только сильно пожелать, и твои желания обязательно сбудутся! И не только под Новый год. И словно услышав меня, кивнул мне согласно в ответ мужчина, сидящий за третьим столиком, позади Насти. Я посмотрел в его улыбающиеся глаза и понял, что это тот самый Дед Мороз, который оставил мне полный мешок с подарками. Я поприветствовал его наполненным шампанским бокалом, и он в ответ поднял свой.

– С Новым годом! – сказал я ему и Насте.

– С Новым годом! – утонул её ответ в звоне курантов и гаме голосащих посетителей.

Андрей ХАМХИДЬКО

УГРА

Жмутся кони к воде.
Платить выход Орде
Или вызвать на бой?

С ними степь, с нами Русь.
Коли я не вернусь,
Боже, дай мне покой –

Суету городов,
Безмятежность полей –
Или просто налей

Ключевой до краёв,
Птичий гомон в ладонь.
Я такой молодой.

На краю мы стоим –
Там, где света и тьмы игра.
Мутны воды, Угра,
Твои.

За нас каждаямышь.
Я стою, ты стоишь,
Зверь-куница

Затаился и ждёт –
Знает всё наперёд.
Ждёт столица

Весть благую от нас –
Передаст по ветрам
В каждый дом, в каждый храм.

А покуда приказ –
За державу горой
Мы стоим над Угрой.

На краю мы стоим –
Там, где света и тьмы игра.
Мутны воды, Угра,
Твои.

За нас каждаямышь.
Я стою, ты стоишь,
Зверь-куница

Затаился и ждёт –
Знает всё наперёд.
Ждёт столица.

РЕКА ПОТУДАНЬ

Гулко катятся рассыпанные карандаши,
В летнем доме моей души –
Ни звука.

Кто уходит, просто становится невидим,
Рядом ходим, с одной тарелки едим –
Такая штука.

Ниже, ниже, ещё и ещё – смотри сквозь лёд:
Рыбы ходят назад-вперёд,
Сюда-отсюда.

Ночь и день их тел смыкаются жернова,
Судеб наших мельница – такова
Река Потудань.

Всё уходит, и эта тоска уйдёт.
В летнем доме моей души
Не тает лёд.

Всюду тина, предчувствие странных дней.
Все слова о войне,
Все боятся молчать о ней.

Всюду ворох газет, до Воронежа час пути.
В летнем доме моей души
Хоть земным шаром покати.

Целый день в эфире радио белый шум.
Чистый лист беру – пишу, рву
И вновь пишу.

Скоро будет солнечно – на столе
Звенит посуда.
Лёд трещит, и вот-вот тронется
Река Потудань.

Жанна ТАШМА

ДЛЯ ЧЕГО ЖИВУ НА СВЕТЕ

Для чего живу на свете?
Я могу себе ответить:
Людам радость приносить
И самой счастливой быть.

Для чего живу на свете?
Я могу себе ответить:
Чтоб друзей своих любить
И полезной людям быть.

Для чего живу на свете?
Я могу себе ответить:
Быть любимой и любить,
Жизнь за всё благодарить.

Для чего живу на свете?
Я могу себе ответить:
Чтоб творить и созидать,
Книжек много прочитать.

Для чего живу на свете?
Я могу себе ответить:
Чтобы мир наш познавать,
Видеть, слышать, понимать.

Для чего живу на свете?
Я могу себе ответить:
Чтоб природой любоваться,
Просто жизнью наслаждаться!

ШКОЛЬНАЯ СТРАНА

Светлая, добрая школьная страна!
С детством и юностью связана она.
Сколько читали мы, сколько узнали мы,
Как же мечтали мы, помнит она!

Самое главное – в сердце сохранить
Всё, что нам дорого, верить и любить.
В жизнь нашу новую и незнакомую
Смело и радостно будем входить!

ЛУННАЯ СКАЗКА

Луна, словно мама, мудра и нежна,
И дочь свою Ночь очень любит она,
И, счастья желая на долгом пути,
Советует ей вместе с Солнцем идти.

И каждое утро, разумная дочь,
Встречается с Солнцем прекрасная Ночь,
Ему отдавая тепло и любовь,
Вселяя надежду увидеться вновь.

У Солнца и Ночи рождается День,
Дарящий нам свет и прохладную тень,
И жизнь этим солнечным светом полна,
И ласково День провожает Луна.

Навстречу Луне уже Вечер идёт,
Её он с любовью и трепетом ждёт,
Так было, так есть и всегда будет вновь –
И Солнце, и Ночь, и Луна, и любовь!

УТРЕННЯЯ ЗВЕЗДА

Когда я просыпаюсь
И глазки открываю,
Всегда смотрю на небо
И вижу там Звезду.

Моя Звезда сияет
Одна на синем небе,
Я говорю ей: «Здравствуй!
Вот я к тебе иду!»

Возьми меня с собою,
Чтоб вместе любоваться
Твоим огромным небом,
Моей большой Землёй,

Ведь в мире так красиво!
Но чтобы стать счастливой,
Тебе на небе синем
Не надо быть одной.

ВМЕСТЕ МЫ ПОЙДЁМ ЗА СИНЕЙ ПТИЦЕЙ

Мы с тобою встретили друг друга!
Что для нас теперь любая вьюга!
Я смотрю в смущённые глаза твои...
Вижу в них восторг, тепло и нежность,
Детскую улыбку, и надежду,
И чудесное предчувствие любви!

Радостью хочу с тобой делиться!
Вместе мы пойдём за Синей птицей!
Птицу счастья вместе мы с тобой найдём!
Будет жизнь – крылатая дорога!
Солнечных рассветов встретим много!
И огромный мир увидим мы вдвоём!

СЕЛИ МЫ В ЛОДКУ...

«Я тебе – петельку, ты мне – крючок» –
С этим девизом актёры живут!
Он помогает расслышать друг друга!
Так нам актёры пример подают!

И, как на сцене, ты мне подыграешь
И незаметно любя подмигнёшь,
Руку протянешь и вдруг улыбнёшься,
Ты меня с первого слова поймёшь!

«Ты мне – иголка, а я тебе – нитка» –
Так мы решили по жизни идти!
Сели мы в лодку, взяли мы вёсла –
Вместе мы будем дружно грести!

ВОТ И ПОМИРИЛИСЬ

Я тебе и пёсик,
Я тебе и киска,
Преданными глазками
На тебя гляжу.
Или очень тихо
Отхожу в сторонку,
Если от обиды
Слов не нахожу.

Я не выясняю
Наших отношений.
Если всё не гладко,
Что ж тут выяснять...
Я переживаю,
И ищу причину,
И всегда стараюсь
Я тебя понять.

Но проходит время,
Ты ко мне подходишь
Тихо, дружелюбно:
«Здравствуй!» – говоришь.
Улыбнись тебе я –
Вот и помирились!
Знаешь, очень больно,
Если ты молчишь...

И тогда с тобою
Киска поиграет
И к твоим ладошкам
Ласково прильнёт.
Загрустивший пёсик
Радостно залает,
И гулять с тобою
Вместе он пойдёт!

СМЕШНАЯ ПЕСЕНКА

Мы смешные поросята, хрю-хрю,
Мы весёлые котята, мяу-мяу,
Очень дружно мы живём, хрю-хрю,
Вместе песенки поём, мяу-мяу.

Мы играем и резвимся, хрю-хрю,
Ночью вместе спать ложимся, мяу-мяу,
Утром рано мы встаём, хрю-хрю,
Умываться мы идём, мяу-мяу.

Умываем пяточочки, хрю-хрю,
Моем лапки, моем щёчки, мяу-мяу,
Полотенца нет у нас, хрю-хрю,
Облизнёмся лишний раз, мяу-мяу.

В семь часов у нас зарядка, хрю-хрю,
Мы шагаем по порядку, мяу-мяу,

Тренирует нас Барбос, гав-гав,
Он высоко держит нос, гав-гав.

Наш Барбос нам помогает, гав-гав,
С нами вместе он играет, гав-гав,
Вместе песенки поёт, гав-гав,
И скучать нам не даёт, гав-гав.

Он нас вкусным угощает, гав-гав,
На ночь сказки нам читает, гав-гав,
Очень любит нас Барбос, гав-гав,
Наш весёлый добрый пёс, гав-гав.

Мы смешные поросята, хрю-хрю,
Мы весёлые котята, мяу-мяу,
Приходите в гости к нам, хрю-хрю,
Очень рады мы друзьям, мяу-мяу!

ПОЛОЖИ ГОЛОВКУ, МАЛЕНЬКАЯ ЗАЙКА

Положи головку, маленькая зайка,
Положи головку, милая моя.
Ты моя Катюша, ты моя родная,
Ты моя дочурка маленькая.

Светлая головка, голубые глазки,
И реснички-стрелки очень хороши,
Маленькие ручки, маленькие ножки,
Это моя Катя, это мой малыш.

Быстро, незаметно пронесутся годы,
Скоро станет взрослой Катенька моя.
Я пока не знаю, на кого похожа
Будет моя Катя маленькая.

Это и неважно, в ней соединятся
Бабушек и дедушек милые черты.
Их улыбки, взгляды в Кате повторятся,
Сбудутся когда-нибудь все её мечты.

Положи головку, маленькая зайка,
Положи головку, милая моя.
Ты моя Катюша, ты моя родная,
Ты моя дочурка маленькая.

ПЕРВЫЕ БОТИНКИ

Красные новые ботинки...
Они умеют весело шагать,
Они умеют бегать по дорожкам,
Они умеют прыгать и скакать.

Глядит с восторгом на ботинки Катя
Нетерпеливо, словно говоря:
«А ну-ка, ножки, быстро обувайтесь,
Скорее, мама, выпусти меня!»

КОЛЫБЕЛЬНАЯ КОТЁНКУ

Сладко спит в кроватке киска, баю-бай, баю-бай,
Молоко ей снится в миске, баю-бай, баю-бай.
Рядом с киской спит котёнок, баю-бай, баю-бай,
Кискин рыженький ребёнок, баю-бай, баю-бай.

Я котёнка укрываю, баю-бай, баю-бай,
И тихонько напеваю, баю-бай, баю-бай.
Я ложусь в свою кроватку, баю-бай, баю-бай,
Спи, котёнок, сладко-сладко, баю-бай, баю-бай.

ЛЮБОЗНАТЕЛЬНЫЙ АНДРЮШКА

Любознательный Андрюшка
Разобрать решил игрушку –
Говорящую кукушку,
Что считала всем года.

Разобрал её на части,
Испытал большое счастье,
А собрать не получилось,
Помощь папы пригодилась.

И кукушка благодарно
Стала вновь считать года.

КАНИКУЛЫ

Анатолий АРЕСТОВ

Ветер ворвался в открытое настежь окно, перелистнул несколько страниц учебника по литературе, лежащего на письменном столе, прихватил из вазы запах цветов сирени и разнёс по комнате. Майское утро щедро угощало подарками! Тёплое солнце заглянуло в уголок окна, бросило лучи на полированную поверхность полки и зайчиком запрыгало по белой подушке. У Жени начинался самый любимый день в учебном году – день получения новых книг в школе! Завтра будет день ещё лучше, ведь он поедет отдыхать в деревню, но сегодня предстояло завершить школьные дела и с чистой совестью отдыхать!

В библиотеке не было учеников, Женя оказался единственным, кто пришёл в столь ранний час. Школьный библиотекарь тётя Вера

улыбнулась вошедшему и поздравила с наступающими каникулами, а так как Евгений был ответственным человеком, относившимся к книгам бережно, то его ожидал подарок – новые учебники, полученные на днях из типографии! Конечно, не все. Половина. Женя, не скрывая, радовался! Он был счастлив! Аккуратно сложив несметное богатство – источник знаний – в рюкзак, он не спеша пошёл домой.

Весна. На школьной клумбе расцвели три тюльпана: два красных и жёлтый. Яблоня в дендрарии призывала полюбоваться её белыми с лёгкой ноткой розового лепестками, напоминающими молоко с земляникой, которую Женя так любил. Сиреневые кусты возле железного забора опустили ветви под тяжестью густых соцветий с сочными цветками. Мальчик подошёл к кусту в поисках трилистника. Нашёл несколько. Достал заранее подготовленный

пустой спичечный коробок и принялся собирать бронзовок – зелёных переливающихся жуков, которые бесцеремонно лазили по сирени. Поймав семерых жесткокрылых, Женя сорвал несколько одуванчиков, чтобы поставить в вазу на письменном столе. На этом интересные события закончились. Взвалив тяжёлый рюкзак на плечи, он отправился домой. Прямым путём по ровненькому асфальту, уложенному в том году, пройти не получилось, пришлось перелезть через невысокий деревянный забор детского сада, чтобы подтянуться на любимом турнике! Пять подтягиваний прямым хватом немного взбодрили, мальчик спрыгнул на землю, размял руки, приготовившись ко второму подходу, но почувствовал шевеление в нагрудном кармане рубашки. Бронзовки не хотели сидеть в замкнутом пространстве спичечного коробка и всеми силами насекомого пытались покинуть неуютное пристанище! Запихнув жука, вцепившегося шипастыми лапками, обратно, Женя потряс коробок с целью усмирить буйных животных – конечно, из этого ничего не вышло, но воспитательные мероприятия были проведены!

На столе в три ряда были разложены учебники, стопка новеньких обложек, стояла ваза с сиренью и жёлтыми одуванчиками, аккуратно расставленными по её краю, коробка с жуками лежала на краю стола. Женя рассматривал самые интересные книги – учебники с картинками. Обычно это были история, география, биология и литература. Остальные не вызывали азарта. Стойкий аромат цветов из вазы, тёплый ветерок и захватывающие новые картинки из книг поглотили внимание ученика. Жуки воспользовались невнимательностью рабовладельца и по одному выбрались из бумажной тюрьмы. Вообще бронзовки – медлительные насекомые, но трём особям удалось покинуть ровную взлётную площадку стола! В общем, жуки разлетелись по двухкомнатной квартире, лишь один остался сидеть на столешнице. Закончив с книгами, мальчик спохватился, вспомнив о питомцах, но было поздно. Поиски не дали результата. Понимание того, что их найдёт мама, пугало. Никакие

идеи не приходили на ум, пришлось закончить с учебниками и пойти на улицу, тем более это было разрешено...

Как ни странно, два жука сидели на кухонном шкафу, отчего у мамы произошёл лёгкий нервный срыв. Она поняла сразу, откуда в их начищенном доме появилась столь мерзкая живность. Наказывать Женю она не стала, но предупредила, что дом – это не зоопарк или питомник. Ей хватило шумного воробья, подобранного сыном зимой, отогревшегося в коробке под кроватью среди ночи, ей хватило грязного и мокрого голубя, летающего по квартире и разбрызгивающего с кончиков крыльев уличную грязь. Терпению есть предел! Мама успокоилась, ведь завтра сын поедет в деревню и там будет находиться под неусыпным контролем деда. Пусть там изучает растительный и животный мир!

Учебники заняли место предыдущих. Одинокый жук смиренно сидел в коробке, изредка царапая щетинистыми лапками место заключения. Ученик рисовал на тетрадном листе карту мест будущих приключений. Каникулы начались!

РОЖДЕНИЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

Анатолий сидел в удобном кресле за письменным столом, вернее, за полкой со столешницей, на которой стоял ноутбук. Полка имела несколько отсеков, забитых под завязку книгами, если находилось свободное место, на него непременно водворялась какая-нибудь статуэтка. В общей сложности за время осуществления мечты иметь большую домашнюю библиотеку, а именно за тринадцать лет, набралось сто пятьдесят книг и несколько десятков статуэток. Всё покупалось с аванса и зарплаты малыми частями, мать также помогала сыну и с каждой пенсии подкидывала денег на любимое увлечение, ведь её сын писал стихи. Кому-то интересны автомобили или брендовая одежда, а кому-то книги. Развлечения у всех разные...

Литературные журналы с опубликованными поэтическими и прозаическими подборка-

ми Анатолия занимали своё место, место особое и довольно почётное. Они не красовались рядом с увесистыми томиками классиков, а вольготно расположились красочной братией в горизонтальном углублении, выставив не менее броские названия: «Нижний Новгород», «Невский проспект», «Русская мысль», «Юность», «Александръ»...

Мрачная погода наводила на мысли. Мысли пока не оформились, слова не сгруппировались в предложения, но внутреннее хотение написать что-то дельное незаметно обрело формы зарождающегося чувства. «О чём написать?» – подумал Анатолий, отодвинул лёгкий прозрачный тюль и посмотрел в окно на одиноко стоящую берёзу. Дерево клонилось от ветра, с серых ветвей срывались капли и бесшумно падали на стекло окна. Собака склонила голову и отбежала в сторону от ехавшего автомобиля. «Да-а-а. Пейзаж, конечно, удручающий. С таким видом вообще ничего не напишешь!» – пронеслась мысль и словно задела другую, находящуюся в потайном месте сознания. Анатолий вдруг вспомнил бескрайний простор серой степи, безмятежность весенних трав и жаворонка, сидящего под морозящим дождём в невозможности подняться в небо и огласить мир своим пением. Вернее, не вспомнил, это было всплеском озарения. Можно сказать, причудилось! Повернулся к книжной полке, и его взгляд упал на плексигласовый бюст Льва Николаевича Толстого, купленный с первого гонорара от одного регионального литературного журнала за публикацию семи стихотворений, тут же в поле зрения попала блестящая золотом надпись на книге «Путешествие из Петербурга в Москву». «Напишу-ка что-нибудь о российском поле и крестьянской доле. О нашем просторе, питающем человека труда мудростью и жаждой к воле», – сидя в кресле с ручкой и листком бумаги, размышлял Анатолий. Открытый на ноутбуке Microsoft Word скрылся во тьме экрана, ушедшего от бездействия в режим ожидания. «Так лучше. Не отвлекает», – подумал поэт и прочертил авторучкой две линии на листке, похожие на ровные борозды от крестьянской сохи...

Вспомнил умершего деда Николая, отработавшего почти всю жизнь на тракторе, но почему-то решил заменить имя Николай на более короткое Витя. Так родилась первая строфа:

*Дядя Витя стихишки не читает,
Дядя Витя на тракторе прёт,
И от пыли всё время чихает,
И вспотевишу голову трёт...*

Конечно, глагольная рифма не очень хороша, но рифма точная, и менять её смысла нет. Дальше было проще писать. Чем же заниматься дяде Вите? Сейчас весна – пора культивировать почву под посев. Вторая строфа не заставила себя долго ждать:

*Культиватор прицепит на поле,
Гидравлический шланг привернёт:
– Не пойму, нет давления, что ли?
Иль давление шланги мне врёт?*

Вот закончить хотелось бы философично или по крайней мере мудро – по-житейски мудро. Придётся вернуться к началу стихотворения. Почему дядя Витя не читает стихи? Он работает, зарабатывает на хлеб насущный, да и не привык он увлекаться поэзией! Так... Значит, проза жизни ему ближе? Точно!

*В поле жизни написана проза,
В борозде воскрешеньем ростков,
Где дурманы упавшие росы –
Дяде Вите не нужно стихов.*

Анатолий перечитал несколько раз сочинённый шедевр. Исправил одну весьма досадную орфографическую ошибку и, пошевелив мышкой, вывел ноутбук из состояния ожидания. На виртуальном белом листе заокееанского Microsoft Word зачернело название «Проза поля»...

ДОЖДЬ В ЛЕСУ

Тысяча белоствольных жертв роптала! Зелёные кроны берёз взывали к вечности, пуская листья на тонких черешках в непрерывное движение, в ритуальный танец, призывающий небесных покровителей одарить милостивым дождём. Они поворачивались в разные стороны, опьянённые порывами свежего и насыщенного влагой ветра, словно смотрели, не появилась ли над ними дождевая туча! По чистому небу проплыли два или три вспененных облака, настолько тонких и хилых, что через них можно было увидеть незабываемую синеву. Гроза ещё не началась, но предвкушение состоялось! За два летних месяца берёзы были обмануты не раз, их ожидание ливня с раскатистым громом не оправдалось. В безветренную погоду, под ошпаривающими лучами солнца, листья поникли, они растеряли запас воды, выдохнув его с кислородом, что было опрометчивым решением для некоторых, не выдержавших светового напора.

На лесной подстилке лежали засохшие и скрюченные трупики листьев, облюбленные вездесущими муравьями, – покрывало смерти, приствольный погост из отработавших на общее благо, ныне поверженных и забытых. Тёмная поверхность подстилки, так и не получившая небесной влаги, казалась безжизненной, не считая снующих муравьёв, занятых повседневной рутинной, нескольких ошестинившихся клочков осоки и приземистого лопуха, растущего вопреки всему! Недостаток воды и солнечного света, казалось, никак не отразился на его жизнедеятельности, но всё-таки различие было ощутимым: светло-зелёные тонкие листья, белёсый стебель и мелкие цветки отличали его от собрата – свободного и вызывающе высокого жителя степи. Пространство вокруг

лопуха, усеянное мелкими крошками не перегнивших семян берёз, белыми лоскутами бересты и тонкими коричневыми ветками, обломанными из-за слишком близкого соседства растущих рядом деревьев, напоминало поле боя. Боя между невидимыми силами нападающей стихии и обороняющимися живыми растительными организмами.

Лес замолчал. Чистая тишина окутала всё: и живое, и мёртвое. Ожидание оказалось ненапряжным. Без подготовки с единичными каплями, без хрустнувшего вдалеке грома, без померкнувшего до ночной темноты света – грянул дождь! Он бил косо, под острым углом по отношению к лесу, словно туча не могла в силу каких-то обстоятельств приблизиться. Струи дождя, как струны, растянулись и вибрировали, порождая великолепную музыку. Дождь пробирался в самую глубину леса. Сверху, в кронах, слышались громкие хлопки крупных капель об успокоившиеся листья, небесный напиток продолжал свой путь, стекая по стволу вниз, к мрачному, веками копившемуся опадку, разливаясь между выпирающих из земли корней быстро впитывающейся лужей. Муравьи разбежались, прячась в сплетения из веточек и листья, напоминающие башни, пещеры, гроты и ходы, куда не смогут проникнуть смертельные водопады.

Как только выглянуло солнце, дождь ослабил напор, продолжая свою утихающую музыку. Неподкупную музыку жизни! Блестящие листья скидывали последние капли прекратившегося дождя, будто в лето ворвалась весенняя капля. Теперь освежённый березняк благоухал терпким, свойственным только ему ароматом, от земли исходило тёплое дыхание и тихое потрескивание уходящей в глубь почвы влаги. Опустошённые тучи медленно проплывали над лесом, проверяя проделанную работу.

КОСТЁР – ЛИРОВА КОРОНА

Алексей ФУНТ

Алексей Валерьевич Фунт родился в 1991 году, живёт в селе Шляхово Корочанского района Белгородской области.

Горсть земли под костром спеклась – и корона, власть, трон такие же, как эта горсть земли спёкшаяся. Возьми и размочи в воде – растворится и останется в иле. Или возьми в ладонь, раскроши и навстречу ветру подставь – сдует и развеет по ветру всю эту пыль. Костёр горел – Лирова корона он. Такая же, как потерянная и мимолётная власть, Лиром упущенная. Доверившийся дочерям, отказался он от короны и потерял всё, а затем и сам отошёл.

Призрачный металл наполняет короны своей коварной изменчивостью. Было всё, и в одно мгновение ветер развеет всё. И все короны этим комьям земли подобны, если черны не внешне – так изнутри. И пыль вылетает из рук, подобранная ветром. Лишь смирение стали подобно – не рассыплется, как эта горсть земли.

Сиж у этого костра и вместе с миром погружён в ненастье, осенняя природа темна. Вдали от городов. За спиной тут никто не идёт по пятам. Не слышно погони и преследующей душу неизвестности.

Руки замазал сажей с обгоревших палок. Над головой старая верба скрипит. Темнеет, сумерки поглотили грунтовые дороги в поле, выше склонов балки. Рядом катит свои воды река.

Плачет где-то нахохленная сова. В тягучем вечернем воздухе с полями и лесами сливается

стон птиц, и чует сердце в этом крае присутствие тернового венца.

Где-то рыщет птица в поисках озёрной мошкеры. А малинник заглох. Покинутый стоит, ползёт дождевая слеза по красным крапинкам. Пройду сквозь него, собрав капли дождя, замочу плащ. Оборвёт скоро ветер все листья.

Боярка пропащая, в сумерках грунтовой глухой дороги осталась случайных прохожих встречать. Но здесь глухо. Лишь лось перебежит через поле. Стог обнюхает. Стоит он там, на высокой меже, на хребте вблизи Млечного Пути. Пахучее сено и осенняя прель под ним. Пахучая печаль в них.

Большая Медведица учует этот запах, над моей головой она. Но ненастье гонит тучи. Потеряется она, собьётся с пути этой ночью.

Лось почует человека и не выйдет из зарослей, зрачком вопьётся в мироздание, к лапам Большой Медведицы мольбы пошлёт. Храм мироздания во всём здесь, незримая епитрахиль на стога брызгает изморосью. Радуют сердце эти стога. Не исхожены эти места. А огней города не видать здесь. Суета сует в огнях города, она где-то там, за холмами. А здесь скоро дохнёт брагой увядания осенний куст, будто сзывая к длинному столу из серого дуба, лишь материально истлевшего, ибо из былинных времён пиры князя справляли за ним. Но незримо он цел. Всех пропащих сзывает.

Пропащие души свои сзывает Приснодева Русь, в осенней гуще тающая в углубающем крике диких гусей.

Примет финальной осенней стези за стогом грядёт рой, синих ветров и стонов конского щавеля в полях на ветру. Может, он своим ржавым ухом слышит ржанье половецких коней?..

Тянусь к костру. Он стал ярче в сгустившейся темноте. Река безмолвна. Когда-то летом в юные годы я с другом шёл пешком вдоль берегов речки Разумной. Мы имели цель: пройти от истоков до места её впадения в Северский Донец.

Стояла жара. Струился от жары воздух. Пыль под ногами на просёлочной дороге, по которой мы начали свой путь, как лунный грунт. Помню, обуты мы в какие-то лёгкие шлёпанцы. Горячую пыль чувствовали пальцами ног.

На просёлочную дорогу мы вышли после того, как поговорили с одним из наших односельчан, пожилым мужчиной, которого теперь уже давно нет на белом свете. Он рассказал про то, какая сейчас в реке крупная рыба попадает в сети.

Мы вышли наконец-то на просёлочную дорогу. Село было позади. Цивилизация также осталась позади – почти, пока ещё видна окраина села с её ясенями.

С двух сторон грунтовок – поля. Слева рос ячмень. А справа – кукуруза. Через полкилометра слева начиналась лесистая балка. Её название связано с быком. Может, в глубине того рва когда-то прозвучал рёв последнего первобытного быка – тура, загнанного туда и пронзённого копьями во времена Всеслава. А может, рёв совсем другого быка звучал там. Но бычий рёв и ныне ощущается, он над сёдлами склонов, в верблюжьих горбах, на дне, в водах ручья.

Балка скрыта от глаз огромными тополями и акациями. Мы шли мимо, дорога спускалась вниз, в долину реки.

Слева и справа появились небольшие дачные домики из белого кирпича. Дачный массив безлюден. Бросались в глаза кусты шиповника и облепихи. А небо однородного голубого цвета, ни одного облачка. Какая-то белая жара, яркий свет этой жары и небо глубокое, безмятежное. Казалось, что вечность застыла, ветер куда-то пропал, везде царил покой.

Окна некоторых домов прикрыты изнутри занавесками цвета бирюзового моря. У пруда, к

которому мы вышли, такой же цвет. Стояла тишь в камышах. На воде никакой ряби. Мы подошли к пруду. С собой несли удочки, но рыбу ловить не стали. Я зашёл в воду по пояс. Вода почти как кипятки, и какая-то дрема в рогозе, а вечность парила в воздухе и проходила сквозь камыш.

Затем мы пошли вдоль пруда. Внезапно дорогу переполз длинный уж. Он спешил к воде.

Уж был единственной змеей, которую мы встретили на своём пути. На плотину не стали сворачивать, пруд там заканчивался, и начиналась река, река в своём исконном русле. На илистом дне огромные залежи ракушек, беззубок. А посередине реки, прямо под старой ракушкой, омут. Яма та очень глубокая, даже длинным шестом не получится достать до её дна.

В таком месте мог обитать когда-нибудь и большой сом, чёртов конь, речной чёртов конь, каким он казался в воображении крестьян далёких эпох.

Вместо того чтобы идти по плотине, мы пошли по грунтовой дороге, по которой редко кто проезжал. Эта дорога шла вдоль поймы справа. Мы добрались до огромной ракушки, которой лет двести. Рядом с ней я когда-то находил медную монетку времён Николая Первого.

За этой ракушкой дорога и река немного поворачивали, и начиналась глухая местность, сзади уже не было видно дачных домиков, а спереди везде степное разнотравье, слева пойменная растительность: лозняк, ракушки, осока, камыш. Через те заросли тяжело пробиться к реке. Заросли густые, чащоба и ещё жижка под ногами. А после той ракушки пойменный лес представлял собой болото, заросшее и непролазное.

А высокие обрывы справа могли когда-то в древности быть обжитыми. И время стёрло следы древних землянок северян, покрыв их дёрном. А сейчас среди зелени костры иван-чая горят пурпурными огнями. Лёгкий ветерок колышет кустики иван-чая. Мы проходим мимо этих обрывов. Так никто и не узнает, и не посмотрит, кто и когда на них жил. Какими были те древние народы? Может быть, где-то в реке утонула корона древнего пенёковского вождя. А может, где-то на этих буграх и обрывах плясали половцы у костра, бросая в поля тени и блики оранжевого

огненного золота. Костра и золы той нет, съело время, всесильное и бегущее. А где-то на Лысой горе, ниже по течению, где терновые заросли, половецкой мадонны личико любовалось этими просторами. Её душа в этих обрывах.

Но дорогу к той Лысой горе я подзабыл. Половецкие пляски и грусть половецкой княжны будут в ветрах бросаться из иван-чая в лицо во время безжалостных осенних ветродуев и песчаной пылью на дорогах напоминать о том, что когда-то до нас кто-то жил.

Мы дошли до моста. Он притаился в седловине, с двух сторон дорога падала к нему, а под ним воды реки лениво текли в другой пруд, названный в честь Калинина. Нас одолевала жажда. Решили, что нужно идти к роднику.

По мосту перешли на левый берег. Дорога казалась пустынной, ни одной машины. Жара и блеск листьев ив и раkit, они застыли, ветер не колыхал и травы.

На берегу стоял автобус, ржавый и без колёс. Его корпус как решето из-за пулевых отверстий. Это упражнялись охотники во время своей ходьбы по буреломам за дичью. Дырявый старый автобус придавал тому берегу печальный вид.

До родника шли по левому берегу в обратную сторону.

Родник внешне не выдавал себя, нужно знать конкретное или примерное его местонахождение. «Вот он», – сказал я, спускаясь вниз к берегу реки.

У моего друга иногда случались эпилептические припадки. Он переживал из-за своей болезни. Стремился поглядеть на места, где живёт, стремился увидеть как можно больше. Эпилептический припадок мог случиться в любой момент, но в том походе они не дали о себе знать.

Вода пробивалась сквозь меловые толщи. Меловые породы напоминали о чём-то былом и древнем. Жара, и пыль, и этот мел на берегу, и камыш – в этом какая-то вечная история, но забытая. Где-то мимо устья этой реки проходил полк князя Игоря Новгород-Северского, который впоследствии попал в половецкий плен и бежал. Бежал он по этим степным травам и мог пить именно из этого родника.

Напротив родника было видно реку. Её зелёная гладь замерла под слоями горячего воздуха. Ряска ковром покрывала реку.

На берегу Калининского пруда мы нашли лодку. Но в будке сидел сторож. Друг хотел спустить лодку на воду и продолжить путь по воде. «Сторож проснулся, смотри», – сказал я. «Да он в дрова, видишь, рухнул, что на него смотреть?.. Он дрыхнет дальше», – ответил мой друг.

Сторож и в самом деле сел на лавку в своей будке и, казалось, спал снова. Лодка уже почти на воде. Но друг уже передумал плыть на ней.

Поход наш закончился в конце пруда. До цели мы так и не добрались. Имели намерения продолжить начатое, но свободного времени не появлялось, рутина затянула. А через два года мой друг погиб в аварии. Летом, в такую же жару, примерно в те же числа.

Он жаждал жить, видеть как можно больше. Я жалел, что тогда не помог ему затащить лодку в воду. А надо было – доплыть на ней до центра пруда и прыгнуть в прохладную воду. Окунуться, нырнуть и вынырнуть.

Ночь вокруг, а передо мной горит костёр – Лирова корона. Вдали от города, в глухих местах остановился у этого костра.

БОЛЬШАЯ МЕДВЕДИЦА

РАССКАЗ

Под ногами понтонный мост, темно, стараюсь не споткнуться, не упасть бы в воду. Дон огромен, кажется, что он километровой ширины. Ранняя весна прибавила ему сил. Давно не был в этих краях. Ростов южный впереди, а позади, где-то в меловых холмах, Белгородчина, а ещё дальше – Залесская Русь с Ростовом древним, где мощи святых за смолой древних сосен. Но дыхание столицы чую за спиной и тут. Я иду по старому наплавному мосту.

Это было до того, как в старинной казачьей станице Казанской построили капитальный железобетонный мост. Тут начинается Ростовский край. А Дон созвучен огромному: Кармадон, Асархаддон, исседоны, мегалодон – карма

судеб, перекрёсток древних путей, иранскими шлемами скифы черпали воду из него.

Иду, а сбоку едет машина. Почему-то пришлось пройти пешком, или захотелось так. «Ока» моего дяди едет через Дон. Ночь темна. Подвижен понтон. Ширь Дона плещется. Но не боюсь упасть в воду. Над головой где-то Большая Медведица, подхватит своими лапами. Лишь спичечный коробок у неё выпадет, в речной воде размокнет, отсыреют спичечные головки. Но она не обратит на этот пустык никакого внимания. А впереди будто вечная жизнь. Щемит душу сладкая боль ностальгии.

В этом краю могила моего деда. Часть детства провёл я там. А дед умер в самом конце 90-х.

Помню его спину. Мы в лодке. Он с ружьём – и лишь спину запомнил. Серая стёганая фуфайка на нём. Вокруг зелёная болотная вода, камыш и ряска. Тальник у берегов. Проплываем в какое-то окружённое лесом болотное блюдце. А сверху внезапно появляется огромная птица. И мысль у меня, что был это кондор. Он летит на меня. Вот-вот нападёт. А я цепляюсь за деда. Дед не обращает внимания. Потом он обернётся, проверит, смирно ли сижу. Это было как во сне. Что за птица то была? Я почему-то верил, что это кондор, огромный. И исчез он так же, как и появился, неизвестно куда.

По берегу крадётся болотная черепаха, переступает сухие ветки. Слышно лягушек. Болотный бык гудит заунывно. А в воде притаились рыбёшки, серебряные караси.

Пробыли там недолго. Прошлое, как коростель, скреблось внутри. Собирались в обратный путь. Зарядил дождь, мелкая дробь из свинцового века туч. Серые струи из неба. Свинцовые струи льются, отливают Русь, печаль паром из изложницы... Писк птицы, заблудилась между стенами дождя. Ненастья поверья – ветром в пыль дорожную из капель, дробь и муки водяной – бросают сердце неверящее в пути, в лишние думы о будущем. Стынет от этого оно.

Что за птаха пищала? Заблудилась, врасплох непогода застала.

Серые сумерки, и мы уже где-то в воронежских краях. Я увидел, как вдаль бежит волк. Серый почти растворился в темноте степи.

Вспомнил про поверье из белорусского Полесья, родины моего деда. Старинные суеверия говорят, что при встрече с волком можно назвать имя умершего и узнать что-нибудь от него, какую-нибудь весточку от почившего или совет. Волк растворился среди тёмных лесистых холмов. А где-то далеко мелькает огонёк во тьме. Вокруг темно и безлюдно. А там огонёк, и напоминает он о домашнем тепле и о страннике, идущем куда-то ночью. Где-то там, в меловых горах, в тёмной келье Сицилийская икона Божией Матери, освещённая горящими свечами.

Где-то над оврагами стояли курганы. Вожди древние спят в них. Древние души и боль пропащих душ под насыпями. Кто в них? Кем они были? Вечный сон погрузил их в туман небытия. А под курганом из пустой глазницы конского черепа растёт сурепка. Желна летела над ними, унесла их желчь. Желна вечного сна. Спят они, и серая степь вокруг. Слышат, как ржёт конь. Бессильной оказалась их плоть против пространства.

Лето оказалось дождливым. Подбирались к полям приметы скорой осени. Лил дождь. Тёмный вечер, кричит дергач, покрикивает. Будто дёргает рожнецом из скирды сено, Богородице, ходившей по Руси, стелет постель. А за огородом возле мокрой копны калина мокнет, её красные плоды как кровь из ран Иисуса. Заросли крапивы спрятали перепёлку.

Эти дни ведут к осени. Уже на «четырке» едем туда, где был когда-то хутор. Там когда-то жили. Но перед глазами лес без признаков человеческой деятельности. Пробираемся сквозь густые заросли. Наконец-то нашли след человека. Этот след – лишь ржавый серп, почти развалившийся, и черепки от горшков. Это следы от былой жизни. Там когда-то был сад, были дома и амбары. А видим лишь одичавшие яблони.

Журчит ручей. Широкий и холодный. Приближается осень. Подходим к ручью, а жижа начинает затягивать стопы, берега как топкое болото. И решаем не перебираться на другую сторону. Немного порылись в нём.

Один из нас перебивает трухляшку каблук ботинка. Больше не съёмся в месиво болотистого берега. Это место заглохло, заросло. Стало глухим. Нога человека почти не бывает здесь.

А когда-то там кипела жизнь. Улетела она, как в сумерках козодой. Кто-то уезжал в города, старые доживали свою жизнь. Забыты дороги туда. Потомки не помнят. Не знают. Воды ручья несут корни какого-то растения.

«Это то самое место!» – говорит товарищ, иронизирует. Мы говорили про некое место, где раньше были. Названий всех этих заброшенных хуторов мы не знали. И названия этого хутора не знали. Его фраза касалась всех этих исчезнувших хуторов. Заглохшие места. Те самые места, где когда-то кипела жизнь, где чьи-то судьбы пересекались, те самые места, где отпечатались незримо чей-то уход в небытие, чья-то отправная точка на жизненном пути.

То самое место, где были стойбища древних кочевников и хутора крестьян. И становится это место лесом диким, но хранить он будет тайны чьих-то разговоров под звёздами, под Большой Медведицей. Где-то стояли их стога.

Неизвестная былая жизнь осталась в травах, в ручье, в серпе. Я не стал ни у кого спрашивать, как назывался тот хутор. Может, и название забыто совсем. Папоротник кругом. Вороний глаз выглядывает – в своей грустной лесной ворожке застыл на краю лесной тропинки.

Когда-то там была и дворянская усадьба. От тех ни следа не осталось. Где сгнули? Куда всё сгнуло?

Дорогу не забыть туда и так. Название и не нужно.

Дороги через поля, перескакиваем с одной на другую, пыль летит. Выезжаем наконец-то на асфальт. Столбы с проводами и грусть в хмуrom синем окрасе позади. Пыль добавляет серой грусти.

Ничего не сделать... лишь печаль пить... из кубков древнего вечного круговорота увядания и прихода в мир...

Осенью мы снова ехали через те поля. Дорог прежних не было. Их постоянно перепахивали. Смеркалось, мы остановились возле рва. Всё осеннее... мокрый бурьян... не постель он ныне... Отсырели травы. Чернобыльник тёмн, грустен. Осеннее запустение, осенние дожди и сырость. Всё это лезет в душу... дует колючий ветер. Все надели шапки.

На краю поля грунтовка, эфемерная, в следующем году её, может быть, уже не будет. Запашут, распашут, закультивируют, задискуют дисковой бороной... Свинцовое небо намочило парами печальной природы. Всё попало под каток осени.

За Ольховаткой пруд заглох, утки пугливы. Зелёная тина заволокла всё. Сквозь камыш подглянешь, и утка сразу взлетает. Под серым от времени навесом родник и икона, горит лампада перед ней. Вокруг тускло, и крик улетающих диких гусей... лишь от иконы теплее на душе... Гудит трактор в полях.

Когда совсем стемнело, ехали через поле, но дорога пропала. То поле перепахали и зацепили дорогу. Мы уже заехали на поле и развернуться не могли. Пришлось ехать до конца. Фары потухли. Ехали медленно, и каждый раз «четырка» подпрыгивала. А нас подбрасывало до потолка. Раз ударился головой. Едем и прыгаем, света в салоне нет, фары не горят. Кромешная тьма вокруг. Друг беспокоился за машину: вот-вот развалится. Поездку запомнили на всю жизнь. Поле большое. Подскок, подскок, подскок, подскок – и так прошла бы вечность. Но внезапно машина вынесла нас на твёрдую грунтовку, и мы вздохнули с облегчением. Выбрались из коварной пахоты, из пасти чернозёма. Не рассчитывали, что машина не развалится, но она несла нас дальше.

Вокруг поля, лески и перелески. Где-то далеко мелькнул огонёк. То одинокий костерок на краю огромного поля, у леса. Как одинокая душа, мелькнул во тьме. Всё вокруг чёрное, как древесный уголь.

Осень становилась холоднее. Заболела душа от ухода соков природы в подземные корневища, от мокроты в высокой траве рва, от опушек оскудевших и крика грачей... не быть ли червём, какого склюют на пахоте они... и от этого заболела...

И что осталось от той жизни на исчезнувших хуторах? Хрупкие, едва уловимые следы, покинутые места, порождающие ностальгическую боль. Кондором быть или съеденным грачом... кондором быть... парить в воздухе, выше семи тысяч метров над землёй... Забытые места забыты будут когда-нибудь совсем...

И БЫЛО УТРО, И БЫЛ ВЕЧЕР...

Раиса ГАЙДАРОВА

Раиса Петровна Гайдарова родилась в семье военнослужащего в г. Ташкенте, где окончила школу и литературный факультет педагогического института. На всю жизнь избрала себе путь служения журналистике. Работала корреспондентом в газетах, на радио, на телевидении и в Республике Узбекистан, и в России (в Смоленске).

Автор книг «Судьба скульптора», «Художник – человек мира», «Поёт Ирина Нецина», «Неизбежное прими с достоинством», «Если б не было тебя».

– Ура! Генриэтта загуляла! С женихом умчалась к Чёрному морю!

– «Самое синее в мире Чёрное море моё!» – прорвался сквозь шум голосок Тани Васечкиной.

А поверх всего сотрясали атмосферу выкрики «агентов влияния»:

– Кто останется на второй урок – тот предатель! Пре-да-тель! ПРЕДАТЕЛЬ!

Ещё мгновение, и весь 7-й «Б», так и не охваченный средневековой историей, мгновенно растворился в пространстве пустынных в этот час городских улиц: рабочий люд уже схлынул к станкам и швабрам, обладатели портфелей только-только упаковывались в пальто и галоши. Слякоть на улицах – конец февраля. Зима последним ночным ленивым снежком как бы отчитывалась стыдливо перед южной природой.

Симочка поплелась в сторону дома. Сказать, чтобы она очень уж радовалась этой неожиданной свободе, – так нет. Не удалось поболтать с Танькой, она сбежала с урока первой – юрко и

без следа, как ртутная изящная змейка. А как хотелось рассказать под её всяческие ахи и охи, что вчера, в воскресенье, она, Сима, сидела на первом ряду в нашем театре оперы и балета на «Лебедином озере». Красиво – не передать! И как вдруг полились слёзы, когда смотрела на танец «умирающего лебедя».

– Слёзы? Что ли, так бывает? – съехидничала бы змейка-Танька. – Чтоб не от обиды?

– А вот бывает! – выплеснула бы Сима.

Но где она сейчас, Танька... Нет, домой не хочется. Разбивая ботинком подёрнутые ледяной корочкой лужи, Сима прошла мимо калитки своего дома. С тихой радостью вдыхала воздух – сыроватый, хрустально отстоявшийся за ночь над заснеженными улочками. Они выглядели как-то уныло, безрадостно, окружая громаду театра, этого архитектурного шедевра академика Алексея Васильевича Щусева. «А ведь и правда: театр не кладбище, чтоб слёзы проливать», – продолжала Сима свой спор с непонятливой Танькой. Но почему-то, впервые придя в театр (да что тут было идти – только за угол завернуть и сто шагов отсчитать), она жутко оробела. Вот бы удивился её сосед Николай Николаевич, музыкант театра, давший контрамарку, чтобы она, единственная в семье, да и на всей балхане (террасе на втором этаже дома), увидела то, о чём и мечтать не смела. Восточная сказка!

– Молодец! Посетила храм искусства! – похвалила её учительница по русскому языку и литературе Анна Павловна.

И это перед всем классом на воспитательном часе!

– Итак, ребята, думаем, зачем люди идут в театр?! – театрально всплеснув изящной кистью, Анна Павловна вдохновенно вопрошала класс. – Идут за радостью общения с высоким миром красоты!

Она вообще много о чём, вот так восторгаясь, рассказывала...

– Проект театра был готов ещё до войны, а строить начали в 1943 году, представляете?! И это в те дни, когда шли самые ожесточённые сражения Великой Отечественной!

Класс затих.

– Всем миром возводили стены – от первого до последнего кирпича – сотни японских пленных. Собралось со всех концов республики целое созвездие лучших узбекских мастеров: усто (мастер) Камил Салимов, Ташпулат Арсланкулов и многие другие – из Самарканда, Хивы, Бухары. И даже Фёдор Никифоров, золотых дел мастер, украшавший некогда иконы в Новгороде и Владимире, потомок строителей Романовского дворца в центре Ташкента. В интерьере возводящегося театра именно он покрывал позолотой люстры. Поднялись облицованные мрамором колонны, пилоны, создавалась древняя ажурная резьба по ганчу, роспись стен с лёгкой расцветкой и позолотой, орнаменты на восточные мотивы, монументальная живопись в фойе кисти художника Чингиза Ахмарова. Царство красоты, изящества, восточного великолепия... Таким, ребята, предстаёт перед нами в реальности театр по проекту талантливого московского зодчего А. Щусева, задуманный им как мраморный ларец, наподобие сказочных дворцов, описанных в поэмах Алишером Навои, и похожий на дворцовый шедевр бухарского эмира.

А на каком, спросите, месте был задуман театр? – бросала в класс свою патетику любимая учительница. – А там, где в прошлом в царстве хаоса и, казалось бы, непобедимой дикости располагался с незапамятных средневековых времён Воскресенский базар, злачное чрево Ташкента. Кибитки, лавки-развалюхи, кабаки... «Пьян-базар», как называли его горожане. Здесь продавалось и покупалось всё, чем была богата нищенская окраина дореволюционной России – Туркестанский край.

«Камчатка» чем-то отторженно зашуршала. Однако Анна Павловна своё дело знала.

– Послушайте, какой интересный факт! Сюда, на «Пьян-базар», восхищаясь восточным колоритом и блеском неведомых товаров, в какой-то день 1910 года, будучи на гастролях, приехала за покупкой бухарского или персидского ковра знаменитая русская актриса Вера Комиссаржевская. Ходила между рядами, торговалась, наслаждаясь неповторимой экзотикой Азии... Но! К несчастью, заразилась здесь оспой и в страшных мучениях буквально в три дня скончалась.

И что вы думаете? – скорбные нотки в голосе Анны Павловны насторожили публику. – Её хорошила не только гастрوليрующая труппа русского театра, но и вся русская диаспора, и весь город, и, надо полагать, сам великий князь Николай Константинович Романов, внук Николая I.

– А что он в Туркестане забыл?

– Сюда его категорически и навсегда сослала императорская семья Романовых. За что, спрашиваете? За непозволительную и позорную для их чести и достоинства связь с американкой. Но это отдельная тема. Главное, что изгнанник оказался удачливым бизнесменом. Построенные на его средства заводы, оросительные каналы, посёлки, объекты культуры и ещё немало чего на счету у этого человека. Имя Н. К. Романова яркой страницей навсегда вписано в историю Туркестанского края и Ташкента. Будучи щедрым и умным меценатом, он без тени сомнений решил потратить более 300 тысяч золотых рублей, присланных ему на содержание из Санкт-Петербурга, на строительство здания русского театра в Ташкенте. А в самом центре города опальный романовский потомок построил (это было в конце XIX века) прекрасный дворец позднего модерна, стилизованный под охотничий замок. Он был настолько прекрасным, насколько и необычным: с диковинными башенками, с бронзовыми изваяниями царственной красоты оленей и охотничьих собак у входа, с парком, засаженным деревьями, привезёнными из разных стран. Естественно, что за забором собирались толпы неугомонных зевак.

Дальше шла информация для особо любознательных. О том, что это было одно из первых вторжений в азиатские пределы культуры совершенно неведомого, европейского мира. И что на этом островке прекрасного появилось? Во дворце, с его уникальными интерьерами, разместилась собранная великим князем в его путешествиях по Европе богатая коллекция русского и западноевропейского искусства – живопись гениальных художников, скульптура, исполненная в мраморе...

– И это всё только для одного князя?! – возмутилась впечатлённая «камчатка».

– Нет, не думаю. Вряд ли он собирался сделать свой дворец местом посмертного поклонения, как, например, Тимур-завоеватель, который

в расчёте на века строил Самарканд, город неповторимой восточной роскоши, и там – свою будущую усыпальницу Гур-Эмир. Кстати, так оно и получилось: на века.

А что же великий князь? В 1916 году добровольно (это было ещё до Октябрьской революции) и безвозмездно всё приобретённое и построенное подарил жителям Ташкента. Он прекрасно понимал цену всем этим сокровищам, этой красоте. Особенно здесь, на азиатской окраине, столь далёкой от России, где, например, ходовым городским транспортом были запряжённые осликами деревянные арбы. Он понимал, что культура, красота выводит на дорогу цивилизации.

Вы знаете, дорогие мои, – Анна Павловна как-то шумно вздохнула и после паузы негромко, без пафоса произнесла: – Нет, вы навсегда, на всю жизнь, должны запомнить – красота очень нужна человечеству. Да и каждому из нас. Она не позволяет... опуститься на четвереньки.

Класс на мгновение притих, но прозвеневший звонок взорвал тишину, и все бодро унеслись на свободу на вполне крепких ногах.

Думается, он, великий князь, лишённый по велению царствующей в России семьи династического и прочего своего будущего на просторах своей родины, задумывался о судьбах этого дикого края. Его современники писали о нём: «Н. К. Романов относился с большим интересом и сочувствием к историческим судьбам будущности среднеазиатских окраин». Сочувствовал и многое сумел сделать. Какой же оказалась эта «будущность»? В замке, им подаренном городу, несколько десятилетий подряд находился городской Дворец пионеров. Поколение за поколением и поныне пользуются благами цивилизации. Они завсегдатаи спектаклей в «романовском» театре, ныне Ташкентском государственном театре драмы. Восторженно любят подаренными шедеврами изобразительного искусства в Ташкентском государственном музее искусств, засиживаются под зелёными лампами в прекрасном зале «публички».

А в этот вызволенный из потока времени день любознательная Симочка додумывала сказанное: «Если вокруг красота, как, например, в нашем театре, то на четвереньки, как те неан-

дертальцы, точно не опустишься? Стыдно будет? Вот это новости...»

Однако мимо дома второй раз не пройдёшь... Побродив по безлюдным в этот ранний час улочкам, куда из коммунальных дворов доносились разнообразные запахи послевоенного сурового быта, Симочка оказалась перед родной обшарпанной калиткой. Сразу за калиткой без паузы рвалась вверх крутая, как подъём на Эверест, лестница в 22 деревянные ступени. Она взлетала к длинной террасе общего пользования. На неё выходили комнаты и комнатухи, выносились за неимением кухонь самодельные мангалы и убогий скарб. По утрам обитатели поднимались по крутой лестнице с ведрами чистой воды. А затем и вниз – соответственно с чем... Удобств-то никаких. Этот «Ноев ковчег» нёсся в пространстве мироздания по своей сугубо коммунальной типичной траектории. Все до единого жильца были на виду, обсуждаемы и осуждаемы, хлётко или сострадательно. Когда как...

Распахнув калитку, Сима чуть не наступила на ногу человека, сидящего на предпоследней ступеньке. С его одежды стекала расплескавшаяся из опрокинутого ведра моча.

– Ох... Вы?! Ник... Николай Николаевич?

Он не отвечал. Его выдающийся на узком лице нос существовал сам по себе, отторженно и вызывающе. По всему – человек никуда не торопился. Каменное лицо свидетельствовало – его здесь нет. Он в глубинах, в бездонной пропасти своего «я». Возможно, где-то у самого его горла желчно и расплёскивалась ирония, бдительно отслеживающая разнообразные житейские мерзости. Но никого – слышите? Никого! – это не касается.

А между тем к воротам на злачные запахи стала подтягиваться толпа.

«Ну и вот она, – шептал некто пострадавшему музыканту, – жаждаемая тобой публичность. Правда, без аплодисментов, зато с мерзким душком, с известностью аж на целую улицу. С ожидаемой матерной бранью из уст женщины, с которой ты, между прочим, живёшь, спишь, делишь время жизни. И как, ничего? Спокойненько, привычно? И ничто не наводит тебя на мысль, какую вертикаль жизни ты выстроил? С высоты

"элитных" эмоций – Верди, Моцарт, Доницетти... – скатиться. И КУДА?! Голова – в раю, а ноги – где? Прости за скабрёзность – в дерьме?!»

Рядом в лужице мочи действительно монументально возлежало на боку помятое помойное ведро, источающее неприличные ароматы ночной вазы. Мокрыми и так же густо ароматизирующими были его домашние тапочки, брюки, шерстяная, крупной вязки кофта с могучего плеча жены Розы.

За калиткой, широко распахнутой на улицу, уже волновался народ.

– Что, милок, тошно? – сочувственно качала головой старушка в глухом платке. – Не убивайси, Господь тебя не оставит...

– Да он его по запаху где хочешь найдёт! – смеялись весёлые девахи, ожидающие продолжения спектакля. Мужики молча проходили мимо, понимая, до чего несладко сейчас «искупанному» собрату: «Надо же, и как угораздило?..»

Кто бы сомневался, в чём тут дело, но только не Сима. Она всё про всех знала. Каждый божий понедельник жилец крайней комнаты Николай Николаевич, музыкант из симфонического оркестра означенного театра, имея законный выходной, обязан был по приказанию жены заниматься домашними делами, пусть даже и не самыми «ароматными», хочет или не хочет. Так уж случилось – не донёс её сосед пахучую общесемейную «ценность» до «энного» места и, поскользнувшись, с самого верха, с первой, тронутой ночным морозцем ступени, проехал на пятой точке до самого низа.

Вот она, «ступенька Прозрения», истоптанная, дурно голосящая.

А действие катилось к кульминации. Наверху, как на почётном пьедестале, уже стояла пылающая гневом, с половой тряпкой в руках, супружница Роза, исторгая проклятия. Правильные черты её лица, вполне гармоничные в редчайшие её мыслительные минуты, были неузнаваемо искажены. За её спиной замер любопытствующий коммунальный люд.

– Нет, вы только посмотрите на него, люди добрые! Моцарт обоссанный! Ничего ему поручить нельзя! А ну, давай! Бери тряпку, убирай! Музыкант хренов!

Народец молчал, он ещё не знал, чью сторону принять – хамки Розы или этого незадачливого интеллигента. После долгих минут позора собрат упомянутого Моцарта, не поднимая пахучего ведра, с лицом мумии, навечно отсутствующей в этом суетном мире, прошёл мимо оторопевшей Розы. И всего достойного сообщества. За ним тянулся мокрый след.

Дальше, как ожидалось, всё должно было идти по известному всем соседям сценарию: Роза в своём тесном закутке, отгороженном от соседей ржавыми, покрашенными жидкой извёсткой листами железа, проговаривала почти театрально свой дежурный монолог:

– Не руки, а крюки! Только ложку держать, чтоб в три горла жрать! Только свои палки – в барабан бить! Чайковский недоношенный!

Однако после бури – неизбежное примирение, бархат покаянных Розиных интонаций, блаженная тишина... Но не на этот раз.

Что же было этим утром? Семейная публичная драма? Нет, куда трагичнее. Катастрофа мужского самолюбия. Чести. Достоинства. Да чего угодно, до чего Розе было просто не додуматься. Что для неё значили роль и место, которое занимал он, музыкант в ритм-группе симфонического оркестра оперного театра, ударник с консерваторским образованием?! Рядом с ней, как она считала, пристроился до последней степени заморённый жизнью бездарный неудачник. Благо, что убеждённый трезвенник. Даже в праздники к рюмке не прикладывался. Подобрала она его, обретавшегося до того в каком-то занюханном общежитии (а другого жилья у него никогда и не было), когда пожелала обрести статус замужней дамы. Предоставила жильё, неголодное существование, какой-никакой уют. В те послевоенные суровые годы для местных жителей и сотен тысяч эвакуированных, ещё не успевших уехать в освобождённые от немцев и дотла разрушенные города, вопросы любви, семьи и брака решались куда проще. Был бы хлеб да хоть какая-нибудь крыша над головой... «Не родись счастливой, а родись с квартирой», – именно это и предложила Роза, официантка в заводской столовой, музыканту, солидному и культурному на вид мужчине, в

числе других приехавшему с шефским концертом на её завод.

Культурный-то – да, культурный. Но больно уж измождённый. Только мясистый нос торчал на узком сером лице. После концерта, приглядевшись к интеллигенту, она подала ему борща в глубокой тарелке, двойную порцию котлет с картошкой. Домой шли вместе. Однако стать хозяином в доме – комнатке в двенадцать квадратных метров – он как-то не торопился. Был вялым, по наблюдению Розы, словно бы обескровленным. Если и оживлялся, то только перед уходом в театр на вечерний спектакль. И потом уже, поздним вечером, дома, сняв концертный костюм, ходил по комнате, тихо что-то напевал, был светлым и кротким. Тогда и удостаивался Розиной ласки: «Моцарт ты мой ненаглядный». Он смеялся, умиляясь этой нелепице, мягко и почти нежно читал стихи, всякий раз разные, но, как ей казалось, исключительно для неё сочинённые:

*Как хороши, как свежи были розы
в моём саду,
как взор пленяли мой...
Как я просил осенние морозы
не трогать их холодной рукой...*

Если бы это повторялось и повторялось! (Но ведь так редко! Всего-то раза три.) Тогда бы она простила ему любовь к театру, этому монстру. А как сказать иначе?! Ведь театр поглощал все его силы, ожидаемую ею любовь, нежность... Но – ничего! Как будто она, подкидыш с ташкентского вокзала, выросшая в детдоме, всю жизнь мечтавшая о крепком плече, о наконец-то обрётённой семье, в таком не нуждалась, скажете?! Только однажды, будучи приглашённой в гости сердобольной воспитательницей детдома, увидела... накрытый белой скатертью к приходу мужа стол – на нём тарелки для ароматного – не надышишься! – борща, тёплое мужское касание плеча жены – как приветствие. Уют тёплого, обжитого дома... Плакала потом в подушку, не зная, кого винить в сиротстве, кому молиться... Ну а сейчас? Как и всегда, не было её, этой опоры, – ни родительской, ни мужской! И потому при каждом подходящем случае она костерила

сожителя, вдохновлённая застоявшейся, сверблящей душу обидой.

Он молча уходил от неё. Недалеко – на крышу первого этажа. Под ней, на первом этаже здания, которое вплотную было пристроено к балхане, служил под вывеской «...снаб» скучный люд, густо высыпавший в обед во двор, уныло покуривавший и с презрением поглядывавший снизу на шумных аборигенов второго этажа. Железная, почти плоская крыша подпирала внешнюю стену Розиной, последней на балхане, комнаты и была практически на уровне пола. Сам бог велел прорубить из закутка, огороженного ржавыми листами, выход в такой неожиданный, как оказалось, доступный мир. Хотя у вышедшего поначалу кружилась голова. Но не у Николая Николаевича. На несколько покато́й крыше на матрасике устраивался спать. С конца апреля по самый октябрь встречал потрясающие рассветы. С недалёких предгорий его приветствовал ни с чем не сравнимый по красоте, заснеженный, пылающий красками восхода пик Чимгана. С востока, совсем близко, метрах в четырёхстах, поднималась над сонными улицами, ещё сладко досматривающими сказки призрачного «Пьян-базара», крыша родного театра.

Но ночью... Звёзды, ох уж эти звёзды! Мешая заснуть, подмигивали ему, водили хороводы, затем нехотя уплывали в чужие небеса. Их было только двое: он и южная ночь, которая уютно, по-домашнему укрывала его бархатом грёз, порой таких фантастических! Небеса звучали едва уловимо, из самых глубин таинственных миров, музыкой, не менее гениально мелодичной, чем та, что с родной театральной сцены. Но вскоре понял: если долго-долго всматриваться в ночную бездну, она начинает хищно хороводить и кружить, вытаскивать из памяти то, что давно присыпано пеплом времени.

Вспоминалось. Замученный шальными ветрами Самарканд ранней весны 1941 года. Коля, молодой, стройный, стремительный студент Ташкентской консерватории, с беззаботностью туриста приближается к развалинам знаменитого Гур-Эмира. Бездонно над ним южное небо. Слепит солнечными бликами бесподобная глазурь ребристого купола усыпальницы.

– Любуетесь?

Это он сидящей на скамье девушке, склонившейся над планшетом с белым листом. Что-то уже начертано ею карандашом, от старания это милое создание покусывает губы, переживая мгновения открывшейся ей вечной красоты...

– Угадали – восхищаюсь! – с милым вызовом отвечает она присевшему рядом незнакомцу. – Это же шедевр восточного зодчества, тимуровский ренессанс!

– Но позвольте заметить: ренессанс – это когда человечество возрождает красоту. Кстати, на фундаменте доброты и высоких идеалов. А что Тимур-завоеватель? Покоившийся здесь почему-то в почёте уже не один век. А ведь миллионы жителей разных стран порушил. Замучил в своих походах и набегах. Что не случайно стало сюжетом картины Верещагина – на земле пустыни сложена пирамида из черепов тимуровских жертв... Вспомнили? Кстати, не Тамерлан создавал эту красоту, а взятые в плен мастера, талантливые ремесленники... Их всех по завершении строительства уничтожили. По приказу Тимура.

– Да! Но мы не можем судить великого завоевателя средневековья мерками нашего времени...

Бесшабашный порыв весеннего ветра вдруг по-хулигански взвил вверх костёр её светлых рыжеватых волос, сорвал с планшета лист с рисунком и понёс, понёс... в пещеру узких улочек, мимо домишек, глиняных дувалов, редких прохожих. Коля – опять-таки лёгкий и стремительный – догнал, схватил «шедевр» на лету. Преподнёс рыжеватому ангелу как подарок.

– Ох, спасибо... Я – Елена...

– Елена Прекрасная. Из сказки. А я – буднично. Просто Коля.

Познакомились. Она – молодой искусствовед Эрмитажа, из Ленинграда. «Отстала» на два туристических дня от экспедиции археологов, проводивших раскопки на территории Гур-Эмира. Насыщалась экзотикой древнего Востока.

– Чтобы будущие экскурсии и рассказы для посетителей музея были, – ангел запнулся, – наполнены подлинным знанием и звучали... «вдохновенно». Только так можно и нужно служить

красоте, сокровищам Эрмитажа. Для этого и жизни не жалко!

Не жалко? Коля понял – «свой человек». До Ташкента ехали автобусом по обводной грунтовой дороге, на главном шоссе шли дорожные работы. Разливанное море весенних тюльпанов плескалось по обе стороны дороги, предгорья дарили голубую нежность. Счастье, оно и есть счастье – на принцессу из сказки Коля не мог насмотреться-налюбоваться. Однако понятно – долго на «перекрёстке судеб» не просто-ишь. Время разорвало это сказочное единение двух сердец вульгарным гудком паровоза над уплывающим ташкентским вокзалом. Поезд увозил ангела в Москву, затем в Ленинград. Оказалось – отбывал в вечность.

Поначалу они обменивались длинными нежными письмами. Лена звала его «мой Колечка». Потом повторяла его имя уже с другим ударением – на «е», «моё Колечко». Милый девичий намёк... С началом войны письма из Ленинграда стали приходить реже, были короткими. «Пережили бомбёжку... Страшно...», «Дежурила на крыше... Сбрасывали зажигалки», «Рыли окопы. Ты бы видел мои мозоли!..». «Нет, и не убеждай, в эвакуацию не поеду, Эрмитаж не брошу», «Не беспокойся, милый, научным сотрудникам оборудовали рабочие места в подвалах Эрмитажа, в бомбоубежищах... Я как все, не пропаду». «Сдали Лугу...»

А дальше – тишина. Через несколько уже мирных лет Николай Николаевич прочёл в отчётах, в открытых публикациях, что после снятия блокады города из подвалов Эрмитажа вынесли 46 трупов сотрудников... Ни голод, ни холод не заставили их покинуть Ленинград. На Пискаревском кладбище их и похоронили.

Вспоминая, Николай Николаевич не вытирал слёз. Сдерживал рыдания, подавлял гнев. Кому-то непонятному в тёмное враждебное небо бросал невыносимую боль сердца: за что судьба отняла у него единственную любовь? Чем оправдана эта невыносимая утрата? Его рыжеволосый ангел так преданно служил красоте. Она, красота, не поставила любимую на четвереньки. Она просто забрала эту маленькую жизнь. Но разве это она?.. Это же немцы задумывали глобально: уничтожить миллионы жизней, сровнять с

землёй изумительно прекрасный город. Им не нужно было его великолепие, предназначенное для вечности. Тёмные силы с красотой не в ладу...

Приходило утро. «Окно в небо» закрывалось. И всё начиналось сначала. Будни кружили, вертели обывателями как хотели. Порой своей бессмысленностью, как считал Николай Николаевич, цинично опрокидывали вероятность иных миров, иного способа существования души. А её, свою душу, Николай Николаевич оберегал от Розиной бытовой агрессии. Пуще, чем руки для ударных палочек, кастаньет, литавр... Чем добавлял презрения и градуса жарким монологам женщины. Но разве он один в округе терпел хамство «за пайку и нары», простите, «за хлеб и крышу»?..

Однако будем справедливы: каждый день мужчина подпитывался «горяченьким супчиком», необходимым при его язве желудка, из-за которой его не брали в армию. Обед Роза считала обязательным – ведь семья, муж... Получал он и чистейшую белую рубашку к концертному костюму (который на плечиках, накрытый белой простынёй, как икона, висел в почётном переднем углу), а также вычищенные до блеска туфли, свежие носки. Особая нежнейшая забота предназначалась чёрному концертному бантику. Был ли он благодарен? Кто знает. Зато в лучшие минуты напевал ей, тихой и кроткой, красивые мелодии, уговаривал Розу посетить театр, увидеть сказочную красоту его фойе, зрительного зала, посмотреть спектакль.

И однажды, согласившись, она посетила этот храм искусства, попав по случаю на оперу Бизе «Кармен». Наглядевшись на восточную сладкую роскошь фойе, на бархат и позолоту зрительного зала, но не оценив гений Бизе, изрекла: «Глазам было больно, столько всего...» А потом почти злобно, со слезами, выкрикнула: «В гробу я видела твой театр, построенный на костях!»

Но почему «на костях»? Это знала, наверное, только сама Роза. Детдомовская, без роду, без племени, тростинка на ветру, что она видела? Что пережила? Что с великой горечью каменно уложилось в её душу? А то, что когда жрать нечего, тут не до театров и всяческих красот. Хотя и прошло после войны несколько лет, но как забыть военную голодуху, когда затируха из муки

с отрубями считалась за праздник? Или ужас от потери карточек, когда, прощаясь с жизнью, рвёшь на себе волосы?

Когда вовсю шла война, был 1943-й, Роза снимала угол на дальней окраине Ташкента и часто приходила в гости сюда, в центр города, в этот «Ноев ковчег», к Марусе, своей приятельнице. Обе работали уборщицами в самых грязных заводских цехах. Маруся как раз и жила до Розы в этой комнатухе, да не одна, а с дочкой, мамой, сестрой. Жили как все – впроголодь. Работала одна Маруся, сестру с её инвалидностью никуда не брали. Если что и могла сэкономить Роза – горбушку хлеба или по осени с огородика картошки, морковки – несла к ним. Да разве наносишься? Жизнь-то какая... А она угасала, старенькая Марусина мама, Корниловна, тихая, ни на что не жаловавшаяся и ничего не просившая, кроме соли под язык, когда совсем нечего было есть. Кровоточили её дёсны, опухали ноги – алиментарная дистрофия. С наступлением тёплых дней её кровать вынесли на террасу, под окно соседям – больше было некуда.

Смерть сюда особенно не торопилась: у неё в городе был непроходящий аврал. А у прочего люда много хлопот с выживанием. Так что вялотекущее угасание Корниловны не воспринималось в мрачных красках классической трагедии. Но только не Розой, не познавшей материнского тепла. Сидя у кровати Корниловны, проговаривала ей самые нежные, самые ласковые слова, на которые её сиротская душа оказывалась способной, нежно гладила старческие безвольные руки. Ей казалось, что время от времени будто гаснет свет в чёрных провалах старческих глаз, унося её, Розин, живой облик куда-то в неизведанную потусторонность. И жарко просила: «Не уходи, не уходи, Корниловна...» А сама уходила в слезах. Шла мимо площадки начавшего строиться оперного театра, на которой громоздились горы золотисто-розовых кирпичей, сделанных по особой технологии, блоки светлого и чёрного мрамора и ещё много чего неизвестного названия. Работа кипела. Но Роза всегда ждала время перерыва, когда строителям, пленным японцам, привезут обед в солдатских зелёных термосах. Подглядывала в щель забора: «Смотри-ка, и первое им, и

второе... А едят-то, вовсе не набрасываясь на еду (не голодуха, значит), спокойно переговариваются на непонятном языке, смеются...» Начинало сосать под ложечкой от густых вкусных запахов, а в душе закипала злость: «Да кому он нужен, этот театр, на который такие деньжищи тратят?! Если Корниловна в какой-то сотне метров отсюда с голоду умирает?! Разве это справедливо?! Суки! Там, наверну...»

М-да... И это Роза, с её-то «могучим» интеллектом, задумывался Николай Николаевич, как могла понять, что от красоты, если она «на костях», – другие слёзы? Не восторга, а... гнева? И это на все времена? Даже любясь шедевром восточной архитектуры Самаркандом, не уйдёшь от мысли: скольких жизней он стоил? Ну ладно – Средневековье... Дикое время... сумерки цивилизации... Но вот Германия XX века... Генрих Гесс, комендант и главный палач Освенцима, после «работы» садился играть на скрипке гениальные шедевры Баха, Паганини для релаксации и наслаждения. В то время как печи крематория ни на час не переставали работать, унося с дымом жизни миллионов мужчин, женщин, стариков, детей. Уже в следующем веке, во время посещения Освенцима, потрясённый Папа Римский Франциск прошепчет: «Где ты был в это время, Господи?..»

Ах, Роза, Роза... Ты сама себя не понимаешь. Через непобедимую детдомовскую брань с колоритными оттенками хамства, через слёзы злости и сострадания идёшь к своей и только своей истине...

Но только ли своей?

Николай Николаевич в тот вечер, когда жена ушла в ночную смену, без всякой объяснительной записки ушёл из дома вместе с концертным костюмом, неся его на вешалке. Он был прикрыт от пыли чистым белым лоскутом, заботливо выстиранным Розой. Она же в ранний утренний час сразу побежала в театр, где вахтёр сообщил: «Да, ночевал на стуле в служебном вахтовом помещении. Написал директору заявление об увольнении по собственному желанию и ушёл. В неизвестном направлении».

Ушёл и не вернулся.

Александр АПАРЦЕВ

Александр Григорьевич Апарцев родился 12 октября 1965 года. Проживает в Екатеринбурге. Высшее образование по специальности «тренер, преподаватель физической культуры». Состоит в Российском союзе писателей и в Союзе детских и юношеских писателей. Участник ЛитО «Петроглиф» (г. Екатеринбург).

Печатался в литературных сборниках, во всероссийском журнале для родителей «Шпаргалка», в журналах для детей «Саша и Даша», «Чердобряк», в сатирическом журнале «Ёриш», в детской рубрике газеты «Жизнь уральская», издал три авторские книги.

В 2020 году выпустил кукольный видеоспектакль «Сказочная история об Олежке и Иршке».

Лауреат поэтического конкурса «Король поэтов – 2019», организованного Свердловским отделением РСП.

Лауреат XVII конкурса «Серая Шейка», 2022 год. Участник литературных мероприятий, проводимых совместно с библиотеками Екатеринбурга.

СТИХИ ДЛЯ ДЕТЕЙ

ОБЕЗЬЯКА И ВЕРБЛЮКА

Жила на свете Обезьяка,
Банаки ела натошак
И передразнивала всяко
Зверей, людей и обезьяк.

Однажды встретила Верблюку
С большой горбакой на спине.
Верблюка был по нраву бука,
Он сам себе был на уме.

Смеяться стала Обезьяка,
Изобразив Верблюку вмиг.
И, спину округлив горбакой,
Прошлась, как дряхленький старик.

Верблюка, затаив обиду,
Вдруг положил колючку в рот,
И стал жевать с довольным видом,
И стал поглаживать живот.

Увидев это, Обезьяка,
Верблюку весело дразня,
Колючку – ням!
О Боже!
Бяка!
Весь рот горит, как от огня!

Верблюка рад, что он хитрякой
Довёл обидчицу до слёз,
Но, поскользнувшись на банаке,
Что прилетел от Обезьяки,
Упал, себе расплющив нос.

А можно было и без драки
Приятно время провести,
Когда б Верблюка с Обезьякой
Друг к другу были бы добрякой,
Случайно встретившись в пути.

ПРИЗНАНИЕ

Как два ведра на коромысле,
Баланс пытаюсь сохранить,
Нёс в голове Володя мысли:
Одна – «Сказать!», другая – «Скрыть!».

Он шёл из школы вслед за Леной,
Давно пройдя свой поворот,
И никого во всей Вселенной
Не замечал...

На небосвод
Он посмотрел с большой надеждой,
Во взгляде виделась мольба...
И вдруг решился, хоть и между
Словами дёргалась губа:
«Постой! Хочу признаться, Лена!»

Она остановилась.
«В чём?..»

Он взял портфель её:
«Наверно...
Мне кажется... Скажу потом...»

Они шли молча три квартала,
Сердца стучали, как шаги...
Он не сказал... Но Лена знала,
Что слов не надо для любви.

ДЕРЕВЕНСКОЕ ЧУДО

По просёлочной дороге
Шли неспешно чьи-то ноги
Без ботинок, без сапог –
Много разноцветных ног...

Возвышались над ногами
Чьи-то головы с рогами,
Сзади дёргались хвосты
И цеплялись за кусты.

К странной сцене в дополненье
«Му-у!» летело по деревне...
Стало ясно и без слов –
Это стадо шло коров.

Интересно, в них откуда
Молоко берётся?.. Чудо!
Но чудеснее всего
ПИТЬ коровье молоко!

БАСНИ

БЫК И КОРОВА

Корова сказала Быку,
Что, если лежать на боку
Три года, три дня и три ночи,
То можно стать ростом короче,
Отвалятся хвост и рога,
Отвиснут живот и бока,
На лбу углубятся морщины,
Исчезнет наружность мужчины.

Вскочил как ужаленный Бык,
Запрыгал, как заяц, – прыг-прыг,
Забегал, как лошадь, по кругу
И даже заквакал с испугу.

Сказал он Корове:
«О нет!»

Сказал Бык Корове:
«Нет, нет!»

Он крикнул Корове:
«Что??? Нет!!!

Не буду ложиться в обед,
Не буду лежать до заката,
Хочу быть мужчиной, ребята!»

С тех пор он весь день, весь в поту,
Себя посвящает труду.

В морали признаемся, к слову:
Теперь Бык пленяет Корову!

ПОДЪЁМНЫЙ КРАН И ДОМКРАТ

Подъёмный Кран – на стройке первый
По росту, мощи и делам –
Стал у коллег играть на нервах,
Взлетев по службе к небесам.

Зазнавшись, он, с надменным видом
На всех бросая сверху взгляд,
Домкрату вдруг нанёс обиду:

– Твой рост для стройки низок, брат!

Домкрат под Кран залез и снизу
Его над стройкой приподнял...
Не ждал такого Кран сюрприза –
Упал, покинув пьедестал.

Когда в почёте вы и в силе,
Не забывайте об одном –
Хоть вы и первый в коллективе,
Успех совместным взят трудом.

ТРУДОЛЮБИВЫЙ КОЗЁЛ

Сентябрь нагрязнул в сельский край,
Созрел на грядках урожай,
Плоды налились ароматом,
Жизнь превратилась в сладкий рай!

Козёл с постели рано встал
И на работу поскакал,
Явился он на огород,
Глядит, забот невпроворот –
Копытом грядки раскопать,
Рогами сено скучковать,
Там обглодать кусты, где густо,
Здесь ободрать листья с капусты...

В трудах таких весь день идёт,
Всё, что созрело, лезет в рот –
Колосья, листики, травинки,
А то и даже корнеплод!

За делом день промчался быстро,
На огороде стало чисто,
Весь урожай был собран в срок,
И не пропал ни колосок!

Козёл гордится сам собой,
Свершил он подвиг трудовой,
И взять пример с Козла бы надо,
Но...
Огород-то был чужой!
Есть в жизни множество козлов,
Охочих до чужих плодов!

ФИЛОСОФСКАЯ ЛИРИКА

ГОЛУБИ

Почему голуби не боятся людей?
Придумать можно много идей:
Из-за удобных крыш и человеческого
корма...
Но и других птиц кормить – норма,
Однако, стараются, например, воробьи
Облетать человека километра за три.
Никакая птица к себе не подпустит –
Увидев людей, покинет кустик.

Отчего же голуби настолько храбры?
Их мёдом не кормят, не дают халвы –
Такой же корм, как для птиц всех,
Зимой никто не одевает в мех.
И всё-таки голуби к людям льнут
Настолько, что даже не страшен прут,
Которым легко отпугнуть и собак...
Они только в сторону делают шаг.

Я долго думал об этом факте:
Откуда у голубей простодушный характер?
И вдруг, как в пословице о верблюде,
Дошло через год: голуби – люди!
Почему же с нами не схожи ни разу?
Потому что представляют другую расу...
Логичная мысль, сомневаться не будем,
Понятно же всё: люди тянутся к людям.

БАРД

Между щитом и мечом выбирая,
Выбрал он бардовский путь...
Вдоль-поперёк и от края до края
Землю решил обогнуть,
Чтобы воспеть людям правду в балладах,
Чтобы зажечь их сердца
Светом Добра, защитить их от ада,
Славя заветы Творца.

Бард, словно воин, сражается в битве,
Жизнью рискуя своей, –
Сила в балладе, как в Божьей молитве,

Злых будоражит людей,
Искореня людские пороки
Словом, как грозным мечом...
Барду противится Зло, ставит блоки,
Жаждет прийти с палачом.

В бардовском сердце для страха нет места,
В бардовском голосе – клич:
«Люди Земли! Наша добрая песня
Вызовет Зла паралич!»

Люди Земли! Вы прислушайтесь к барду!
Хором Злу скажем: «Отстань!»
Каждый в себе, сердцем чувствуя правду,
Пусть изживёт злую грань.

ЗДЕСЬ И СЕЙЧАС

А «завтра» может и не быть...
Пути Господни неизвестны,
Тонка судьбы житейской нить,
Грозит в любом порваться месте.

А «завтра» может быть другим –
Я не с тобой, ты не со мною,
И вместо неба чёрный дым,
В душе ранение сквозное.

В текущий миг, здесь и сейчас,
Шагнув на линию для старта,
Я сердцу отдаю приказ:
Люби!
Не оставляй на завтра!

ПАТРИОТИЧЕСКАЯ ЛИРИКА

СЕРДЦЕ МАТЕРИ

Не передать словами горе,
Что бьётся в сердце матерей,
Похоронивших в чистом поле
Войной погубленных детей...
Детей безгрешных, неповинных,
Жизнь не проживших и на треть,
Разорванных на части миной...
Ушедших безвозвратно в смерть.

Да... Это видится ужасным,
Рождая справедливый гнев,
Когда и пули, и фугасы
Вмиг прерывают детский смех.

Но время, видимо, такое,
Что не у всех в душе есть Бог –
Под флагом Сатаны, с войною,
Враг устремился на восток,
Стараясь изо всех усилий
Продолжить путь своих отцов,
Натравливая на Россию
Безжалостных и злобных псов,
Что убивают мирных граждан,
Не чтя Божественный завет,
И, утоляя крови жажду,
Смертельный оставляют след.

Как успокоить мать ребёнка,
Что держит в горестных руках
В кровавых ржавчинах пелёнку
И слёзы льёт в могильный прах?

Нет... Сердце будет беспокойно,
Пока витает смерть во мгле,
Пока не прекратятся войны
На всей на матушке-Земле.

Не передать словами горе,
Что бьётся в сердце матерей...
Пусть на земном царит просторе
Любовь и жизнь...
И побыстрей...

ДЕНЬ ПОБЕДЫ

Шаг в шаг, след в след
Маршируют внук и дед,
Отмечают День Победы,
Ждёт их праздничный обед!

Дед командует: «Вперёд!
Сытым будет пусть живот
И счастливыми детишки,
Жизнерадостным народ!»

Воскликает внук: «Ура!
Победили мы врага!»
И, к столу помчавшись, деда
Обогнал на три шага!

Дед за праздничной едой
Стал серьёзен, словно в бой
Он собрался, как в те годы,
Что искромсаны войной.

Молча он поднял стакан,
Вспомнив битву и курган,
Где друзья лежать остались,
Где стонал от страшных ран.

Перед взором враг возник,
Не лицо – звериный лик...
Дед почувствовал боль в теле
Там, куда втыкался штык.

Из последних сил рука
К горлу дёрнулась врага...
В том бою погибла рота,
Чудом выжил он тогда.

Тихо стало за столом –
Той войны далёкой гром
Пробудил воспоминанья...

Дед очнулся:
«С нашим Днём!»

Вслед за ним и каждый гость
Произнёс душевный тост:
«С Днём Великим!
С Днём Победы!
Мирно чтобы всем жилось!»

Внук вскочил из-за стола,
Утонула голова
Вся под дедовой фуражкой:
«С Днём Победы, дед!
Ура!»

КОБРА В РОССИИ

Откуда-то с запада Кобра
К России, шипя, подползла.
Она не была сердцем доброй,
В душе не хранила тепла.
Хотела российские недра
Накрыть капюшоном своим,
Забрать до последнего метра
Урал, и Камчатку, и Крым.
Змеиные кольца раскинув
И ядом плюя за версту,
Она, отравив Украину,
К России подкралась –
К посту,
Где службу несли на границе
Российские парни...

Змея
Увидела грозные лица,
Но кладом манила земля:
Российскими газом, и нефтью,
И россыпью ценных камней,
И лесом, и углем, и медью –
Всем, кроме российских людей.
И Кобра, не ведая страха,
Решила ползти напролом...
Услышала вдруг свист от взмаха
Меча... и простилась с хвостом.
От боли глаза округлила,
Шипенье исторгла и стон,
В атаку вложила всю силу,
Зловеще раскрыв капюшон.

И снова – вжик!

«Тьфу ты, зараза! –
Воскликнула в гневе Змея. –
Оттяпали тело... Не сразу
Меня остановите... Я...»
И, мысль досказать не успевши,
Она повалилась в траву...
Меч в ножны вошёл, просвистевший:
«Не ползайте в нашу страну!»

Пусть всегда будет чудо!

Евгений ГОЛОДНОВ

Не слишком это я загнул про чудо? А что мелочиться-то, жизнь не вечная.

Я помню, как мне рассказывала мама Люся: она только родилась, а её маме, то есть моей бабушке Маше, врачи сказали, мол, дочка ваша «не жилец». А мама моя, слабенькая, крохотная, рождённая 25 апреля 1932 года, прожила ещё почти девяносто лет. Она рассказывала, что в паспорте у неё записано 25-е, а на самом деле родилась 24-го. Мама с Божьей (не медицинской!) помощью выжила. Поэтому и я на свете живу, и детки мои. И много чего чудесного благодаря тому счастливому апрелю случилось в моей жизни. Пусть всегда будет мама, пусть всегда будет доброе чудо!

Я НЕ СЫН КОСМОНАВТА

Родился я раньше, чем папу узнал. Он то в армии служил, то учился в Вильнюсе в юридической школе МВД... Брак с мамой оформил, когда мне было уже семь лет и меня начали готовить для поступления в первый класс. А до нынешней фамилии я числился в детском саду как Комаров. Фамилию носил как у известного космонавта. И меня прозвали Комарик Воздушный Шарик.

Был я худеньким и иногда от обиды «пищал». В двухлетнем возрасте однажды от обиды убежал из детского учреждения, да ещё в смену молодой начинающей воспитательницы. Она, рассказывали, очень переживала! А я пошёл к маме в «небелый». Она работала в мебельном магазине, метрах в двухстах от детского сада. По дороге меня перехватила знакомая мамина учительница и привела к маме на работу...

И вот родители официально растписались. И я стал сразу Голодновым. И это случилось в 1968-м, вскоре после гибели Владимира Комарова (1967). И я всё думал, что мой настоящий папа просто погиб. Родня моей мамы жила в городе Петушки Владимирской области, и я лет с двух там бывал. Оказывается, что и у космонавта Комарова там родные корни, юный Володя любил отдыхать в Петушках летом у бабушки и дедушки, а ещё он перед началом Великой Отечественной учился там в местной школе. Вот такие совпадения.

Я пошёл в первый класс уже с новой фамилией. А те ребята, с кем я был в детском саду и потом попал в начальную школу, удивились, что я уже не Комарик Воздушный Шарик.

Вскоре меня повезли в далёкую, глухую рязанскую деревню знакомить с родственниками отца. Так я узнал о своём героическом деде-фронтовике Егоре Петровиче, прошедшем две войны: Великую Отечественную с 1941-го по 1945-й, а ещё – с 1945-го по 1947-й воевал с бандеровцами на Западной Украине, где был тяжело ранен и лечился в киевском госпитале.

Я любил посылать ему письма и открытки чуть ли не ко всем праздникам. К примеру, поздравлял с Днём рыбака! Выбирал специально покрутивее. Дедушка другим внукам ставил меня в пример, а они завидовали. Но я и других родственников не забывал. Мне казалось, что так, с помощью открыток, я их объединяю. Было мне тогда лет двенадцать-тринадцать.

Рязанская деревенская природа вдохновила меня лет в двенадцать на попытку сочинять. И ещё мне понравилось расспрашивать взрослых об их жизни, о далёких предках. И я так нахватался от них всякой информации, что потом они уже сами у меня спрашивали и уточняли: кто, где, когда родился или женился... Ну кто же знал, что в далёком будущем я и

краеведение люблю, и буду готовить материалы для местной районной «Правды»?

КАК Я НЕ СТАЛ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫМ АРТИСТОМ

В школе я активно участвовал в художественной самодеятельности и мечтал о карьере артиста. С раннего детства увлекался пародиями на знаменитостей и не стеснялся выступать перед взрослыми даже в электричках, в шумных компаниях. Подражал голосам Утёсова, Лемешева, Эдиты Пьехи, Кикабидзе, Сличенко, Боярского, Высоцкого, Аркадия Райкина, популярного в былые годы дуэта Авдотьи Никитичны и Вероники Маврикиевны, диктора Юрия Левитана, Ленина, Брежнева, Сталина, имитировал голоса животных и звуки разных музыкальных инструментов... Однажды незнакомая старушка в электричке мне попыталась напороочить: «Парнишка, тебя ждёт театр!»

Родители хоть от души и веселились вместе с другими, когда я выступал, были против моего будущего профессионального актёрства. После десятого класса, не пройдя по конкурсу в театральное училище, я попытался устроиться в Театр сатиры рабочим сцены. Долго ждал своей очереди на аудиенцию с чёрного входа. Видел, как с кем-то беседовал главный режиссёр Плучек, как на него собеседник надевал пальто. И даже рассмотрел на доске объявлений выговор за опоздание на репетицию Андрею Миронову. Вахтёры меня одёрнули, чтобы я не совал свой нос куда не просят.

Потом со мной разговаривал начальник театральных монтировщиков. Он спросил: «Родители в курсе? Кем папа работает?» Я сказал, что он работает в уголовном розыске. Тогда он попросил принести письменное разрешение от папы. Я вышел из его кабинета расстроенным. Сел в лифт. Выходя из него, наткнулся на большую группу военных, видимо, гостей театра. Они посмотрели на меня и сказали: «Он – будущее театра!»

Я попробовал устроиться рабочим сцены в другом театре, а там меня спросили: «А вы от кого, записочка есть?»

Е. Голоднов с мамой. 1965 г.

Поступив в педагогический институт, я пустился во все тяжкие. Стал заниматься одновременно в Школе молодого журналиста при районной газете и в театральной студии, где главным режиссёром был бывший профессиональный артист (но с одним лёгким) Николай Александрович Сысоев. Прошедший войну, немецкий плен и послевоенный ГУЛАГ. Именно к нему попал (ещё до меня!) местный школьник Витя Сухоруков – будущий народный артист России, всенародный «Брат».

Сысоеву и его студии я служил верой и правдой более десяти лет, переиграв в различных новогодних сказках и спектаклях. В конце своей жизни Николай Александрович мне поведал свою историю с пленом и ГУЛАГом. Никто из актёров и режиссёров народного театра об этом не знал... С Божьей помощью удалось найти немецкую семью фермеров в древнем селе Фреклебен. У этих фермеров около трёх лет крестьянствовал пленный Коля Серебрянский. Так они его прозвали. Относились как к сыну. И лечили, когда он повредил себе

ногу во время летних работ в поле. В 1980-е стариков-фермеров уже не было в живых, а их дети пригласили моего наставника погостить. В переписке между Сысоевым и немцами помогала мне моя учительница по немецкому Наталья Михайловна. Мы и сейчас с ней на связи. Прекрасный человек!

А Николаю Александровичу не довелось съездить в Германию. Смерть супруги, а потом единственного сына выбили его из жизненной колеи. И он безвременно угас.

Но удалось при его жизни восстановить фронтовые заслуги и права как незаконно репрессированного. Меня в то время избрали народным депутатом горсовета. Я сделал официальные запросы, обратился в нужные инстанции.

А к семидесятилетию мастера-наставника, осенью 1991-го, обратился к тогдашнему председателю Союза театральных деятелей, народному артисту СССР Михаилу Ульянову. Михаил Александрович прислал Сысоеву официальное поздравление. Юбиляр и все в народном театре удивлялись этому. Я, конечно, промолчал, чтобы не уменьшать радость праздника. Получилось, как будто Ульянов сам проявил эту инициативу. Это же было справедливо! Но Сысоев мудро и лукаво на меня поглядывал при этом: дескать, Женя, спасибо, но меня не проведёшь! Кстати, почти в это же время М. А. Ульянов помог мне ещё в одном добром деле: в организации вечера памяти легендарного мецената Саввы Морозова во МХАТе имени Чехова 29 февраля 1992 года. Эту инициативу поддержал, конечно, и художественный руководитель театра Олег Николаевич Ефремов... Но это уже другая история.

А Николай Александрович и вправду заслужил высокое внимание. Актёр десятки лет играл в театрах России, всего более ста разноплановых ролей – и комических, и трагических. Как-то я спросил у своего земляка народного артиста России Виктора Ивановича Сухорукова, помнит ли он Сысоева. И он, сразу оживившись, добром помянул учителя.

ЭТО БЫЛА СУДЬБА

В то время, когда я списывался с фермерами из далёкой Германии, в том самом селе Фреклебен жил простой инженер Конрад Гарниш. Он на какое-то время оказался тоже связующим звеном между мной и знакомыми фермерами Николая Александровича.

Из переписки с Конрадом я узнал и его историю. Оказывается, Гарниш побывал у нас в плену на территории Украины, в какой-то «Голубовке», был ранен, содержался в спецлазарете. Десятки лет ему не давала покоя мысль встретить врача Нину, которая его выходила. Сколько таких Нин по России, где ж её отыскать? Пришлось обращаться в архивы, в ФСК (Федеральную службу контрразведки), к коллегам-журналистам на Украине... Семидесятилетняя врач Нина Агеева нашлась в городе Кировске Луганской области (преобразован в город в 1962-м из Голубовского района). К слову, после войны в состав города вошёл рабочий посёлок Рудник Голубовский. А соседнее село Голубовка по-прежнему существует самостоятельно. Вот и путался много лет в названиях местных «Голубовок» немец Гарниш, посылая обращения на территорию Украинской ССР в поисках «любимого врача».

Короче, после переписки с Конрадом встретились они на её родине. Через московскую племянницу врача я потом узнал, что вдовый Конрад приглашал врача Агееву к себе домой, предлагал руку и сердце... Дальше не знаю.

А со мной другое случилось. После окончания школы я не только в любительскую сцену погрузился, но и с головой в общественную работу. Тогда этим никого было не удивить. То в комсомоле, то в краеведении, то депутатом местным работал. На радиовещании – корреспондентом, потом – в многотиражке текстильного комбината и производственного объединения «Ореховоторф». В лихие девяностые стал свободным художником. Друзья затянули. Убедили: что в многотиражке сидеть, давай в бизнес! Попробовал. На рынках торговали. Челночили в Польшу, привозили музыкальную аппаратуру. В это время мой друг-одно-

классник, работавший в оборонке, из-за долгой задержки зарплаты не мог собрать деньги на памятник отцу, бывшему заместителю главного конструктора известного в городе оборонного предприятия. Я и друга с собой брал на рынок, где он тоже смог заработать, сколько хотел...

Дел у меня всегда хватало. Успел и в местных администрациях поработать, в пресс-службе (правда, недолго), в системе образования. Не было только времени на личную жизнь.

В душе однажды ёкнуло. Родители стареют. Я тоже всё ближе и ближе к полтиннику.

Пошёл к духовному отцу в православный старообрядческий храм. Говорю: батюшка, так, мол, и так. Устал я от мирской жизни, личная не получается. Благослови в монастырь. Духовный отец объяснил: монастырь – это не церковь. Захотел – пришёл, захотел – ушёл. Не благословил!

Я в сорок восемь решил: пора, мой друг, бежать вслед уходящему поезду! Вдруг успею заскочить в последний вагон? Ушёл из администрации в свободное плавание, дали мне хорошее пособие, позволившее полгода жить-поживать безбедно.

Стал я больше заниматься творчеством, зарегистрировался на сайте «Стихи.ру».

В новой поэтической стихии появились новые друзья и знакомые. Среди них – двадцатилетняя поэтесса с Донбасса Екатерина. Больше года переписывались, обменивались впечатлениями, стихами, прозой, созванивались... А потом решили очно познакомиться. Было это жарким летом 2010 года. Я поехал со старшим другом (ныне покойным), замечательным поэтом, уроженцем города Дзержинска Горьковской области (его детство прошло в пушкинских местах, в селе Итманово Лукояновского района Нижегородской губернии), бывшим капитаном Вооружённых сил СССР и военным корреспондентом Семёном Булаткиным в Донецкую область. Свататься! Получилось! Судьба!

С тех пор живём с Екатериной вместе. Кстати, тем же летом 2010 года и обвенчались. Взял на себя эту миссию мой духовный отец иерей Леонтий Пименов, знавший меня до этого почти четверть века (с 1986-го). А официально

расписались мы только осенью (обычно бывает наоборот). В загс, как известно, тоже очередь.

Живём – хлеб жуём. В пятьдесят с Божьей помощью впервые стал отцом. Второй сын у меня родился в день моего ангела, 26 декабря 2019 года, когда мне уже исполнилось пятьдесят восемь.

У нас с супругой два сына: Арсений (десять лет) и Артемий (три года). До сих пор с Екатериной не бросаем творчество – пишем стихи, прозу, занимаемся краеведением (Катя тоже полюбила это дело). Родители супруги успели перед известными событиями 2014 года перебраться из Донбасса в Россию...

Да, забыл сказать. Мы с супругой ещё в 2011 году смогли побывать на Луганщине на могилке того самого врача Нины Николаевны Агеевой, выходившей пленного немца Конрада Гарниша и ещё десятки таких, как он. Выходит, в Германию она не поехала. Решила остаться у себя на родине. Что ж, это была её воля.

А у меня своя судьба.

В своё время бабушка Мария Николаевна, мама моей мамы, долгие годы дружила с тётей Галей из Украины, та часто приезжала к нам в Орехово-Зуево. Но в те годы и гораздо позже я и вообразить не мог, что моей законной супругой будет украинка с Донбасса с корнями из донского казачества. Хотя и мои прапрадеды-староверы, «раскольники», как удалось узнать, тоже были казаками и ходили под знамёнами Степана Разина и Кондратия Булавина...

Вот такая она, Земля, круглая. Всё возвращается на круги своя. И добро, и зло.

15 декабря 2020 года. Первый мой день рождения без мамы.

После долгих дней бесснежья выпал белый очаровательный снег. Это подарок от неё! Она всегда мне с уверенностью говорила: «Сыночек, на твой день рождения будет снег». Шёл он и 15 декабря 1961 года, когда моя мама со своей мамой, моей бабушкой Машей, шли пешком в родильный дом по центральной улице города. Кружился невесомый вестник моей будущей жизни.

За добрую судьбу благодарю Господа Бога и родителей. Царствие им Небесное!

Николай МАКАРОВ

...В восьмой класс я перевёлся в школу № 8 города Мичуринска. Вырос из детских штанишек, и на семейном совете решили: учиться старший сын должен в городе. Жил сначала два года у одной, потом ещё два года у другой бабки.

Да, что удивительно (не забыл, вспомнил): в первую смену мне пришлось учиться только в первом классе и второе полугодие одиннадцатого. Остальное посещение школы – только вторая смена. Кого как, а меня вполне устраивал такой расклад.

В школе был только один выпуск одиннадцатилетки – наш. До нас, с нами и после нас учились десять лет. В институтах оказался двойной наплыв абитуриентов. Пережили.

Какие запомнились события этих четырёх городских школьных лет?

Вкратце, штришками изложу воспоминания тех далёких дней второй половины двадцатого века.

...Первый урок в новой школе – физика. Преподаватель Алексей Иванович Головин – псевдоним Голова (не из-за фамилии; он всем ученикам за удачный оригинальный ответ

говорил: «Это – голова!»). И на первом уроке он задаёт на дом смастерить – ни много ни мало – перископ (!).

Ничего оригинального не придумав, я склеил из ватмана квадратную трубу, с обеих сторон приклеил зеркала под сорок пять градусов; хотя и примитивный, но перископ получился. С портфелем в одной руке и перископом в другой иду в школу, на полдороге меня догоняет Генка Шелудько и просит уступить перископ, его он отдал Голове. Я ничего против не имел, тем более что парня знал ещё до перехода в городскую школу: наши родители дружили ещё с института.

– Вот, Алексей Иванович, – протягивая перископ преподавателю, заявляет Шелудько. – Мы с Макаровым сделали.

Как выяснилось, это оказался единственный перископ на два восьмых класса. Тут же вспомнилась родная сельская школа: получили такое задание – все бы пацаны, да и некоторые девчата показали бы на следующем уроке свои изделия. Генка Шелудько получил свою первую пятёрку по физике – и, как оказалось, единственную до окончания школы...

...Первая тренировка по бегу со сборной восьмой школы. Разминка, то да сё – как обычно. И контрольный, определяющий состав на

предстоящую городскую эстафету, забег. Забег с общего старта на 300 метров – три четверти беговой дорожки стадиона. Фаворит, ясное дело, десятиклассник Славка Марухин, да и остальные бегуны выглядят солидно по сравнению с восьмиклассником, прибывшим из сельской школы.

Понятия не имея о силе бегунов своей новой школы, со старта пристраиваюсь в замыкании группы. И держусь из последних сил до финишных 40–50 метров. Видя финишную ленточку, рванул что было сил, обходя всех чуть ли не по бровке, и на корпус опередил самого Марухина.

– Негоже так обгонять лидеров, – не дав отдышаться, обступили меня соперники.

– В беге, – подытожил тренер Анатолий Сергеевич Григорьев, – любая тактика хороша, когда ты приходишь первым к финишу. Так бегал и Пётр Болотников, правда, на длинные дистанции.

С этого забега и определилось моё постоянное место в нашей школьной команде до самого выпуска.

...В девятом классе перед майскими праздниками мне предложили принять участие в проведении велосипедных гонок по улицам Мичуринска, более того, быть судьёй на одном из поворотов трассы, пообещав за каждую из двух гонок по десять рублей (огромная сумма по тем временам, тем более для школьника).

Задолго до первого автобуса, часа в четыре, занимаю своё место на самом дальнем перекрёстке, предварительно получив «ЦУ» и «ЕБЦУ» (ещё более ценные указания) от тренера школы Николая Петровича Сабитова, мастера спорта по велосипедным гонкам:

– Ты, это, чтобы отмечал нас как положено, даже если мы и не проедем мимо тебя. Понял?

«Нас» – это самого Сабитова, Колбасу (десятиклассника Колбасова, мастера спорта) и Генку Шелудько (моего одноклассника, первоурядника).

Проехать или промчаться мимо меня можно было, срезав большой угол, обогнув приличный скверик с другой стороны.

Завтра – опять гонка, завтра – опять судейство. Сдаю подписанные протоколы главному судье и жду обещанное вознаграждение за добросовестно проведённое судейство. Проходит неделя, месяц, закончились летние каникулы, закончилась первая четверть десятого класса, подходят новогодние каникулы и... И меня вызывают в городской спорткомитет, а я давно уже забыл о каких-то там двадцати рублях полугодовой давности. Прихожу в комитет. Направляют в кассу. Кассирша извиняется за долгую задержку выплаты причитающегося честно заработанного гонорара, протягивает мне раздаточную ведомость и две хрустящие, только что из-под станка, десятирублёвки...

Через год только узнал, что глава горспорткомитета и иже с ним попали за решётку за свои финансовые махинации.

...В девятых – одиннадцатых классах мы четыре дня учились в школе, а два (вторник и пятницу) из нас готовили автослесарей и шофёров-профессионалов. Три года мы посещали занятия под опекой Леонида Антоновича Казакевича, нашего руководителя производственного обучения, из Мичуринской автотранспортной конторы. В основном были на подхвате: пойди, принеси, подкрути, помоги, а то и просто без дела шатались по территории автобазы. В десятом сели за руль подаренного школе автобазой грузовика – старенького ГАЗ-51. Зимой в одиннадцатом классе, ближе к весне, нас распределили для практического, почти самостоятельного вождения по штатным машинам, к настоящим водителям в качестве бесплатного приложения. Мне и Генке Шелудько (впоследствии – капитану Советской армии, погибшему при невыясненных обстоятельствах в конце семидесятых) достались самосвалы – ЗиЛ-130. Мы – за рулём. Шофёры мирно дремлют рядом, изредка направляя на истинный путь, т. е. правильную дорогу. В основном возили уголь по городу, по официальным документам, не более трёх ковшей экскаватора.

За город, по деревенским халтуркам, – восемь (!) ковшей, не меньше. Рессоры прогибались в обратную сторону. Вот это и были (а

прерывались ли они когда-либо?) рыночные отношения во всей своей подпольной красе.

...В апреле – экзамен. Вначале по слесарному делу. Из нас всех (пятерых из 11-го «Б» и двенадцати из 11-го «А») только двое-трое (не помню точно, тем более что слесарное дело нас, мягко выражаясь, не прельщало) сдали на третий разряд. Остальным, и мне в том числе, выдали документ с гербовой печатью: «свидетельство о присвоении квалификации» слесаря-авторемонтника второго разряда. Во как!

Затем – экзамены непосредственно на водителя. Но прежде чем продолжить рассказ, парой слов вернусь на год назад, в шестьдесят пятый. Внимание! 14 апреля 1965 года мне вручили «удостоверение № 9756» – водителя (ещё раз – особое внимание) велосипеда. Владелец этого удостоверения имел право управлять только велосипедом – и не дай бог мопедом или каким-либо гужевым (лошадь, верблюд, осёл, слон, буйвол) транспортом. Повеселились? А вы как хотели? Поехали дальше...

В первую очередь сдавали теорию (собрали нас, таких бедолаг, со всего города). Впервые в истории Тамбовского ГАИ сдавали по трафаретной системе: вопрос и три-четыре ответа, один из них правильный. Всего десять вопросов. Ответившие на 9–10 вопросов получали, при успешной сдаче вождения, права шофёра-профессионала третьего класса (категории «В», «С» – по-нынешнему); ответившие на 8 вопросов – водительские права шофёра-любителя (категории «В»).

Результат был ошеломляющий. Потряс всю нашу школу. Из семнадцати (пятерых нас, т. е. «бэшников», и двенадцати «ашников») только Виталька Аносов, неформальный наш лидер, чемпион города по десятиборью и прыжкам в высоту, ответил правильно на все десять вопросов и успел заполнить карточку-трафарет Генки Шелудько на почётные любительские восемь ответов; мой ответ потянул на «золотую середину» – девять правильных ответов. Остальным пришлось расстаться с мечтой о получении водительских прав. Ну а практическое вождение сдать было делом техники. Тем более что техника была наша – школьный ГАЗ-51.

...Одиннадцатый класс. 11-й «А» – двенадцать юношей, двадцать три девчонки. 11-й «Б» – пятеро парней, двенадцать девчат. «Несправедливость», неравенство разделения объясняется размерами классных комнат. Никакой: ни расовой, ни половой – дискриминации и в помине не было.

Первое сентября. Урок физики. Учитель – Алексей Иванович Головин. У доски (обычное явление на его уроках) пять-шесть человек. Мне достаётся самое «простое» задание – написать все (это после летних-то каникул?) формулы из физики – из трёхтомника Пёрышкина, – какие я знаю, какие помню, какие люблю, желательно – побольше, в идеале – все. Я и написал. Все! Нинка Емельянова, сидя на первой парте, аккуратно, не спеша перелистала все три тома Пёрышкина от первого до последнего листа. Все формулы были написаны. На доске. За спиной учителя. Отметка – «хорошо», четыре балла то есть. Почему?

...Второй урок физики в 11-м «А». Аналогичное задание получает будущий серебряный медалист Толя Савилов, любимец физика. И конечно, из-за отсутствия подручных средств пишет только половину формул. И получает, соответственно... «отлично», пять баллов то есть. Почему?

– Примета такая, – объяснил нам на большой перемене физик. – Первая поставленная мной в учебном году отметка должна быть четвёркой. Тогда и весь год будет удачным. А напиши Макаров (то есть я) всего одну формулу, результат был бы тот же самый – «хорошо».

Где логика? А нужна ли она? Мистика? Но год-то прошёл вроде бы неплохо: войны-то не было...

...На выпускном вечере мне было высказано, с размахиваниями перед моим лицом четырьмя парами кулаков, всё, что обо мне думают мои одноклассники. Из 11-го «Б» класса. Виталька Аносов. Сашка Летуновский. Славка Лошаков. Генка Шелудько. И свою лепту в эти высказывания вносила наша классная руководительница Людмила Степановна Гаврилова. Как это так: у 11-го «А» – одна золотая (Ритка

Бочарникова) и целых четыре серебряные медали, а у нас, у 11-го «Б», – всего две золотые (Клавка Шарова и Лидка Кузнецова).

Мол, ты (то есть я) о чём думал, куда смотрел – всего четыре четвёрки в аттестате (для «серебра» нужно было две четвёрки); не мог, что ли, поднапрячься, поднатужиться и в последнем полугодии и на выпускных экзаменах дотянуть, дожать, добить, додолбасить несчастные эти две четвёрки до пятёрок?! Не мог!

Четвёрка по русскому, четвёрка по литературе, четвёрка по английскому, четвёрка по химии.

Русский и литература. Отец – литератор. Уйма прочитанных книг. Большая домашняя библиотека. Устный ответ – законные пять баллов. Сочинение – «четыре», как ни крути, изредка за содержание – «пять».

Английский язык. В селе преподавался через пень-колоду. В общей сложности в пятом-шестом-седьмом классах не наберётся и двух полнокровных четвертей изучения английского языка. Не ехали почему-то в наше село «иностранки» – дефицит их был. Плюс к этому: полное отсутствие способностей к языкам.

Химия. Учебник знал наизусть. Переписывал по десятку раз все химические законы и формулы. Устно – «отлично». Контрольная – «три-четыре». Непонятки какие-то. Не лезла в меня химия. Кошмар да и только.

Первый экзамен – сочинение. Классная передаёт слова директора школы Александры Петровны Буданцевой, что если сочинение мной будет написано на «пять-пять» или на «пять-четыре», то они подумают о моём «серебре». С натягами, с переписыванием сочинения, с трёхкратной его проверкой всеми «русачами» школы, кое-как вышли на рубеж: русский – «хорошо», литература – «отлично». Заветные «пять-четыре». И отослали работу, наряду с другими претендентами на медаль, в вышестоящую инстанцию. В гороно (городской отдел народного образования). Результат известен. Не плачевный, однако.

После вступительных экзаменов в институт я впервые в своей жизни применительно к

себе понял библейское высказывание «что ни делается, всё к лучшему». Получи я медаль, попал бы в такую передрыгу с самых первых институтских шагов... лучше не ворошить, тем более не стоит прибегать к сослагательному наклонению в реальной жизни...

...Черчение. Высший пилотаж! В девятом классе – «мясорубка». Чертежи каждой детали. Чертежи всего агрегата. В трёх проекциях. Сборочный чертёж. Сборочный с разрезом. На миллиметровке. На ватмане. Карандашом. Тушью. «Отлично». В десятом классе – какой-то замысловатый «вентиль».

Ситуация повторяется. Одиннадцатый класс. Четыре «халтуры» – четыре чьих-то диплома о высшем образовании. В чертежах. Толстые папки чертежей. Тушью. На ватмане. Честно заработанные деньги...

...Второй выпускной экзамен. Алгебра, устно. Захожу за Виталькой Аносовым. Заплаканная мать. Потерянно-раздавленный отец. Сына забрали в милицию. Ударил вчера около своего дома, сидя на лавочке, пьяного прохожего, ткнувшего зажжённой сигаретой в шею его будущей супруге Людке Орловой из 11-го «А», с отягчающими обстоятельствами: перелом ключицы и прокурорский родственник у этого пьяницы.

Поднялась вся школа. Вся общественность. Включились видимые и невидимые рычаги и рычажочки. По подписке о невыезде освободили моего друга до суда, дали сдать выпускные экзамены. Потом суд. Условный срок. Апелляция «потерпевшего». Областной суд. Вердикт первой инстанции остаётся в силе...

...За всю мою жизнь меня ударили (физически ударили) всего один раз. Ударили сзади. Неожиданно. Подло. По уху. Без причины ударили. При Алке Беляевой из 11-го «А», первой красавице школы, которую я провожал после последнего сеанса из кинотеатра «Октябрь». Ударили. Обогнали нас. И убежали. Подло ударили. И подло убежали.

На следующий день, видя мой заплывший правый глаз и содранную кожу около уха, мой

двоюродный брат Валерка Макаров, в определённых кругах пользовавшийся должным влиянием, быстро разобрался в совершившемся несправедливом, не по понятиям, безобразии.

Кто инициатор? Кто исполнитель? Кара последовала незамедлительно и в более жёсткой форме. По понятиям.

И небольшое резюме: не зная, кто перед тобой, вначале подумай о возможных последствиях...

...Сентябрь тысяча девятьсот шестьдесят пятого года. Панский лес на окраине Мичуринска. Кросс! День кросса в нашей школе. Самой спортивной школе города. Кульминационный забег. Последний. Бегут старшекласники. Спортивная элита школы и города. Одна тысяча метров. Километр. По пересечённой лесной местности. По лесу. По лесной тропинке. Узкой тропинке, по сторонам которой сплошной частокол молодого дубняка. Пятьсот метров затажного, прямо со старта, тягуна и пятьсот метров в обратном направлении, по другой тропинке, пологого спуска.

Одна тысяча метров общей дистанции. Кросс.

В нашем 11-м «Б» – трое спортсменов: Аносов – десятиборец, первый разряд; Шелудько – велосипедист, первый разряд; Макаров – чистый спринтер, первый разряд. В 11-м «А» и в обоих десятых – все средневики, второй-первый разряд на 800–1500 метров. Особенно силен Мишка Белов из параллельного класса, фаворит нынешних соревнований. Да и другие под стать ему.

На победу у нас троих не было никаких шансов. Даже на призовое место нет надежды. Ни наш тренер, Анатолий Сергеевич Григорьев, ни наша классная, ни наши школьные подружки – никто в нашу победу не верил. Тем более остальные болельщики, ясное дело, тоже не верили. Не принимали нас даже в расчёт. Вошли бы в десятку – и то хорошо. Ишь, победы им захотелось! Но все забыли, что у Шелудько пятьдесят процентов хохляцкой крови, а посему в его голове рождается авантюрный план. Рвануть со старта изо всех сил. Рвануть на тя-

гун! Изо всех сил. Двое впереди, перекрывая сопернику возможность обгона. А третий нога в ногу, не отставая, буром прёт за ними. Чтобы при переходе на вторую половину трассы вырваться из-за их таранных плеч и лететь по пологому склону к финишу. Хватит или не хватит сил у этого третьего – никого не волновало. Хватит! Хватит сил! Чтобы первому разорвать финишную ленточку (хотя вторые-то никогда и не рвут никаких финишных ленточек)...

Финишную ленточку я рвал в полубессознательном состоянии. Задыхаясь от нехватки кислорода. На верхней ступеньке пьедестала мы стояли втроём...

...Десятый класс. Больница. Земская (с того давно канувшего в лета девятнадцатого века). Мичуринская больница. Её до сих пор так и называют: «земская». Я лежу в палате «косарей» и «глухарей». Палата большая. На двадцать человек. Слева – глазные больные. Справа – больные «ухо-горло-нос». Меня в больницу направил военкомат. У меня больные глаза. С самого раннего детства (может, осложнение после дифтерии, может, ещё что).

Больные глаза с неустановленным диагнозом, кстати. Где только меня не обследовали. Мичуринск. Тамбов. Симферополь. Рязань. Томск. Москва – Институт глазных болезней имени Гельмгольца.

И нигде не был поставлен окончательный диагноз. Вроде – это? Или – то? А может – другое?.. Все лекарства, применявшиеся при лечении глазных болезней, прошли через мои органы зрения. Толку никакого. Незначительные улучшения... незначительные ухудшения... И, не мудрствуя лукаво, призывная комиссия выносит вердикт.

По статье 88 «Б» (помню до сих пор эту статью) «Расписания болезней» (тогдашнего «Расписания»): «Не годен в мирное время, ограниченно годен в военное». Гербовая печать. Подпись... Приплыли! «Волчий билет»! Он мне потом, этот «волчегодник», изрядно попортит нервы. А сейчас – билет, так себе билет: ни к чему не обязывающая бумажка...

...После выпускного вечера мы с ней обменялись часами. Под утро. На берегу речки Лесной Воронеж. Мокрые после купания и с песком в непромытых волосах. Я ей – свою «Неву», она мне – свою золотую «Зарю». В залог нашей, до гробовой доски, любви. Вместо Ольги Ерохиной, как и моя младшая сестра, она стала Ольгой Макаровой. Но фамилия у неё была не моя. Моего однофамильца. А я забросил её золотую «Зарю» в речку. В Лесной Воронеж. В том месте, где за два года до этого мы голые купались после выпускного бала...

...Электричество. Моё тесное (очень даже!) знакомство с электрическим током случалось трижды. До трагедии дело не доходило. Но...

...Где-то году в пятьдесят шестом – пятьдесят седьмом наше село радиофицировали. К каждому дому, к каждой избе подвели провода, и мы стали чуть-чуть ближе к цивилизации двадцатого столетия. Электричества, понятное дело, ещё не было. Не было и лучин, не было свечей. Были керосиновые лампы. Трёх-, пяти-, семилинейные (что это за такие «линейные» – я до сих пор не знаю).

Так вот, с радиопроводкой начались эксперименты. Пробую взяться рукой за вилку, включённую в розетку радиоточки. Никакого эффекта. Никаких последствий. Тока, что ли, нет? Но радио-то говорит. Значит – ток есть! Но маленький.

А не попробовать ли вилку языком? Подумано – сделано! Ведь умудрился каким-то образом языком замкнуть оба штырька вилки...

Замкнул! И получил такой удар по мозгам, что летел со стула метра три. Лёгкие ушибы, незначительные синяки и на всю жизнь обеспеченное «табу» на всевозможные вилки и розетки.

...Шестьдесят шестой год. Май. Девятое число. Праздник Победы! Великий праздник! Мичуринск. Дом дяди Саши, младшего брата отца. С улицы открываю калитку, и... мимо меня, выпущенный как из катапульти, что-то орущий, в эту самую открытую калитку пролетает мой двоюродный брат Валерка и падает в протекающий рядом ручей, перелетев заодно и тротуар. Что же произошло? Вырисовывается картина. Прекратила вдруг звучать из радиоприёмника бравурная

музыка. Причину обнаружили быстро. В розетке отошли контакты, а под рукой не оказалось ни отвёртки, ни пассатижей. И Валерка полез зубами (!) откусывать изоляцию на проводе. Всё бы ничего, но забыли выключить рубильник на щитке... И пришлось брату совершать беспрецедентный полёт с табуретки в ручей. Шесть с половиной (мы измерили) метров он пролетел после знакомства с электрическим током. Без каких-либо последствий. Не считая небольшого потрясения и мокро-грязной одежды. А если бы не было меня? Если бы я не открыл калитку за мгновение до его полёта? Невероятное совпадение...

Мистика?..

...Наша – восьмая – школа в Мичуринске считалась одной из самых спортивных школ города. Борьба за призовые места в основном шла между нашей школой, 1-й городской и 79-й железнодорожной со станции Кочетовка.

Между окончанием экзаменов на аттестат зрелости и выпускным вечером разыгрывался кубок города по лёгкой атлетике. Наши тренеры – Анатолий Сергеевич Григорьев и Николай Петрович Сабитов – собирались сдавать свои госы в Смоленске. А тренерскую ответственность возложили на меня и Витальку Аносова, причём обязали не только показать высокие результаты по своим дисциплинам (100 метров, прыжки в длину, эстафета 4 x 100 метров – у меня; прыжки в высоту, восьмиборье, эстафета 4 x 100 метров – у Витальки), но и настроить на победу остальных участников нашей команды.

К окончанию первого дня соревнований команда восьмой школы лидировала с большим отрывом, но... Когда же они кончатся, эти «но...»?

На четвёртом виде – прыжки в высоту – наш восьмиборец повредил левый голеностоп. Хорошо, что к этому времени успел выиграть свой коронный вид – эти самые прыжки в высоту.

Поражение команды? Отнюдь... Идём с прихрамывающим Виталькой к главному судье и объясняем ситуацию, хотя судья и сам видел получение этой травмы. Дескать, разрешите второй день восьмиборья закончить Макарову вместо Аносова?

– Как тренеры других школ?

Тренеры других школ не возражали, зная, какой из меня восьмиборец, предчувствуя наше поражение: максимум, и то с натяжкой, третье место.

На следующий день первый вид восьмиборья – прыжки с шестом, о которых я имел только теоретические познания. Немного потренировавшись с дюралевой машиной, кое-как уложился в зачётную высоту. Далее – проще, но оставался последний вид восьмиборья – 800 метров, два круга вокруг футбольного поля.

– Ты только добеги до финиша, – напутствовал меня травмированный тренер.

Тем более перед этим, выиграв в ослабленном составе эстафету 4 x 100 метров, наша команда, к удивлению всех, только упрочила лидирующее положение.

Я, конечно же, добежал, добежал под свист и смех болельщиков, видящих моё телепание по беговой дорожке, особенно на втором круге.

Но тем не менее кубок стал нашим. (Это – хорошее, даже отличное «но»!) Кубок-то – у восьмой школы.

...У младшего брата отца, моего дяди Саши, жена – для меня тётя Клава – работала проводником на поездах, следовавших через Мичуринск в Москву и в обратном направлении: Тамбов, Камышин, Ейск. Из рейсов она привозила различные деликатесы и дефицитные товары. В том числе и денатурат для керогаза. Обычно в керогазах, как и в примусах, и в керосинках, использовали керосин, но денатурат оказался намного дешевле. Каждый раз, возвращаясь из Москвы, она ухитрялась привозить ящик этого денатурата – жидкость голубоватого цвета в стеклянных пол-литровых бутылках (двадцать штук), запечатанных сургучной пробкой.

Если такого литража керосина хватало на долго, то десять литров (двадцать бутылок по 0,5) денатурата «испарялись» аккурат до следующего возвращения из поездки тёти Клавы.

Ларчик открывался просто: в керогаз заливался заранее купленный и припрятанный обычный керосин, а дешёвый семидесятиградусный денатурат использовался дядей Сашей с товарищами вместо сорокаградусных алкогольных напитков.

И никто не травился – сделано-то в СССР!

...В девятых – одиннадцатых классах в школах ввели производственную практику: два раза в неделю ребята занимались на подшефной автобазе, девочки – на швейной фабрике.

Преподаватель у нас – Леонид Антонович Казакевич, заместитель начальника автобазы по каким-то вопросам. И если на практические занятия мы все ездили на автобазу, то на теоретические он сам приезжал в школу на старом-престаром, первого послевоенного выпуска, «Москвиче».

Как-то раз, видя из окна, что «Москвич» Антоныча стоит напротив школы, пять лоботрясов (столько ребят числилось в классе «Б»), быстренько облетев этот «чёртов пылесос», перенесли его на противоположный тротуар, замаскировав за кустами и деревьями.

Сколько было шума, воплей, стенаний, разборок и т. д. и т. п.!

Пришлось нам на следующей перемене восстанавливать статус-кво, перенести машину на старое место.

...В девятом классе, живя у бабы Фани, начиная с сентября начал ходить купаться на протекающую в ста метрах от дома реку Лесной Воронеж.

Если наш сосед (ветеран войны и друг отца) с женой ходили на речку по утрам, то я предпочитал перед занятиями в школе. Ходил окунаться с каждым осенним днём во всё холодеющую воду. За неделю до октябрьских праздников даже пришлось разбивать прибрежный лёд.

На осенние каникулы поехал к родителям в родное село Ново-Тарбеево с твёрдым решением продолжить купание в реке после каникул.

Проснувшись утром десятого ноября, с ужасом констатировал сильную боль в горле, особенно при глотании, плюс жар во всём теле. Вердикт врача в детской поликлинике «катаральная ангина» перечеркнул все мои планы по продолжению водных процедур в реке.

Но с тех пор каждый день по утрам становлюсь под двух-трёхминутный ледяной душ и также с тех пор ни разу не болел ангиной.

*Незабвенной памяти матери моей
Анне Михайловне*

Александр АЛЕКСАНДРОВ

Оттрещали крещенские морозы, отплясали по деревенским улицам вьюжные метели, тихо и как-то торжественно вступила в свои права Масленица.

По вечерам за околицей в разных концах деревни Каськи вспыхивали праздничные костры, вокруг которых собирались старые и малые.

Парни-подростки, показывая перед девчатами свою молодецкую удаль, поочередно перепрыгивали через костёр, а те визжали, смеялись, хлопали в ладоши, ещё больше подзадоривали своих будущих женихов.

Праздник в разгаре, и вот уже на хуторе послышалась всем знакомая мелодия песни «Шумел камыш»... На время люди забыли про свои ежедневные заботы, отдаваясь весёлому настроению. Все жили в преддверии чего-то но-

вого, поэтому радовались не только наступившему празднику, но и предстоящей весне, которая была уже не за горами. Но природа от зимней спячки пробуждалась медленно. По ночам мороз продолжал разрисовывать сказочными узорами стёкла оконных рам, словно хотел оставить о себе добрую память. Под полозьями саней припозднившегося возницы было слышно, как с надрывом ломаются ледяные корочки, прихваченные лёгким морозцем. Кошки на своих шумных свадебных гульбищах всю ночь напролёт не переставали носиться по чердакам и до самого утра, в диком неистовстве вольной кошачьей жизни, распевали свои мелодии, не давая хозяевам спать. А днём, когда начинало пригревать солнце и с крыш робко срывалась первая капель, радовались все. Даже вездесущие воробушки, порхая и чирикая, купаясь в солнечном пруду,

старательно стряхивали со своих сероватых пёрышек залежалую зимнюю пыль.

* * *

Волков развелось много. Они безнаказанно почти каждую ночь делали набеги на колхозные фермы или забирались в чьи-нибудь плохо закрытые сараи, уничтожая последнюю живность.

«Обнаглели совсем окаянные, никакой управы на них нет», – ворочаясь с боку на бок, перед сном думала Нюрка.

За ночь раза два она слезала с печи, набрасывала на плечи рваную фуфайку и в исподнем белье выходила на улицу к спящей во дворе скотине. Стоя на крыльце и наслаждаясь окружающим безмолвием, шептала: «Тишина-то какая, и весной уже припахивает».

И то ли от предстоящего весеннего ощущения, то ли оттого, что, по слухам, скоро кончится эта проклятушая война, а может, от осознания лучшего будущего к ней незаметно подступала душевная умиротворённость.

В сарае было тихо, и только изредка оттуда доносились редкие вздохи коровы да тихий гогот сонной гусыни.

«Слава богу, время потихоньку близится к теплу».

Чутко прислушиваясь к ночной безмятежности, Нюрка смотрела, как тополиные ветки со свисающими на них ледяными хрусталиками, словно переговариваясь между собой, медленно раскачивались от лёгкого дуновения ветра, наполняли ночное пространство лёгким серебряным перезвоном. Луна скользила по бесконечному небосводу, освещала притихшую, безмолвную, укрытую сугробами деревню. Редкие снежинки осторожно, как бы пробуя на прочность земную твердь, тихо падали на землю, покрывая её свежим пушистым одеялом. С улицы уходить не хотелось, но холод заставил Нюрку вернуться в тёплую избу. Быстро сбросив с себя фуфайку, она забралась на печь и только успела подумать, что пора бы уже завтра из кладовой занести в избу ткацкий станок, как верная подружка темна ноченька нежно подхватила её и повела от всех житейских забот в далёкую, неведомую ей страну на свидание с мужем.

* * *

...Она шла босиком по бесконечным просторам заливных лугов, усыпанных цветами, а над этими переливами разноцветья сияло голубое, без единого облачка, прозрачное небо. В предчувствии скорой встречи с любимым сердце с каждым шагом билось всё сильнее и сильнее, ведь где-то совсем недалеко, там, за следующим поворотом, её ждёт Гришанька.

И тут Нюрка поняла, что вовсе не идёт, а летит над утопающими в цветах лугами, которые, переливаясь радужным великолепием, приглашают гостью стать частицей этого сказочного видения. И она не противилась, зная, что именно природа наделила её мудростью и долготерпением.

Именно сейчас она вспомнила, как совсем ещё молоденькой девчонкой в лёгком ситцевом платьишке на виду у всей деревни с замиранием сердца шла на первое свидание туда, где с вечера до поздней ночи хороводили на лугах парни и девчонки. С тех пор времени минуло немало, но чувство к любимому человеку не ослабело, а наоборот, с каждым годом вынужденной разлуки становилось сильнее и сильнее.

Чистота любящей души, чувственное отношение к жизни – всё это помогало ей справляться с невероятными ежедневными трудностями. Вместе с детьми держаться на плаву, не забегая вперёд и в то же время стараясь не отставать от других. Она готова была преодолеть все жизненные препятствия, выпавшие на её женскую долю, лишь бы сейчас на короткое мгновение встретиться с любимым, обнять и сказать ему, чтобы он ни о чём не беспокоился, что дети одеты-обуты и с нетерпением ждут его скорейшего возвращения домой.

* * *

Гришанька предстал перед нею неожиданно – молодой, в военной форме, опоясанный ремнём, в хромовых сапогах, ну точь-в-точь такой же, как на последней, присланной в письме фотокарточке. Он стоял и улыбался, его улыбка говорила: «Потерпи, милая, ещё чуток, я понимаю, как тебе трудно, но время уже работает на нас, война скоро кончится».

Разговаривая с любимым, Нюрка только сейчас обратила внимание, что стоит перед мужем в залатанной и перелатанной посконной исподнице. «Да что это я юбку-то не надела, ту, которую специально берегу к приезду мужа? Теперь он наверняка поймёт, что живётся мне с детьми нелегко».

Но солдат продолжал улыбаться, не обращая внимания на одежду жены. Нюрка успела заметить, что на его гимнастёрке медалей стало больше, чем на фотокарточке, и они на солнце так сверкают, что их блеск мешает как следует рассмотреть лицо любимого. У женщины перехватило дыхание, и все заранее приготовленные слова вдруг куда-то исчезли. Протягивая руки, она пыталась сказать ему что-то самое главное, обнять, но никак не могла дотянуться, а несказанные слова от волнения застревали где-то глубоко внутри, и, осознавая своё бессилие, она расплакалась.

Плакала безутешно, слезинки тихо скользили по её обветренным щекам и, падая на цветочные лепестки у её ног, сверкали на солнце изумрудными росинками. И кто знает, возможно, с незапамятных ещё времён от пролитых слёз женщин, которые не теряли надежды дождаться своих любимых, растут на земле анютины глазки – цветы, олицетворяющие женскую красоту и преданность...

Гришанька стал удаляться так же неожиданно, как и появился, растворяясь в голубой дымке, оставляя любимую с надеждой на скорую встречу. Испугавшись, что теряет из вида мужа, от волнения Нюрка проснулась и, не открывая глаз, продолжала лежать без движения, находясь под впечатлением увиденного сна.

* * *

Сколько прошло времени, она не знала. На стене мерно постукивали ходики. В избе было темно, пахло сыростью и прохладой. Немного побаливала правая рука, видимо, отлежала... Посапывая, рядом с нею крепко спали дети.

Думая, к чему бы сон, женщина не слышала, как открылась входная дверь и в избу вошла Паранюха, старшая сестра. У Нюрки было две сестры и брат Ванюшка, который, как и все де-

ревенские мужики, воевал на фронте. Вторую сестру звали Марфушка. Все три сестры жили по соседству на одной улице и по возможности помогали друг другу. Паранюха замужем не была, своих детей не имела, но в доме сестёр всегда была желанной гостьей, а дети почему-то все звали её крёстной. Нюрка к советам старшей сестры относилась с большим уважением и всегда к ним прислушивалась. Вот и сейчас, увидев, что хозяйка ещё лежит на печи, прямо с порога сестра ворчливо заметила:

– Долго что-то кирпичи протираешь, – и, не раздеваясь, принялась растапливать железную печку, стоявшую посреди избы. – Скотина не поена и не кормлена, – продолжала ворчать Паранюха, – а она знай себе дрыхнет, словно дел никаких нет! Не пора ли уж в избу ткацкий станок заносить? На ребятишках-то совсем одежонка поизносилась, ходят как бездомные оборванцы...

– Я ещё вчера об этом думала, – донёсся с печи тихий голос Нюрки.

– А коли думала, чего откладывать-то! Давай сегодня занесём, весна уже на дворе, да и рубашонки ребятишкам к Пасхе справить надобно. Опять же, до наступления распутицы, – продолжала Паранюха, – не мешало бы в лес за дровами разочек съездить. Дров-то, как я посмотрю, в запасе у тебя нет. Хочешь детей заморозить?

– Съездить надо бы, – опять послышался с печи голос, – да санки, как назло, поломались.

– У Федорки всегда найдётся отговорка! Если поломались, дак что же, теперича без дров оставаться? Спроси у Гальки, Ванюшкиной жены, у них санки справные, ничего с ними не делается, если пару раз в лес сбегашь.

На этом их разговор на какое-то время прервался, а затем Нюрка, словно сама с собой, снова заговорила:

– Гришаньку во сне только что видела. – И, не дожидаясь вопросов, подробно рассказала увиденный сон.

Паранюха была мастерицей по толкованию сновидений, и, выслушав внимательно сестру, она со всей убедительностью произнесла:

– Хороший сон, Бог даст, скоро объявится твой Гришанька.

– Ох, скорее бы, жду не дождусь, просто не верится!

– А вот это, я тебе скажу, зря, – ответила Паранюха. – Верить надо всегда, без веры человеку жить нельзя! Лучше поднимайся с постели да помолись Богу, а ждать, милая, всегда трудно, особенно близкого человека.

В этот день из кладовой, что стояла неподалёку от дома Нюрки, сёстры занесли в избу огромный ткацкий станок. Сооружение было громоздкое и заняло пол-избы. В свободное от других дел время сёстры поочерёдно садились за ткацкий станок и ткали из суровых конопляных ниток холст. В их умелых руках челнок бегал туда-сюда, словно торопился к Пасхе приготовить обновку для ребятишек.

* * *

День уже клонился к вечеру, когда неожиданно в жизни Нюрки произошло ещё одно важное событие. Почтальон принёс извещение от Гришаньки на получение посылки.

По этому случаю Паранюха осталась ночевать у сестры, чтобы вместе с нею разделить пришедшую в дом радость.

– Не зря сон-то видела, – обрадованно воскликнула Нюрка. – Надо же, прямо в руку дал!

В эту ночь обе сестры не сомкнули до утра глаз, а утром ни свет ни заря Нюрка стала собираться за посылкой. Почта находилась в пяти километрах от Каськов, в татарском селе Бикасаз, и большую часть пути нужно было идти лесом.

– Да ты хоть дрын¹ какой-нибудь возьми, когда лесом-то пойдёшь, – напутствовала Паранюха сестру, – а то волков-то уж больно много нынче расплодилось. Совсем обнаглели окаянные, никого и ничего не боятся. Поговаривают, что даже днём по окрестным деревням рыскают.

Нюрка волков страсть как боялась, но сейчас навряд ли её что-то могло остановить. Она готова была пройти сквозь огонь и воду, лишь бы быстрее получить весточку от Гришаньки, а чтобы успокоить не столько сестру, сколько себя, произнесла:

– Я лесом-то мигом прошмыгну, главное бы, на обратном пути их, окаянных, не повстречать!

К вечеру Нюрка вернулась с посылкой, и, слава Богу, всё обошлось благополучно.

Когда же она вошла в избу, народу набежало полдеревни. Всем хотелось не столько увидеть содержимое посылки, сколько получить возможную весточку с фронта о своих родных и близких.

* * *

Осторожно, ниточка за ниточкой, словно там, внутри, находилось нечто, которое в любую секунду может навсегда исчезнуть, Паранюха, на правах старшей сестры, не спеша начала расшивать посылку. В избе наступила тишина, все взоры были обращены на старшую из сестёр.

Когда же из посылки было извлечено белое шёлковое платье, а затем две губные гармошки, удивлению, оханью и аханью, казалось, не будет конца. Вслед за гармошками Паранюха извлекла ещё два платья, каждое из которых, переливаясь радужными цветами, заполнило всю оставшуюся часть деревенской горницы. Галька, Ванюшкина жена, не выдержала и начала примерять на себя первое попавшееся под руку платье.

– Ой, бабоньки! – воскликнула шаброва² Улька, увидев Гальку в невиданном доселе заморском наряде.

Все находившиеся в избе вдруг замолкли, словно в одночасье разом лишились дара речи, в горнице повисла завораживающая тишина. От неожиданно свалившегося внимания Галька засмушалась и уже было начала снимать обновку, как бабы словно по команде все дружно заголосили:

– Да подожди ты снимать-то, дай хоть ещё чуток на тебя полюбоваться!

– Ай да баская³ же ты, Галька! – не скрывая своего восхищения, воскликнула Зойка.

– Красотища-то какая! Словно на картинке, впору в рамку – и на стенку тебя вешать, – восхищались женщины, невольно участвовавшие в импровизированном показе мод.

– А сшито-то, вы только, бабы, гляньте, будто портной специально для неё шил!

Они разглядывали Гальку со всех сторон,

¹ Дрын – длинная деревянная палка.

² Шаброва – соседская.

³ Баская – красивая.

словно впервые её видели, а некоторые, не выдержав, подходили, ощупывали материю, проверяли на прочность, восторгались тем, как обновка хорошо подогнана в талии, и, убедившись в хорошей работе портного, возвращались на своё место.

– Вот только хвост непонятно для чего, – заметила Улья. – Прямо по всей избе волочится, вы только, бабоньки, гляньте!

И тут, словно впервые увидев «хвост», все ахнули: интересно, и куды только их бабы ходили в таком наряде?

– Вот и попробуйте, бабы, в этом платье в огороде картошку копать, – опять выступила Улья. – Как пить дать, вся деревня с хохота помрёт, сбегутся на тебя смотреть как на сумасшедшую! Снимай, Галька, не конфузь себя, а то и вправду засмеют, скажут, куды это она вырядилась, да ещё с таким хвостом, как у павлина! Есть такая птица, где-то на краю света обитает, так вот у неё хвост точно такой же, как у этого платья, – объяснила бабам всезнающая Улья.

– Надо же, хвост-то, хвост-то какой длинный! Позорище, а не платье! – Бабы как одна присоединились к мнению Улья и, словно сговорившись, стали охаивать обновку, которой минуту назад все восхищались.

– Хотелось бы глянуть на этого портного, который выдумал сшить такое позорное платье? Да вы, бабоньки, только гляньте, хвост-то прямо по полу волочится! Надо ж, срамota-то, срамota-то какая! – больше других опять же продолжала возмущаться Улья.

И тут у порога послышался чей-то предупреждающий голос:

– Снимай, Галька, поскорее, а то, не дай-то бог, Симка-бригадир явится да увидит тебя в таком наряде, заикой сделается, последнего мужичка в деревне лишимся.

И, поддержав кем-то брошенную фразу, шаврова Зойка уточнила:

– Как пить дать заикой сделается, кто тогда на работу нас наряжать будет? Твой дом, Галька, бригадир целый год стороной будет обходить, без трудодней останешься.

– Да-а-а, во двор в таком наряде уже не выйдешь, – подытожила Зойка, – всех курей

перепугаешь, и нестись перестанут, а твой петух, Нюрка, вовсе окочурится от разрыва сердца.

– Как же, жди, окочурится! – набросилась Улья на Зойку. – Быстрее ты окочуришься, когда сверху долбанёт он тебя по темени. Откудова в нём столько злости, ну впрямь настоящий хвашист! Он ведь, зверюга, всей деревне не даёт проходу, у него взгляд-то бандийский, как у Махно. Анчихрист, да и только, по-другому не скажешь! Соберёт в узел свои буркалы¹ и бросается на людей!

Всё это время молчавшая Марфа, Нюркина вторая сестра, обратилась к Ульяке и удивлённо, с интересом в голосе произнесла:

– Ты каждый раз, Улья, меня удивляешь, надо ж петуху придумать такое закомурное² имя!

– Какое имя?

– Махно, аль забыла?

– Темнота – это я так, для сравнения, а Махно, разъясняю непонятливым, правая рука Хитлера, с кем чичас, будь он неладен, наши мужики воюют, защищая наши Каськи от проклятушного супостата!

– Ох и головастая же ты, Улья, всё-то про всех на свете знаешь, на все вопросы ответы имеются, говоришь складно, словно по писаному! – продолжала восхищаться Марфушка.

Улья же, польщённая столь высокой оценкой, снова обратилась к Нюрке:

– И всё же мне хотелось бы знать, когда ты, Нюрка, избавишь нас от петуха-хвашиста?

– Да немного ему осталось озорничать, – тихо, словно сама себе, ответила хозяйка горницы. – Вот уж Гришанька с войны вернётся, тогда в чугун его и отправлю.

– Дай-то Господи, скорее бы Гришанька пришёл! – и Улья перекрестилась перед образами.

– Мне уж и самой этот озорник надоед, – продолжала хозяйка горницы. – Только и выслушиваешь из-за него всякие неприятности. Не далее как третьего дня на Шамейку-татарина из соседней деревни Гельмановки набросился.

Старик в нашу деревню пришёл лапти про-

¹ Буркалы – выпуклые глаза.

² Закомурное – мудрёное, непонятное.

давать, а петух чуть было его не заклевал. Взлетел, паршивец, бабай¹ на самую маковку и долбит! Пришлось уже самой в эту драку вступать и его, негодника, стаскивать с головы Шамейки. Бабай с перепугу еле пришёл в себя, а когда очнулся, начал на меня кричать: «Ай да шайтан² твоя петух, ну суций шайтан! Моя лаптя чуть не отобрал, ай да шайтан! Мне дорога не даёт шагать, башка моя клюёт – собсем нехороший петух, скорей секир³ башка ему надо!»

И что вы думаете, бабоньки, заклевал бы старикашку, ей-богу, заклевал, не будь на голове бабая тюбетейки, да и я не окажись рядом. Жалко стало бабая: пришёл в деревню по делам, а тут на тебе – петух на него набросился.

– Знамо, заклевал бы, – опять встряла Ульяна, – как пить дать заклевал, анчихрист проклятый! Главное же, он, паразит, норовит клюнуть не только по башке, но и ниже спины в самое мягкое место!

В избе все рассмеялись.

– Ну чё ржёте?! – возмутилась Ульяна. – Почему из-за какого-то петуха моя задница раньше положенного срока должна терять товарный вид?!

А когда все успокоилась, она сделала вдруг неожиданный вывод:

– Может, он оттого и злющий, бабоньки, что курицы ему не дают?

В избе снова раздался хохот, и после этого кем-то начатая петушиная разборка сошла на нет.

Паранюха продолжала медленно распечатывать посылку, а Нюрка, не показывая своего волнения, с нетерпением ждала, когда сестра из какого-нибудь потаённого посылочного закуртка вынет заветный треугольничек и, конечно же, от радости заставит её сплясать.

«Ну и спляшу, – подумала Нюрка. – Лишь бы скорее увидеть в руках сестры долгожданную весточку от любимого».

* * *

Женщины продолжали рассматривать присланные наряды, поочерёдно примеряя на себя каждое из платьев, а затем со свойственной им

стыдливостью сбрасывали с себя непонятную для них чуждую одежду и снова переодевались в свои издававшие виды юбочки, в которых чувствовали себя гораздо привычнее. Это была их родная повседневная одежда, до последней нитки пропитанная навозом, потом, не один раз штопанная и проверенная на прочность изнурительным нечеловеческим трудом.

Наконец с платьями, что были вынуты из посылки, более-менее разобрались. Каждую вещь попробовали на ощупь, не один раз примерили, обнюхали, каждая из товаров высказала своё мнение, но главное ещё было впереди...

Продолжая удивлять присутствующих, следующим заходом во внутренность посылки Паранюха извлекла несколько небольших и пока непонятных упаковок, которые были обёрнуты в блестящую бумагу. Подобного в деревне ещё никто и никогда не видывал. На каждой такой упаковке было написано опять же непонятное для всех слово – «галеты».

– Надо ж, слово-то какое чудное. Галеты, – читая по слогам, словно процеживая сквозь зубы, произнесла Ульяна. – Вот, бабоньки, и гадай, что там внутри находится! Побыстрее бы Паранюха развернула, прям не терпится, ей-богу, не терпится хоть бы одним глазком глянуть на эту га-ле-ти-ну, с трезву, прости меня Господи, и не выговоришь! – не унималась она.

Любопытство с каждой минутой нарастало. Всем хотелось заглянуть внутрь упаковки и узнать, что скрывается там, за красочной бумагой. Но когда Паранюха начала разворачивать одну из упаковок, то за внешним слоем обёртки показался второй, ещё красочнее первого, отличавшийся на солнце золотистым цветом. Все, кто находился в избе, при виде такого чуда ахнули. Первая, как всегда, опомнилась Ульяна:

– Господи помилуй, да что же там такое может быть, если для этого золота не пожалели!

Но когда наконец увидели содержимое пакета, скрывающееся за двухслойными упаковками, в избе от невозможности найти объяснение все замолчали, и только муха на оконной раме, вибрируя своими крылышками, нарушала непривычную тишину деревенской горницы.

¹ Бабай – старик.

² Шайтан – нехороший.

³ Секир – отрубить.

Увиденному пока никто не хотел верить, лишь Улька, набравшись смелости, осторожно, на цыпочках подошла к краю стола, где лежал только что распечатанный пакет, и, не трогая его руками, сверху вниз заглянула внутрь. Разинув рты и устремив взгляды к столу, все ждали, что наконец скажет Улька. Она долго всматривалась в содержимое пакета, а потом вдруг заголосила:

– Да что же это такое деется-то на белом свете, бабоньки! Кому скажи – не поверят! Да и сама я в жисть бы не поверила, если б сейчас своими глазами не увидела!

– Да что ты там узрела-то, балаболка, не мучай нас, говори! – раздался чей-то нетерпеливый голос у порога.

– Лепёшки! Ей-богу, бабоньки, вот вам крест! – и Улька снова перекрестилась перед образами. – В золотую бумагу завернуты обыкновенные лепёшки. Нет, вы только полюбуйтесь, а глянете – со смеху умрёте! Лепёшки! Да что вы рты-то пооткрывали? Не верите?! Тогда подойдите и гляньте: самые что ни на есть настоящие лепёшки! То, что мы после выпечки в чистую тряпку заворачиваем, чтобы не черствели, а они, видите ли, золота не пожалели!

Сказанным словам подруги, что в упаковке обыкновенные лепёшки, никто не поверил, поэтому Марфа подошла к столу и, заглянув в пакет, подтвердила:

– Ой, и правда, бабоньки, лепёшки! – не смогла она скрыть своего восхищения и, больше не проронив ни слова, отошла в сторону.

Улька же, решив выступить в роли дегустатора, двумя пальчиками, предварительно поплевав и обтерев их о фартук, осторожно вынула из пакета одну лепёшку, попробовала на зубок.

– Бабоньки, они сами во рту тают, их и жевать не надо! – снова заголосила Улька. – Интересно, из чего же они сделаны? А запах-то, запах-то какой ароматный, по всей избе так и витает. Чуете?

Слова Ульки возымели действие. Все зашмыгали носами, стараясь уловить запах лепёшек, который и в самом деле витал по избе невидимым облачком, наполняя горницу лёгким ароматом. Давно забыв вкус хлеба, люди остро чувствовали запах заморских лепёшек.

Паранюха, прислушиваясь к бабьим разговорам, молча продолжала извлекать содержимое посылки. Недолголюбивая болтливых людей, она, обращаясь к Ульке, сердито произнесла:

– Тебе лишь бы жевать, а того не понимаешь, что эти лепёшки, может быть, присланы не для жёвывания! Не зря же они завернуты в золотую бумагу?! Свари чугунок картошки – вот и жуй, сколько в тебя влезет!

– Это где ж я возьму целый чугунок картошки, если её осталось только на семена?! – обиделась излишне разговорчивая Улька. – Хотите верьте, хотите нет, бабоньки, за день съедаю три картошины. Утром, в обед и вечером по картошине, лишь бы только заморить червячка. А то чугунок! Ну ты, Паранюха, и сказала же! Может, Бог даст, когда-нибудь и дождёмся такого праздника, когда за один раз, не задумываясь, можно будет сварить целый чугунок картошки, но такие денёчки, как я думаю, настанут только после окончания войны.

Люди, находящиеся в избе, Ульку понимали, поскольку у всех была та же проблема и каждый думал, как бы дотянуть до весны, не трогая семенные сбережения.

Поговорив о картофельных запасах, как-то сами по себе все снова переключились на присланные галеты. Слово «га-ле-ты» в избе никто не произносил. Это слово было чужое, непонятное, принесённое в крестьянскую избу из неведомых краёв. Другое дело лепёшка: сытная, горячая, только что вынутая из печки, замешанная из муки, на родниковой водице с солью, она осталась в памяти ещё с довоенных времён. Поэтому слово «лепёшка» как символ крестьянского достатка произносилось сейчас с особой любовью и уважением.

Но, несмотря на строгое предупреждение Паранюхи, что лепёшки присланы не для «жёвывания», Марфушка, так же как Улька, не удержалась от искушения и надкусила одну из галет.

– Ой, и правда, во рту тают, – сказала она. – Похоже, из крупчатки да на сале пекли, – сделала своё заключение Марфа, – и не иначе, приготовлены на какое-нибудь заговенье. Вот только уж больно тонюсенькие, прямо солнышко сквозь лепёшку просматривается. Куды это годится? –

И Марфа поднесла галету к глазам, глядя сквозь оконную раму на солнце. Рассмотрев заморское кулинарное изделие со всех сторон, она выдала заключение: – Хозяйка, видать, попалась шибко скупая, теста на нормальную лепёшку пожалела, – и, подойдя к столу, с достоинством положила надкусанную галету обратно в упаковку.

– А ты чё молчишь? – обратилась Галька к всезнающей Ульяне.

– Тут ясно всё и без разговора!

– Чего тебе ясно, говори, а то стоишь, надулась как мышь на крупу!

– Потому и молчу, что хозяйка вовсе не жадная, а икономная, – уверенно высказалась Ульяна. – Это вам, подруженьки, не ржаная мука пополам с лебедой, а, чай, крупчатка, соображать маленько надобно! Вот и прикиньте, сколько уйдёт крупчатки на толстые лепёшки, – высказалась Ульяна.

Но немногословная Галька, не согласившись с мнением Ульяны, произнесла:

– Марфушка права, и хозяйка этих лепёшек вовсе не икономная, а наверняка скупая, таких по жизни бывает сколько угодно.

– Правильно говоришь, Галька! – слышались голоса у порога.

– А как тут не быть правильным-то? – Галька уточнила: – У нас в Каськах, что ли, таких нет? – И сама же ответила: – Есть, только ещё похлеще! У некоторых зимой снега не выпросишь.

– Это кого же ты имеешь в виду?! – глядя на Гальку, спросила Ульяна.

– Ну возьмём хотя бы тебя!

– Это чего я тебе пожалела?

– Я же сказала, снега, – улыбаясь, спокойно ответила Галька.

После небольшой перепалки в избе снова наступила тишина. Воспользовавшись этой паузой и непонятно к кому обращаясь, Галька загадочно произнесла:

– То-то и оно! – И, развивая свою прежнюю мысль, она философски изрекла: – У этой горе-хозяйки мужик от постоянного недоедания, наверное, давно уже шкелет шкелетом стал, а по ночам свою бабскую прихоть, поди, справляет справно. Дак я вам вот что скажу, бабоньки: стерва она да и только, а не жена!

Своим решительным выводом Галька, похоже, окончательно убедила всех присутствующих, что заморская баба не экономная, а жадная. Ульяна, вдохновлённая окончательным выводом своей подруги, с присущей ей темпераментностью выкрикнула:

– Знамо, стерва, как пить дать стерва! – И, представив мужика-скелета, измученного жадной заморской бабой, она тяжело вздохнула, а затем отрешённо вымолвила: – Жалко беднягу, прям сердце кровью обливается, ни за что ни про что мужик пропадает... А с другой стороны, если хорошенько подумать, бабоньки, что его жалеть-то, дурака! Был бы настоящим мужиком – так стукнул кулаком по столу или дал этой бабе-жадюге пинка под зад и ушёл от неё!

– Куды? – спросила Галька.

– Как «куды»? – переспросила Ульяна.

– Куды, я тебя спрашиваю, ушёл-то бы он?

– Что, на свете баб мало?

– Как у тебя, Ульяна, всё просто получается. Я тебе вот что скажу, от таких стервозных баб не так-то просто уйти! – стараясь убедить Ульяну, снова высказала своё мнение Галька. – Мы ж её подноготную не знаем? Не знаем. Может, эта самая мамзель – колдунья, вот она его к себе и присупонила¹. Кормить как следует не кормит, и уйти от неё он не уйдёт. Ну сама посуди, можно такими тонкими лепёшками накормить здорового мужика?

И все, кто был в избе, Гальке хором ответили:

– Знамо, нет!

– Вот и я про это толкую, – снова подытожила Галька.

Но Ульяне так, видимо, хотелось хотя бы один раз досыта поесть картошки, что к сказанным словам она не преминула добавить:

– Ну разве что к этим лепёшкам сварить чугунок картошки...

И как же она была права! Из-за тяжёлой неженской работы, постоянного недоедания и голодных обмороков многие из них мечтали о чугушке ароматной, сваренной в мундире картошки, чтобы досыта наестся самим, а также накормить своих детей. Картошка в деревне

¹ Присупонить – привязать.

была единственной пищей, она заменяла людям хлеб, мясо, молоко, но и её, к сожалению, ближе к весне катастрофически не хватало. Все ждали тёплых весенних дней: как только сойдёт снег, можно будет снова перелопачивать свои огороды, а если повезёт, собрать хотя бы с ведра прошлогодней гнилой картошки, чтобы этим запасом продержаться с недельку.

А там подрастут крапива и другие условно съедобные травы, которые можно употреблять в пищу.

В деревне, наверное, не было семьи, где бы потихоньку, чтобы, не дай-то Бог, не услышали посторонние, не напевали шёпотом среди самых близких в минуты короткого отдыха:

*Когда Ленин умирал – Сталину наказывал:
«Хлеба много не давай, мясо не показывай...»*

И не давали, и не показывали. Отбирали у крестьян всё, что можно было отобрать. О хлебе старались не говорить, а что такое мясо, люди вообще и думать давно забыли.

Все понимали, что поесть досыта хлеба – мечта несбыточная, а раз так, тогда зачем об этом говорить? Если кто и держал корову, в семье её называли не иначе как кормилицей, особенно в тех семьях, у кого были дети. Но сейчас никому не хотелось думать о грустном.

Прерванный разговор о присланных галетах, которые сразу же переименовали в лепёшки, и о мифическом мужике-скелете, в существование которого все так поверили, возобновился.

– И всё же дурак он, что с такой бабой живёт, – продолжала настаивать на своём Улька. – Приехал бы к нам в Россию...

– Это куды ж в Россию-то? – спросила Паранюха, не давая Ульке закончить начатую мысль.

– А хотя бы к нам, в Каськи! Баб у нас много, сошёлся бы с какой-нибудь вдовушкой и жил бы себе поживал.

– Да не будь ты дурой, чего мелешь-то, непутёвая! – в сердцах напустилась Паранюха на Ульку. – Так он тебе и будет нашу картошку есть. Если там на крупчатке стал шкелет шке-

летом, здесь и подавно ноги протянет, особенно если с тобой сойдётся и будет три картошины в день делить на двоих.

Что тут скажешь? Доводы убедительные, и Улька на Паранюху не обиделась, но, чтобы хоть как-то оправдать себя, добавила:

– Ещё не хватало нам в деревне хвашистов, от одного петуха, которого Нюрка бережёт к приезду Гришаньки, впору куды-нибудь бежать.

– Петуха тоже оставь в покое, – опять вступила в разговор Паранюха, – просто он тебя не любит, вот и выбирает место помягче, чтобы клюнуть побольнее.

Все рассмеялись.

– Да хватит вам спорить-то из-за всяких пустяков, – одёрнула обеих Нюрка, увидев наконец в руках Паранюхи заветный треугольничек. Все взоры устремились на хозяйку горницы. Не торопясь Нюрка читала вслух, повторяя каждое слово дважды. Когда она дочитала письмо до конца, стало понятно, что Гришанька скоро придёт, и, разделяя с нею радость, многие стали потихонечку расходиться по домам.

– Похоже, мово Гришанька на войне не встречал, коль ничего не пишет... – произносили некоторые бабы, закрывая за собою дверь.

В избе остались самые близкие и по случаю такого праздника сели за стол. Нюрка из своего тайника достала пол-литра кумышки¹, обтёрла бутылку фартуком и бережно поставила её на середину стола, где, отсвечивая «золотом», лежала распечатанная пачка с заморскими «лепёшками».

Письмо переходило из рук в руки, а затем по избе полилась всем знакомая мелодия: «Вот кто-то с горочки спустился...» Бабы пели и плакали, плакали и пели, песня объединяла, она, как бальзам, лечила их измученные души, вселяла надежду на лучшее завтра. Все вместе и каждая в отдельности, думали они о возвращении с фронта своих любимых, о скорейшей с ними встрече здесь, в деревне, название которой – Каськи.

¹ Кумышка – самогон.

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В ШИРОКО ЗАКРЫТЫЕ ДВЕРИ

РАССКАЗ

Юрий АЛЕКСАНДРОВ

Было это ранней осенью лет двенадцать-тринадцать назад. Точнее не вспомню. Но Брянский вокзал тогда стоял под ремонтом. То, что там произошло, чему я был свидетелем и в чём принял непосредственное участие, могло случиться в любом другом городе, в любом населённом пункте. Но тогда это был Брянск. И брянцы здесь совершенно ни при чём.

Я выехал из Москвы ночным поездом с Киевского вокзала. Расчёт был таким, чтобы быть в Брянске утром, к началу рабочего дня. Поездка сугубо деловая – встреча с партнёром, и сразу обратно в Москву. Ни званных обедов, ни

ночлегов. Что там дороги-то – три с половиной сотни вёрст.

И уже около шести-семи утра я был на Брянск-Орловском вокзале. Времени до встречи с партнёрами было предостаточно. Но ни присесть, ни прикорнуть, ни кофейка глотнуть негде – зал ожидания закрыт на ремонт. А привычка всё делать с резервом, тем более что в Брянске я впервые, определила: взять такси и сразу же отправиться по адресу. «В случае чего там и подожду», – сам себе разъяснил я.

Однако в центре Брянска на проспекте Ленина я был уже через пять минут. «Вот же! – буркнул я себе под нос. – Время – семь. И два с половиной часа до randevu!.. Ну и ладно. Погода шепчет ясностью. Погуляем. Ознакомимся с ближайшими доступными достопримечательностями». Погода действительно была замечательной – настоящее бабье лето. Взблёскивающее между листвы и веток деревьев светило уже ярко светило. Но ещё не грело, а лишь подавало надежды, что вот-вот обожжёт по-осеннему. А пока оно самостоятельно выпросталось из-за много-и немногэтажек и нераскоронованных ещё деревьев.

Прогуляв из конца в конец весь проспект Ленина, прошагав от него по улице Горького до Десны, я взглянул на часы. Лишнее время безвозвратно ушло, а требуемое ожидалось через тридцать минут. Через пятнадцать минут я был на месте.

Вход в помещение был отдельным с улицы. Но ни в девять тридцать, ни в десять никто из принимающей стороны не объявился.

Прижавшись лбом к витринному окну низкого первого этажа, сделав одной рукой полутрубу, создавая полутень, я разглядел внутри заполненную мебелью и безлюдностью темень. Постучав в широко закрытые двери, дёрнув для порядка за дверную скобу пару раз, убедившись, что напрасно, я позвонил своим несостоявшимся визави. После неприлично долгих гудков сработавший автоответчик поведаль, что безвременная скорбь вынудила переменить все планы. А ещё то, что абонент станет доступным через несколько дней.

После такого печального объяснения моя злость и досада улетучились без следа. «Что поделать, – с досадой и пониманием сказал я вслух. – Такова природа человеческой жизни». До отправления моего автобуса, а возвращаться в Москву я запланировал именно так, было ещё два часа. «Неплохо бы кофейку... на дорожку. Да и взбодриться», – просветлев, подумал я и зашагал в направлении вокзала.

Повернув на главную улицу, я увидел ЦУМ – Брянский центральный универсальный магазин. Зашёл в кафетерий на первом этаже.

– Эспresso, пожалуйста, – не глядя на настенное табулированное меню, отрешённо-машинально произнёс я.

– Возьмите американо, – неожиданно врезалось мне в уши и вернуло в реальность. – Цена та же, а воды больше.

Я перевёл свой взор на воскресивший меня источник. Из-под сказочных павлиньих ресниц на меня всполохами смотрели чистые честные глаза совсем юной девы. Она хотела как лучше. Ну так её научили: помогать неразумным посетителям не тратить впустую нажитое.

– Спасибо! – искренне, но с капелькой ёрничества ответил я. – Я столько не выпью. А эспresso – в самый раз.

Выпив свой энергетик, который на вкус оказался в точности, как в столице, я пешком порулил к вокзалу.

На автобусной остановке на привокзальной площади я был ровно в двенадцать. До отправления оставалось тридцать минут. Подойдя к единственному на стоянке автобусу, больше похожему на музейный экспонат, извлечённый из дальнего угла хранилища для детальной реставрации, я обнаружил суетящегося, взъерошенного и небритого молодца, который то забегал в салон, то подбегал к открытому сзади автобуса агрегату и хрюстал разводным ключом куда ни попадя.

– Вы до Москвы? – поинтересовался я.

– Да... Но не поеду... стартёр... – промямлил переставший казаться «молодцом», водитель.

– А-а... – растерялся я.

– Ща... другой подойдёт, – бросил он, гася мои ещё не сформулировавшиеся возмущения.

В центре площади на скамейках вокруг неработающего фонтана бивуаком расположилось множество похожих друг на друга людей: все одеты явно во что-то ненужное, с полусмятыми клетчатыми баулами. Подойдя к ним, я выяснил, что они все до Москвы и ждут подменный автобус. Они охотно без вопроса рассказали, что всем табором едут на какую-то базу за товаром для местного свободного ритейла. Посетовали при этом, что привычные много лет «Черкизон» и «Лужа» закрыты. Потоптавшись рядом с ними, я стал вышагивать по площади, заглядывая в прилегающие закутки.

Потянулись минуты ожидания. Но подменный всё не приходил и не приходил. Постепенно, от получаса к получасу минуты тяжелели и всё сильнее притормаживали часовые стрелки. Я стenal с оптимизмом и призрачной надеждой, которая всполохами озаряла моё лицо и заставляла щурить глаза каждый раз, когда из-за скрытого поворота возникали звуки, непохожие на звуки легкового автотранспорта: вот-вот, вот-вот, вот идёт подменный. Но всё было не то.

А я всё вышагивал и вышагивал, наострив слух. Часа через три ноги окончательно растворились и начали саднить. По всей видимости, мои модельные туфли из кожи питона не были предназначены для пеших переходов через Среднерусскую возвышенность.

Но я продолжал ходить-вышагивать, не обращая внимания на боль в ступнях – так она меньше чувствовалась. При этом я считал: сколько шагов по одной стороне площади вдоль фасада вокзала, сколько шагов вдоль сквера, в уме высчитывал длину диагоналей и площадь. Вышагивал и рассчитывал площадь тротуара перед ремонтируемым зданием вокзала, площадь фонтана, общую протяжённость и квадратуру проезжей части. К тому времени я уже подсчитал и количество фонарных столбов, и количество окон во всех строениях на площади, рассчитал их высоты и длины. Кроме всего прочего, я высчитал, сколько требуется времени, чтобы пройти и добежать от одной точки на площади до любой другой. Я посчитал всё, что было или могло стать предметами подсчёта. И

готов был все свои наработки продать, нет, подарить любому статуправлению или же отделению железной дороги, лишь бы скорее подошёл автобус, который вывез бы меня домой. И всё это я делал на ходу, без минутной остановки. Результаты некоторых измерений поражали меня своей корреляционностью, словно кто-то специально определил, что количество фонарных столбов, возведённое в третью степень, должно быть равно длине окружности фонтана умноженной на два. Это занятие вызывало у меня восторг: во-первых, так легче коротать время, а во-вторых... ну надо же хоть что-нибудь делать.

И видимо, вся эта палитра чувств и ощущений проявилась на моём лице. Так как дежурившие на площади полицейские ни разу не подошли ко мне, не остановили. И за это им большое спасибо. Остановить меня было нельзя. Как нельзя остановить доменную печь. Потому что остановка – это смерть. Нет, конечно, поначалу они взирали на меня с подозрением: то ли как на нелегального геодезиста, делающего предварительную разметку местности, то ли как на подпольного землемера-шагомера, разбивающего участок виртуальными межами на будущие огороды. То, что я что-то подсчитываю, они, видимо, поняли по моим шевелящимся губам. Хотя... Возможно, то были мои молитвы.

Да я и молился. Шагал, считал и молился. И какой-то транспортный или же автобусный бог их услышал. Часа через четыре пришёл-таки подменный вывозитель тел и багажа. Вид у этого автобусоподобного нечто был точь-в-точь, как и у его собрата, стоявшего теперь глухим памятником, немوزهным раритетом посреди площади. Чувство некоей неосознанной тревоги накрыло меня с головой. Остановившись рядом с омертвевшим братом, он продолжал угарно пыхтеть и чадить двигателем или тем, что было вместо силовой установки. Из открывшейся двери вышел водитель и, то скрепя руки над головой, то выпрямляя их вверх, подал знак табору, мол, подходите, грузитесь, скоро отправляемся. Я оказался ближе всех. Поэтому встал первым у автобусной подножки.

В этот момент к прибывшему водителю подошёл другой из соседнего пепелаца. Сквозь

невнятное чихание незаглушённого агрегата и неравномерный гуд я услышал обрывки их разговора.

– ...Миш, ты, главное, не глуши... стартёр хреновый... – камуфлил подъехавший.

– Да чё я, не знаю.... На том, – полуобернувшись и вытянув сплоткой указательный и средний пальцы вместе с рукой, указывая на заглохший автопамятник, сипел старый водитель, – такая же х...ня. Ты мне скажи, а задняя втыкается?..

– Ты чё?! – отшатнулся новый подъехавший. – И не вздумай – глохнет тут же...

– А на заправке чё?! Тама как хошь, а задить придётся, – настаивал старый.

– Я заправился под завязку – должно хватить в оба конца. Хотя... топливомер не фурычит... – «обнадежил» второй первого.

Из уловленных и расшифрованных фраз стало понятно, что по маршруту на этом чадающем автохламе погонит водитель автохлама первого – заглохшего.

Я топтался у порога, не решаясь переступить его после услышанного. Не заходя в дверь, заглянул вовнутрь. Охватившая меня ранее жуть усилилась. Подкреплённая тайными знаниями, она деревенила мои мослы и чресла и цепенила разум. Я продолжал мяться у портала в неизвестность. Моё подсознание отделилось от брэнного тела и преградило ему дорогу в ад.

По-видимому, водители-заклинатели увидели мою опасливую нерешительность. Чуть сзади справа я услышал знакомое, теперь уже более чем обходительное сипение:

– Проходите! Проходите в салон...

– А... через сколько... в путь? – сбивчиво спросил я, стараясь подбирать слова, более соответствующие содержанию и смыслу предстоящего перемещения из Брянска в Москву. При этом как бы даже шифруя от прочих попутчиков своё желание пожить подольше.

– А?... – обрывисто раздалось сзади. – А-а!.. Минут через тридцать.

– Тогда я ещё покурю, – выдохнул я и отёрся от входа, так как за мной уже начала выстраиваться толпа везунчиков, которые, правда,

и не подозревали о том, что задумано этими «колдунами».

Народ полез внутрь, где без аллегорий вскорости могло возникнуть пекло. Пока пассажиры грузились и рассаживались, я, выкурив одну за другой несколько сигарет, решил выяснить у наших «колдунов-заговорщиков», есть ли у них маршрутный лист, который им должны были выписать на автобазе и в котором кроме прочего указывается техническая исправность транспортного средства. Также меня интересовали и указанный в нём маршрут поездки, и назначение. По-хорошему, гараж не имел права выпускать подобное из своих ворот вообще: не то что до Москвы, а даже по Брянску или пригороду. Значит это что? Самоуправство водителей? Это же подсудное дело – подвергать людей такой опасности. Да и не только пассажиров, но и другой транспорт на дороге и пешеходов.

– Извините, – перебивая гуд, крикнул я водителям-заклинателям и махнул им рукой. Они обернулись. Я ещё раз махнул рукой и направился к ним.

Вид у меня был столь решительный и грозный, что «колдуны» подумали: если даже их и не станут бить, то отбиваться придётся точно. Но ни до моих вопросов, ни до обмена мнениями, кто на что имеет, а кто не имеет право, ни до политических предпочтений, ни до взаимных оценок личностей дело не дошло. Имитация двигателя у второго пепелаца, пару раз пыхнув и чаднув, глубоко вздохнула и, не выдыхая, затихла. Вызверившиеся «колдуны» шибко забегали, засуетились, стали без удержу, без ума и заклички хрустать и сандалить то там, то сям, норовя своими колдовскими пассажами оживить труп. При этом время от времени, молча вызубиваясь, они бросали на меня косые осатанелые зраки, как на кудесника, не дающего им сотворить нечистое. Но никакие кунштюки им не помогли: кадавр закрыл глаза и простился с нашим миром. А может, я и впрямь, своими площадными похождениями и шёпотаниями переворожил их злое чародейство. Ведь в мои подсчёты эти два автоужаса тоже попали.

Воодушевлённый последними событиями, я с уверенностью Моисея вошёл в чрево поверженного монстра. Я наречисто рассказал своим несостоявшимся попутчикам то, что случайно услышал от водителей-заклинателей. Рассказал всё, что знал о правилах выпуска автотранспорта на дорожный маршрут. Красноречиво, с примерами и аналогиями обрисовал возможные перспективы путешествия на этом безлошадном тарантасе: и последствия аварии, и вероятность ночлега в их прелестных брянских лесах, и, в лучшем исходе, просто дополнительные траты их личных сбережений.

От моей краткой, но глубоко проникновенной речи пассажиры просто ошалели. Из реальных путешественников они перешли в разряд колеблющихся – ехать или не ехать? Да вроде как и не к спеху, так что бы уж непременно сегодня, так и нет. Можно и завтра. Или на следующей неделе. Зыбь их сомнений быстро нарастала. Поднялся лёгкий бриз. Всё хламное нутро заурчало. Проявились волнишки, сразу увеличившиеся до приличных волн с белыми кудряшками по наверхью.

Я был рад этим кудряшкам: «Кудряшки – это хорошо. Хуже было бы, если бы в дороге они оказались бы агонистической пеной». Народ, забрав свою корабейную поклажу и прочие пожитки, выдавился из клоаки и отправился восвояси. А я, прошагав по площади и прилегающим закуткам ещё часов шесть, дождался поезда, на котором и отправился домой – в Москву.

Я уезжал осиянный. Но со странным чувством. Чувством выполненного долга. Хотя не сделал ровным счётом ничего из того, зачем приезжал.

Хотя... Кто его знает?! Может быть, я для того здесь и оказался, что бы те брянцы не поехали на том автобусе смерти. Может, я своими словами уберёг людей от конца и прощаний с ними? Если бы та дьявольская тарантаска заглохла на трассе на скорости сто?! А может быть, лопнуло бы колесо или же заклинил бы редуктор?! Всё что угодно могло произойти с этим ящиком, собранным из позабэушных частей, место которым лишь под прессом!

Тогда же ещё одно чувство не спросясь вдруг осветило меня. Я, уезжая домой в Москву, покидаю вроде как тоже свой дом! Свой дом – Брянск!

Так с людьми иногда случается: приехав в первый раз в чужую, абсолютно незнакомую даже по книгам и слухам местность, пробыв в ней малость малую, но отметившись в ней чем-то особенным, запоминающимся надолго, не пропадающим из верхней памяти сразу же на выходе с закрытием дверей, чувствуешь, что она становится как бы филиалом, что ли, малой родины. Как медаль ордена – название похоже, а статус всё же другой. Но при этом тоже награда.

И всё же – это новая малая родина. Почти своё. Мы ненамеренно начинаем улавливать обрывки информации о ней: гордиться успехами и красотой, расстраиваться и возмущаться нерадивостью и промахами. У путешественников таких филиалов, конкурирующих между собой за первенство, случается множество. При этом все эти малые родины остаются практически неизведанными, постепенно уходящими с первых ролей в памятную глубину эпизодами. Но из которых, по сути, и состоит жизнь. По случаю или так, время от времени, они проявляются более явственно, напоминая о себе, что они есть и что их нельзя забывать. Да и вообще лучше бы наведаться туда вновь, подивиться: помнишь, как было? а погляди-ка, как теперь стало, как расцвело! И становится искренне радостно: а ведь и я там был, мёд-пиво не пил, но капелюшечку своей души и участливости приложил и оставил. А они мне взамен – свою теплоту: теперь они уже не чужие, не посторонние. Свои!

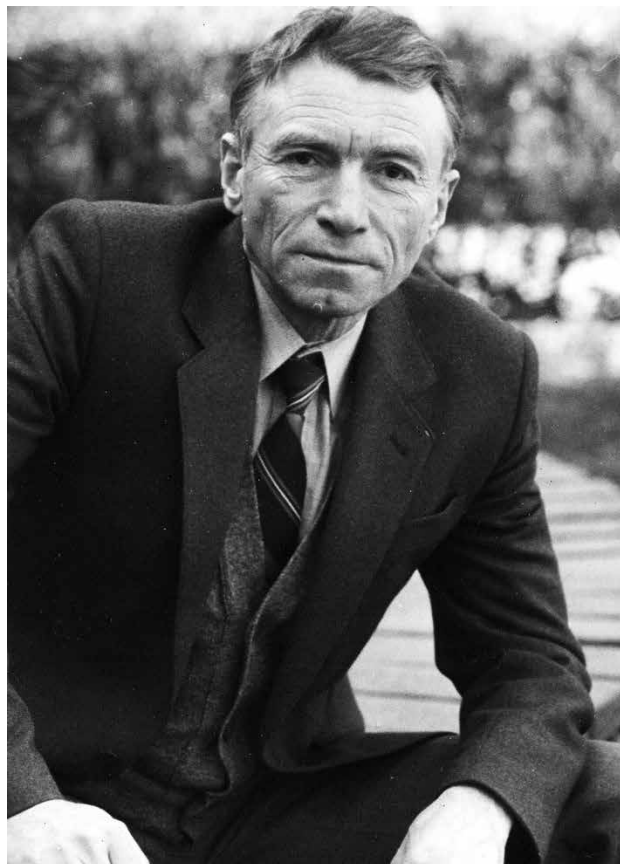
Так, значит, и правильно: все места, в которых мы побывали в жизни, становятся нам родными. Так и ВСЯ страна, изъезженная, исхоженная вдоль и поперёк нами самими, нашими детьми и близкими, словно связывается, скрепляется воедино и скрепляет всех нас. Так было. И так будет.

С этими благостными думами я уснул.

Поезд мерно баюкал меня квадратами и площадями колёс. И добавлял до самой Москвы.

ПРО МОЁ ДВОЙНОЕ ЗНАКОМСТВО С ВИКТОРОМ КОНЕЦКИМ

РАССКАЗ

I. ПРЕДИСЛОВИЕ

Есть такой известный писатель Виктор Конечкий. Наверняка большинство знакомо с его творчеством – морской прозой. А уже в совершенно зрелом возрасте он стал писать картины – замечательные работы. Ну а если вдруг кто-то посчитает, что талант Конечкого вас обошёл, то это вовсе не так: все смотрели кинокомедию «Полосатый рейс» – Конечкий написал сценарий этого фильма по своему же рассказу. А в морских (и не только) кругах очень популярна притягательная история про матроса Курву, который полностью оправдал свою фамилию, –

она как раз из рассказа Виктора Викторовича «Административное расследование».

К сожалению, Виктор Викторович скончался уже больше 20 лет назад. В этом году ему исполнилось бы 94 года.

II. ОДНАЖДЫ...

Однажды, совсем не так давно, то ли в полночь, то ли в полдень я ощутил неудержимое желание делиться: достать то, что иногда черкал для нижних ящиков стола и верхних книжных полок, то, что, накапливаясь годами и десятилетиями, помогало по жизни и одновременно тяготило, и опубликовать. То, что отыскивалось, осветил. Читал-разбирал, перекладывал-сортировал – в памяти взблёскивали ситуации и события, приведшие к написанию техopusов. Через несколько дней я понял, что в таком виде весь этот скелетный ворох нужно убрать обратно или сжечь. Но прошлое, взвихрившись, укоризненно сказало: «Нет! Давай, не мусоля, не теребя, дописывай-дорабатывай, переделывай-выводи». Я покладисто согласился. Тем паче что зуд желанья не успокаивался.

Параллельно я стал всё больше и больше ловить и заключать в бумагу то, что всю жизнь из моих мозгов и души бесконтрольно и беспечно то выливалось и уходило, как живая, но невостребованная вода в песок, то выпархивало, как дух из покойника, и растворялось в бытии. И всё по большей части невосвратно и неповторимо. Все те и новые неповторимости всегда возникали и возникают теперь импульсами, фонтанируют, будто кровь из хирургического разреза у больного на операционном столе, под сердечный перезвон или набат.

И я задался вопросом: «А как же делает-

ся это самое – ПИСАТЬ?» Ответ для меня был очевиден. Писать нужно так, как пишется, а как пишется, так и правильно: любо хоть кому-нибудь моё сочинительство – здорово, а если никому – значит, это очередное бумагомарательство. А с графоманами – либо душить, как делал Шариков в очистке, либо ставить на службу. Ну, «на службу» – это если связи есть. Или «бабки», лучше чужие.

Но это «как ПИСАТЬ?» свербело в голове твердосплавом с упорством обезумевшего от безвыходности соседа, занятого где-то с утра до позднего вечера без выходных, нечаянно затеявшего капитальный ремонт своими руками с перепланировкой в собственной квартире в многожильцовом доме. Покопавшись в слоях памяти, недораздавленных более свежими нагромождениями, я нашёл несколько забытых пластов: вроде бы когда-то мы с Конечким пересекались.

Моя родня подтвердила: «Конечно, он у нас ночевал несколько дней. По вечерам – бутылочка, разговоры, преферанс... И так до утра. Целую неделю». Разгладив складки памяти, я вспомнил те, как казалось тогда, непримечательности. И тут же прямо-таки кожей я ощутил и чуть ли не телесно погрузился в тогдашнюю густую застольную смесь – из дыма нефiltroванной «Примы» и элитарного «Космоса», благоухания нехитрых, но по-деловому достаточных выпивки и слюновыделяющих домашних закусок, с исходящими от всех и всего флюидами лёгкой сосредоточенности на карточных раздачах, не опустошающих карманы, так как играли не на деньги, а «за настроение», – смесь, укрывшую всех негой непринуждённого неторопливого дружеского общения. Это тот самый счастливый случай, который напрочь перечёркивает все законы физики – когда из «ничего» что-то да появляется. Блаженство – физическое и духовное!

Да-да! Что-то похожее было! Но на тех посиделках мы ничего не читали – пили-ели-играли-болтали... Не-е! Может, и по литературе между раздачами проходились, типа того, мол, кто что и как пишет, кто что новенького накропал. Но в этом-том-таком разговоре я мог быть

даже не слушателем, нет, это стало бы для меня наивысшей честью. Я мог быть лишь молчаливым статистом – это когда вокруг тебя говорят вроде бы понятные слова, но сам ты смысл не улавливаешь, при этом стараешься всячески это закамуфлировать многозначительными мимикой и междометиями, несуразность которых понимают все, кроме тебя, но не делают разоблачающего тебя и назидательного вида. Хотя стихи я тогда уже немного пописывал и даже вёл личный дневник.

У Конечкого же были общие профессиональные интересы с моим дядей Эдмундасом Казьевичем Вецкусом – дядей Эдиком – журналистом, писателем, поэтом, который когда-то ходил в море, а тогда был главным редактором газеты «Моряк Литвы» и организовал в начале 80-х клуб прозаиков и поэтов Литовской ССР, пишущих на русском языке, «Среда». А я тогда всего лишь, кажется, собирался на мою вторую морскую практику на СТМ (средний траулер морозильный) «Ольгино» и жил у своей родной тёти Риты – младшей сестры моей мамы.

На самом деле меня тогда представили Виктору Викторовичу – а было это в первую половину лета 1985 года, и мне вскорости исполнилось 19 лет – как его будущего коллегу. Виктор Викторович тоже ходил в море и помощником капитана, и капитаном, а я в тот год ещё учился в мореходке. До того знакомства я о Конечком вряд ли что-нибудь слышал, ну уж точно ничего не читал. Но после тех посиделок я стал искать его рассказы и повести, находя некоторые из них в различных литературных журналах. Только в 1989 году, когда вышел восьмитомник В. В. Конечкого «За доброй надеждой», я, купив его с оказией, проштудировав, как правила борьбы за живучесть судна, загрузился и зарядился под завязку ожившими картинками прочитанного и зажигающей творческой энергией. Было ощущение, что всё написанное – обо мне, про мою жизнь, каким-то образом подсмотренную автором, увиденную моими глазами и даже пересказанную моими словами. К тому моменту я уже не один год ходил в море штурманом – помощником капитана на рыбопромысловых судах и поработал

и в Канаде, и в Англии, и в Западной Сахаре, и в Анголе, и в Гвинее-Бисау, и в Сенегале, и в Мавритании, и в Германии, и в Дании. Вот тогда, протралив и проштормив всю Атлантику от Мексиканского залива на западе до Западной Сахары на востоке и от Анголы на юге до Шпицбергена на севере, помёрзнув в тропиках и позагорав за полярным кругом, я уже стал готов сказать Виктору: «Приветствую вас, коллега! Читал ваши рассказы. Здорово!.. У нас был случай. Зашли мы как-то в Киль...»

III. НАЧАЛО

Я пробежался взглядом по своей домашней библиотечной стене, пытаюсь высмотреть имя Конецкого. Отыскать что-либо сразу затруднительно – мой личный библиотечный фонд насчитывает около тысячи томов. К тому же из-за нехватки места книги на полках стоят в два ряда – задние в четверть оборота. Нашёл – «Конечкий» – в первых рядах. Не выбирая, тем более что тридцать с лишним лет назад всё это я уже прочитал, открыл одну из его книг на оглавлении. Остановился на рассказе «Корабли начинаются с имени» – просто потому, что он был первым в этом томе и самым коротким.

Я проглотил этот рассказ с ходу, стоя, не двигаясь с того момента, как прочитал первое предложение. Стрелка уровня эмоций, сделав не предусмотренные регламентом и здравым смыслом дополнительные обороты, в восторге замерла. Я словно с разбега влетел в объятия старого доброго знакомого – на всю глубину вытянутых навстречу друг другу рук, – с которым давным-давно разошлись по жизни, а теперь спустя три десятилетия встретились нежданно-негаданно: он и светел воспоминаниями, и интересен произошедшими в нём и во мне переменами. Тут же вагонами и вагончиками – хотя нет! Нет! Трюмами и твиндеками под погрузку-выгрузку – пошли под чтение и другие забористые истории Конецкого: одна за одной, одна за одной, лишь с небольшими минутными безъякорными остановками ГД (главный двигатель) и палубных лебёдок. И почти сразу же «Титаниками», только не на

дно, а на всплытие, потянулись памятности уже из моей морской жизни. Казалось бы, безвозвратно утерянное и навсегда забытое прошлое взвихрилось сознанием, начавшим рефлексировать, по-иному располагать, видеть бывшее как бы со стороны, иначе толкуя и оценивая его, помогая разглядеть несправедливо пропущенные оттенки далеко-далёкого, меняя акценты с, как тогда казалось, главного на то, случившееся когда-то, что главным определилось лишь теперь – с вершины прожитого и пережитого. Перед глазами клокотали сюжеты не из читаемых мною в этот же самый момент рассказов Конецкого, а из тех, которые ещё не написаны – мной.

Вы видели когда-нибудь проявляющиеся в сознании как наяву позабыто-неизвестные легенды, всплывающие, словно загоризонтные миражи?! Да?! Во-о! Нам с вами повезло!

И вот что интересно. Читая, я беспрестанно реагировал и на то, что рисовал автор, и одновременно на то, что я сам додумывал и проживал. При этом одно другому не мешало, а как бы дополняло читаемое моими красками и уточнениями. Я как будто бы вёл тот, состоявшийся тридцать пять лет назад, разговор с Виктором Викторовичем, только теперь уже по существу и со знанием дела, на темы нашего с ним общего, один на один и один за двоих. Диалог двух коллег-мореманов, понимающих друг друга не то что с полуслова, а с полувзгляда на хронометр и компасную картушку, когда оба знают и без толмачей понимают разницу между огоном и гашей, между «плавать» и «ходить». Диалог наставника и ученика про то, как было и как есть, как можно, а как надобно. И в то же время я начал писать в голове собственные рассказы про мои походы, встречи, ощущения, впечатления: и про те, что были в море, и про те, которые на берегу.

Так-таки пишу и теперь. Вот только теперь – всё больше на бумаге.

Такая вот штуковина получается! Посильнее, чем «Фауст» Гёте. А?! Хотя... Кто-то подобное уже говорил.

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРИЗНАНИЕ

27 ноября – 02 декабря 2023 в г. Бангкоке (Таиланд) прошёл Международный филателистический Чемпионат под эгидой Всемирной Федерации Филателии (FIP). Значимость мероприятия была обозначена присутствием принцессы Таиланда – Сириваннавари Нариратана которая открывала выставку. В выставке участвовали 63 страны, включая Россию. Кроме около 500 экспонатов в классе филателистической литературы были представлены 163 издания (шесть из Российской Федерации). Одну из главных наград Чемпионата – позолоченную медаль получила книга «Нобелевские лауреаты по литературе на почтовых миниатюрах» авторы – А.Н. Сёмин, А.С. Труба, издательство "Вече".

Диплом и уникальная позолоченная медаль стали прекрасным подарком победителям в уходящем году.

8 декабря состоялось заседание Секретариата Союза писателей России, посвящённое 65-летию творческого Союза. Управляющий вице-президент Российского Книжного Союза Леонид Леонидович Палько зачитал приветствие Президента РКС С.В. Степашина и наградил Почётным знаком Российского книжного союза Анатолия Трубу главного редактора журнала «Александръ».

Александр СЕРГЕЕВ

SAWASDEE

**Welcome to the WSC Exhibition
THAILAND 2023**

Grand Postal Building (GPO)
November 27 - December 2, 2023

Around 2,500 Frames of Exhibits
FIP Grand Prix Club & Court of Honour Displays
International Dealer Booths

Host: The Philatelic Association of Thailand under the
Patronage of H.R.H. Princess Maha Chakri Sirindhorn (P.A.T.)

Supported by: Thailand Post
Under the Patronage of FIP and the Auspices of FIAP

Никас Сафронов. Зимнее Утро. Явление рождественских ангелов.х.м.61х41,2011

«АЛЕКСАНДРЪ»

 alexlib.ru